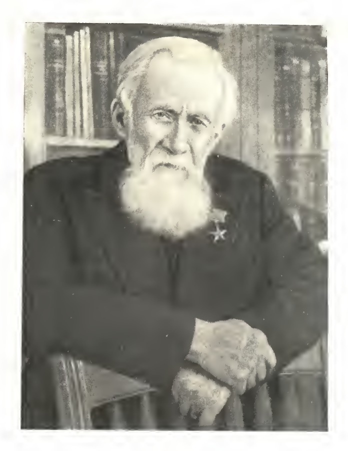

В. А. Обручев
Путешествия
в прошлое и будущее

Академик
ВЛАДИМИР АФАНАСЬЕВИЧ
ОБРУЧЕВ
1948 г

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Академик В. А. Обручев

Путешествия в прошлое и будущее

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Издательство «Наука»
МОСКВА • 1965

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
член-корреспондент АН СССР С. В. ОБРУЧЕВ

ОТ РЕДАКТОРА

Академик Владимир Афанасьевич Обручев был геологом, географом и путешественником; его деятельность неразрывно связана с исследованиями Сибири, Центральной и Средней Азии, с крупнейшими проблемами геологии и учения о полезных ископаемых. Он был ученым с мировым именем. Но широким кругам читателей он известен и как автор научно-фантастических произведений, появлявшихся в печати с середины 20-х годов. Эти произведения, из которых наиболее любимы и молодежью и взрослыми повести «Плутония», «Земля Санникова» и «Золотоискатели в пустыне», разошлись в сотнях тысяч экземпляров в СССР и за рубежом.

Творческий путь Владимира Афанасьевича в области художественной литературы, приведший его на шестом десятке лет к научной фантастике, довольно сложен. Подобно Жюлю Верну, он сначала испробовал свои силы в самых различных литературных жанрах. Унаследовав от своей матери Полины Карловны Обручевой (писательницы, автора многочисленных рассказов и очерков, опубликованных в России и Германии) любовь к литературе, Владимир Афанасьевич уже со студенческих лет начал писать рассказы и очерки, часть которых в 1887—1895 гг. появилась в различных петербургских газетах. Писал он в это время и лирические стихи и даже мелкие юмористические рассказы (один из них был напечатан в журнале «Будильник»).

Позже, в 90-х годах XIX—начале XX в., он перешел к более крупным произведениям. В его архиве обнаружены наброски многих рассказов, планы пьес, планы и отдельные главы романов. Один из таких романов В. А. Обручева — «Рудник Убогий» — был опубликован издательством «Пучина» в 1926 г. Кроме того, сохранился еще один неопубликованный роман «Лик многогранный». Все эти произведения относятся к жанру психологически-бытовых романов и рассказов и в общем не представляют большой художественной ценности.

Среди рукописей В. А. Обручева найдена также и законченная пьеса «Остров блаженных», написанная под явным влиянием драм Метерлинка.

В начале XX в., перед революцией 1905 г. и в ближайшие после нее годы, Владимир Афанасьевич выступил с рядом острых политических фельетонов в прогрессивных газетах г. Томска.

Таким образом, к созданию научно-фантастических романов и рассказов В. А. Обручев приступил, уже имея большой литературный опыт. Он давно интересовался этим жанром. Но только после Великой Октябрьской социалистической революции он создал несколько крупных произведений этого рода; кроме перечисленных трех романов была еще опубликована законченная в последние годы его жизни повесть «В дебрях Центральной Азии».

Из написанных ученым научно-фантастических рассказов были напечатаны только три — «Видение в Гоби», «Полет по планетам» и «Происшествие в Нескучном саду».

Но среди рукописей В. А. Обручева сохранился ряд законченных и незаконченных научно-фантастических рассказов и повестей, которые представляют интерес для читателей. Лучшие из них включены в этот сборник. Текст печатается по рукописям В. А. Обручева или по авторизованным машинописным копиям.

В разделе «Неоконченные повести и рассказы» даны отрывок из начатой В. А. Обручевым в 1942 г. повести «Завоевание тундры» и план повести «Солнце гаснет», которая так и осталась ненаписанной; эти два произведения по тематике связаны с повестью «Тепловая шахта».

В. А. Обручев интересовался историей исчезнувшей Атлантиды и неоднократно возвращался в своих популярных статьях к этому вопросу. Насколько велик был его интерес к таинственному острову, видно из публикуемых впервые в этом издании двух глав начатой им повести, которой мы дали название «Сказание об Атлантиде» и которая не была им продолжена.

Публикуемые рассказы, повести и наброски еще раз подтверждают широту научных интересов писателя и оригинальность его замыслов.

Второе издание, как и первое, подготовлено к печати В. В. Обручевым.

С. В. Обручев

ЗАГАДОЧНАЯ НАХОДКА

В течение первых двадцати лет XX в. английский археолог А. Стейн организовал несколько больших экспедиций вдоль северного подножия горной системы Куньлунь—Наньшань от Памира на западе до городов Ланьчжоу и Лянчжоу в китайской провинции Ганьсу на востоке.

Эту длинную полосу во Внутренней Азии он выбрал для своих исследований потому, что вдоль нее когда-то пролегала «шелковая дорога», по которой в средние века постоянно ходили караваны, доставлявшие шелк и другие китайские товары в страны южной Европы. Из Кашгара караваны по нетрудному перевалу проходили в Фергану и Самарканд и далее через Мерв и Персию, обходя с юга Каспийское море, шли на запад до Византии и других государств на берегах Средиземного моря. По этой дороге из Италии в Китай прошел в XIII в. путешественник Марко Поло, описавший этот путь и свое пребывание в течение нескольких лет в Китае.

Естественно, что вдоль такой большой и длинной торговой дороги должны были существовать многочисленные города и селения,

где караваны могли отдыхать, закупать провиант для людей, корм для животных, менять уставших верблюдов, лошадей и мулов на свежих, заменять погибших, получать проводников, в иных случаях конвой, продавать часть товаров и т. п. Но, начиная с XVII в., этой шелковой дорогой мало-помалу перестали пользоваться, и она приходила в упадок. Развитие мореплавания сделало более удобным обмен товарами с Китаем по морским путям вместо длинного и трудного сухопутного, пролегающего через ряд государств с различным политическим строем и разными условиями торговли и пропуска чужих караванов.

Стейн выбрал эту полосу Внутренней Азии для своих исследований именно потому, что надеялся найти на шелковой дороге много археологических памятников в развалинах городов и селений, интересных и самих по себе и для выяснения вопроса о культурных и торговых связях южной Европы с Китаем, а также Китая и Европы с Индией. Ведь на ту же шелковую дорогу выходили пути из Индии через Гималаи и Каракорум.

Экспедиции Стейна были хорошо подготовлены. Его сопровождали всегда два-три индийца, специалиста по топографической съемке, определению высот, вычерчиванию карт. Они и вели съемку маршрутов экспедиций, и отчеты Стейна сопровождались хорошими картами. Стейн производил также раскопки в развалинах населенных пунктов на шелковой дороге. Эти раскопки дали большие и ценные коллекции, украсившие музеи. В развалинах Стейн фотографировал фрески на стенах, статуи божеств и героев, архитектурные детали. Свои путешествия он описывал сначала в коротких отчетах, печатавшихся в журнале Географического общества в Лондоне, а после обработки всех сборов и наблюдений изложил результаты в трех многотомных трудах «Развалины пустынного Китая», «Сериндия» и «Внутреннейшая Азия», богато иллюстрированных видами местностей и развалин, картами, снимками фресок, статуй, картин, посуды, монет, рукописей, одежды, добытых при раскопках и при изучении развалин.

Одна из находок Стейна привлекла большое внимание знатоков, которые признали ее загадочной.

В небольших развалинах на берегу р. Керии, на южной окраине песчаной пустыни Такла-Макан в китайском Туркестане, Стейн нашел возле остатков стен буддийского монастыря странный предмет, полузасыпанный песком бархана, надвинувшегося на развалины. Этот предмет представлял собой полушар, переходящий в притупленный конус. Диаметр полушара достигал 40 см. Цвет был зеленый, как у бутылочного стекла, поверхность матовая, очевидно, от ударов песчинок, которые в течение десятилетий или даже веков приносились ветром и ударялись в поверхность полушара и конуса. На поверхности конуса были, кроме того, неправильные плоские углубления, похожие на отпечатки пальцев, сделанные, пока тело было мягкое. По цвету и весу можно было

предположить, что этот предмет состоял из вещества, близкого по составу к стеклу, и не содержал тяжелых включений.

Эта находка была единственной в своем роде и осталась необъясненной. Нахождение ее у развалин буддийского храма наводило на мысль, что это принадлежность религиозного культа. Стейн высказал мысль, что конус, может быть, изображает Будду, закутанного в плащ, которым он покрыл целое полушарие Земли, и что этот предмет увенчивал верхушку крыши буддийского храма или столб у входа.

Исследователь Гималаев геолог Гейдн хорошо знал Стейна и очень интересовался его трудами. Прочитав описание этой находки и увидев ее изображение, он подумал, не является ли она каким-то неизвестным ископаемым животным или растением, а если нет, не новый ли она вид изверженной горной породы. Будучи в Лондоне, он побывал у Стейна и вместе с ним пошел в Британский музей, где большие коллекции Стейна занимали несколько залов. Полушар-конус стоял среди статуй разных буддийских божеств и героев на столбике с этикеткой «Загадочный предмет буддийского культа». Его сняли с постамента, положили на стол. Гейдн осмотрел его со всех сторон, ощупал, простукал, взвесил на руке, под лупой оглядел его поверхность и сказал:

— Мне пришла в голову странная мысль, сэр! Я начинаю думать, что эта фигура не имеет ничего общего не только с каким-либо культом, но вообще с нашей Землей!

— То есть как это, дорогой коллега? — удивился Стейн.

— Это каменный метеорит, пришелец из Вселенной! Вы посмотрите на форму конуса, на эти вмятины. Они очень напоминают переднюю часть метеоритов, которая раскаляется и оплавляется от сопротивления воздуха при полете перед падением на землю. Этот конус очень похож на метеорит, упавший в середине XIX в. вблизи озера Иссык-Куль и городка Каракол в Тянь-Шане. Полушария у того метеорита нет, а конус меньше по размерам. Если метеорит в мировом пространстве имел форму шара, то, попав в атмосферу нашей Земли, он при полете должен был нагреться, частью расплавиться, и переднее полушарие превратилось в конус.

— Почему же он не разбился, не лопнул при падении?

— Он ведь лежал, как вы пишете, в рыхлом, сыпучем песке, который сильно смягчил удар падения.

— Но разве бывают такие полупрозрачные метеориты?

— Да, бывают. Они по составу очень похожи на вулканические стекла Земли, зеленые, буро-зеленые, серо-зеленые. Их называют молдавиты, балатониты, австралиты — по названию той страны, в которой их находили. Таких метеоритов найдено уже довольно много, обыкновенно по нескольку в одном месте. Можно думать, что это оплавленные осколки крупных метеоритов, лопнувших в воздухе при падении. Возле этого вы не видели еще других?

— Нет. Он лежал совсем особо, зарывшись наполовину в песок.

— Анализ покажет вам, метеорит ли это. Вы разрешите отрезать от него кусочки для анализа и для шлифа, который мы изучим под микроскопом?

— Конечно, это нужно сделать. Но если анализы покажут, что это метеорит, — его придется убрать из этой коллекции: как случайный гость с неба он потеряет всякое значение для археологии. Но где вы хотите отрезать кусочек?

— Лучше и легче всего срезать часть закраины в основании конуса. Это меньше испортит общую форму тела. Я устрою это, его нужно перевезти в мастерские, чтобы срезать кусочек машиной аккуратно и без порчи.

Стейн согласился, и Гейдн увез полушар-конус. Спустя неделю он вызвал Стейна по телефону:

— Приезжайте скорее. Ваша статуэтка Будды оказалась с большим сюрпризом. Я жду вас в мастерской.

В шлифовальной мастерской Стейн застал Гейдна и нескольких геологов возле предполагаемого метеорита, лежавшего на столе. Гейдн объяснил:

— Смотрите, сэр! Мы отпилили по ровному кусочку с двух противоположных сторон закраины основания конуса, чтобы получить материал для шлифов и для анализа. То и другое уже сделано и показало, что вещество по составу и строению отличается от известных нам метеоритов типа молдавитов, похожих на вулканическое стекло. Форма, действительно, напоминает метеорит Каракол 1843 г. Удаление кусочков с противоположных сторон позволило нам заглянуть внутрь тела, чему ранее мешала его матовая поверхность. Оказалось..., но смотрите сами!

Стейн заглянул в срезанную плоскость с одной стороны, а с противоположной стороны срез осветили электрической лампочкой. Можно было видеть, что внутри зеленоватой стеклянной массы, как раз на границе между полушаром и конусом, лежит толстая металлическая пластинка, на которой различимы какие-то узоры, похожие на иероглифы, окруженные вязью.

— Чрезвычайно странно! — воскликнул Стейн. — Разве в стеклообразных метеоритах бывают внутри металлические части?

— До сих пор не попадались! Но, чтобы определить, что это за включение, необходимо его вынуть для исследования. Вы разрешите разрезать эту фигуру пополам?

— Конечно, это необходимо, хотя и жаль ее испортить!

— Мы аккуратно вырежем часть стекла вместе с пластинкой, чтобы потом можно было опять склеить фигуру; она лишь немного укоротится. Эта работа займет несколько часов. Завтра приезжайте сюда опять.

На следующий день в мастерской собрались геологи. Им показали вырезанный из тела стеклообразный круг толщиной в 5 мм, с квадратной металлической пластинкой в 20 см в поперечнике. Ее теперь можно было рассмотреть с обеих сторон через тонкий

слой покрывавшего ее стекла. На обеих сторонах были иероглифы и вязь. Несомненно, что это был не просто метеорит, а произведение человеческих рук.

Но что же это такое? Какая-то историческая запись из времен существования храма и селения, в пределах которых она была найдена, запаянная в стеклянную оболочку для защиты от вредных влияний атмосферы? Или же это особенно важный императорский указ или письмо от Далай-ламы из Лхассы в Тибете, вырезанное на металле, покрытое стеклом для защиты и стоявшее в храме на особом пьедестале для обозрения молящихся? Ведь буддисты нередко замуровывают рукописи, статуэтки, иконы в свои религиозные сооружения — субурганы, которые воздвигаются возле храмов в виде своеобразных памятников по нескольку в ряд. Может быть, стеклянная фигура представляла собой такой портативный субурган, привезенный из Лхассы в подарок этому монастырю, и только песок, переносимый ветром, истер, изуродовал первоначальную правильную форму памятника? Это могло бы объяснить странную форму тела, напоминающую метеорит.

Для решения загадки, конечно, требовалось расшифровать надписи на обеих сторонах пластинки и прежде всего очистить ее от остававшегося на ней тонкого слоя стекла. Стейн разрешил произвести все необходимые манипуляции. Стекло полностью отбили осторожными ударами небольшого молотка, и оказалось, что внутри была не одна толстая пластинка, а целая пачка, 20 штук, очень тонких. Каждая из них имела только 0,06 мм толщины, а вся пачка в совокупности — 1,2 мм и была скреплена по углам тонкой проволокой. Каждая из пластинок была покрыта с одной стороны очень мелким шрифтом, состоявшим из иероглифов и букв разного рода; другая сторона была чистая, и только у двух пластинок, закрывавших пачку сверху и снизу, покрыта крупными иероглифами и вязью, которые и были различимы через стекло и обратили на себя внимание. Таким образом, 20 пластинок содержали не какой-либо указ, а длинное послание, может быть, летопись.

Когда это выяснилось и собравшиеся рассмотрели загадочные пластинки, Гейдн воскликнул:

— Я остаюсь при первом предположении, что эта штука — метеорит, но искусственный, сделанный в качестве оболочки для вложенного в него длинного послания, отправленного разумными существами, живущими на другой планете. В общем это междупланетное письмо, неожиданно попавшее к нам в руки!

Кое-кто из собравшихся рассмеялся, другие улыбнулись, третьи начали возражать. Судили, рядили и, конечно, после странной гипотезы, высказанной геологом, необходимость расшифровать текст пластинок стала совершенно очевидной.

С пластинок сделали фотоснимки с увеличением в три раза. Теперь можно было рассмотреть отдельные иероглифы и буквы, чередовавшиеся в тексте неравномерно. Иероглифы, как известно,

представляют собой не отдельные буквы, а целые понятия и, очевидно, были применены в загадочной рукописи ради экономии места. Среди них можно было различить, во-первых, иероглифы, похожие на египетские, упрощенно изображавшие людей, животных, здания, растения, сосуды и пр., а во-вторых, похожие на китайские или японские, состоящие из черточек и точек разной величины и в разных сочетаниях. С иероглифами того или другого типа чередовались в большом количестве слова, состоявшие из букв, часть которых была похожа на буквы латинского алфавита, часть — на буквы греческого, часть — на армянские буквы, еще часть — на арабские.

Копии фотоснимков были разосланы в академии наук всех государств с просьбой привлечь для изучения и разгадки текста пластинок языковедов всего мира — египтологов, китаистов, арабистов и т. д. Иероглифы, похожие на египетские, были расшифрованы скоро; но они составляли не более 6—7% текста и, конечно, лишь несколько помогли понять содержание текста в общих чертах. Сопоставление с китайскими и японскими иероглифами не дало никаких результатов. В общем не менее половины текста оставалось непонятным до последнего времени. Только после того как в науке появились понятия о расщеплении атомов, о ядрах, нейтронах, электронах, позитронах, о радиосвязи и телевидении, новых сплавах металлов и т. п. и соответствующая им терминология, одному русскому языковеду при помощи физика удалось расшифровать весь текст с очень небольшим количеством пробелов и сомнительных толкований некоторых слов. [...]

Повествование имело следующее содержание:

«Мы, обитатели небольшой планеты, посылаем это описание, заключенное в стеклянный шар, в мировое пространство. Надеемся, что оно попадет на одну из ближайших к нам планет, по-видимому, населенных разумными существами, подобными нам. Они сумеют прочитать описание, понять причины катастрофы, постигшей нашу планету, пожалеют о нашей печальной судьбе и примут своевременно меры, чтобы избежать подобной же участи.

Наша планета отдалена на . . . . . от центрального светила и имеет . . . . . . в поперечнике[1]. Она находится между более близкой к светилу и более крупной планетой, которую мы называем Голубой, и более далекой, меньшей, называемой Красной. По величине наша планета также промежуточная — меньше Голубой, но больше Красной. Принимая во внимание расстояние от светила, размеры планет, вид их поверхности, мы убеждены, что только на этих двух, ближайших к нам планетах могут жить разумные существа, подобные нам. Планеты более далекие слишком велики и получают слишком мало тепла от светила, на них не может быть условий, необходимых для возникновения и развития

[1] Это место послания расшифровать не удалось. — *Прим. авт.*

жизни. Две планеты, более близкие к светилу, еще очень молоды и горячи, на них жизнь, может быть, только начинает развиваться. Эти выводы получены нашими учеными, изучающими светила и их спутники, и являются правдоподобными. Поэтому мы приготовили описание наших бедствий для обитателей Голубой и Красной планет, чтобы предостеречь их от повторения наших ошибок, вызвавших катастрофу, которая уже началась и должна закончиться в недалеком будущем.

На нашей планете суша и вода занимают почти одинаковые площади, но на западном полушарии меньше суши и больше воды, а на восточном, наоборот, больше суши; на обоих полушариях суша состоит из нескольких крупных островов, разделенных проливами или неглубокими морями, и большого числа маленьких островов. Все они густо заселены разумными существами, культура которых очень старая и достигла значительных успехов в использовании сил природы. Наши острова имеют ровную или холмистую поверхность и плодородную почву. Запасы твердого и жидкого горючего давно уже извлечены нами из глубины. Мы пользуемся также силой ветра и силой воды рек и моря, но их совершенно недостаточно. Наши ученые сумели выяснить, что огромная энергия заключена в самих соединениях простых частиц, из которых состоит наша планета, как, несомненно, и остальные планеты и центральное светило, и что ее можно использовать, разлагая элементы на их основные части с выделением огромного количества энергии. После долгих опытов и неудач мы научились делать это разложение и безопасно использовать получаемую энергию.

Энергия горючего, воды и ветра используется при помощи больших и тяжелых машин, тогда как энергия самих элементов может быть получена посредством небольших устройств, удобных для перемещения по суше, воде и воздуху. Вы, разумные существа на Красной планете, которая старше нашей, конечно, давно уже знаете эту страшную внутреннюю силу элементов и умеете пользоваться ею. А вы, на Голубой планете, более молодой, едва ли дошли уже до той ступени развития, как мы. У вас на планете должно быть еще много горючих веществ, много больших рек. А маленькая планетка, или спутник, вращающиеся вокруг Голубой планеты, вероятно, вызывают своим притяжением такие волны в ваших морях, которые легко использовать как движущую силу. Поэтому вы могли еще не додуматься до нахождения и использования элементарной энергии, без которой мы уже не могли бы существовать. Вам, конечно, было бы очень интересно узнать, как ее получить. Но этого мы вам не расскажем, так как она очень опасна. Об этом говорит наша печальная судьба, которая должна предостеречь вас.

Для нашей планеты эта энергия явилась спасением после истощения запасов горючего. Без нее у нас прекратилось бы сообщение

по суше и по воздуху, освещение в темные часы и сильно сократилась бы всякая работа, производимая машинами; трудно было бы поддерживать плодородие полей, и началось бы вымирание из-за недостатка пищи.

Оба полушария нашей планеты густо населены, и прежде чем мы овладели элементарной энергией и начали пользоваться ею, наша жизнь была очень беспокойной. Из-за месторождений горючего и разных металлов, необходимых для машин, жители разных островов враждовали друг с другом. Открытие и овладение элементарной энергией прекратило эту борьбу. Но недавно выяснилось, что главные месторождения тех элементов, разложение которых возможно и доступно для нас, расположены на суше западного полушария, а восточное очень бедно ими. Впрочем, так говорят правители восточного полушария, а им нельзя верить.

Возможно, что вы, разумные существа Голубой планеты, еще отстали в организации жизни населения отдельных сообществ, представляющих государства. Поэтому нужно объяснить вам организацию их на нашей планете.

Страны нашего западного полушария после многолетней и трудной борьбы за равные права для всех разумных существ, живущих на планете, достигли лучшего устройства отдельных государств. В каждом из них его члены имеют одинаковые права и обязанности: они сами выбирают своих правителей от самых низших до высшего, стоящего во главе государства, и его помощников и советников. Земля, а также находящиеся в ней богатства, необходимые всем, как горючее, разные руды и камни, принадлежат государству; все общими силами обрабатывают землю, добывают всевозможные продукты земных глубин и поверхности и распределяют их между всеми живущими по справедливости. Государству принадлежат также все дороги и средства сообщения по суше, воде и воздуху и все здания и машины, изготовляющие необходимые всем предметы. Только жилища являются собственностью отдельных разумных существ и их сообществ. Государства полушария связаны друг с другом союзом для обороны и помощи друг другу в случае надобности.

Страны восточного полушария еще не достигли такой степени устройства жизни. Там сохранилось от старины неравноправие живущих. Небольшая часть населения владеет землей, ее поверхностью и глубинами, машинами, средствами сообщения и жилищами, извлекая из них большие преимущества для себя и заставляя остальное большинство населения работать для удовлетворения их потребностей и довольствоваться лишь небольшой частью продуктов. Во главе одних государств стоят наследственные правители, самовластные и присвоившие себе огромные богатства, а во главе других — правители, избранные немногими владеющими землей, машинами, средствами сообщения и потому руководящие делами не на общую пользу, а на пользу своих избирателей. Те и

другие правители создали и содержат вооруженные силы для поддержания установленного порядка. Они преследуют и истребляют всех, кто пытается этот старый порядок так или иначе нарушить.

Эти государства не в ладах между собой, часто ссорятся и то посылают вооруженные силы друг против друга для захвата земли, то заключают временные союзы для борьбы друг с другом. К союзу государств западного полушария они относятся с ненавистью и боятся их влияния на свое бесправное и бедствующее население.

Более молодой возраст вашей Голубой планеты позволяет думать, что разумные существа, населяющие ее, еще не достигли такого устройства жизни, как мы на западном полушарии, а в той или иной степени похожи на жителей нашего восточного полушария, т. е. делятся на властвующих, составляющих меньшинство, и работающее, но бедствующее большинство.

Несмотря на строгие меры, которые принимают правители восточных государств, чтобы удержать в повиновении своих работающих и создающих все ценности жителей и затруднить их знакомство с устройством жизни на западном полушарии, в последнее время среди населения восточного полушария недовольство бесправным положением все усиливалось и все чаще возникали попытки изменить его. Опасаясь за свою власть и свои богатства, правители восточных государств решили покончить с западными государствами, пока в их распоряжении находятся значительные вооруженные силы. Они объявили, что месторождения веществ, дающих элементарную, т. е. атомную, энергию, на восточном полушарии близки к истощению, что в недалеком будущем всему населению угрожают голод и вымирание и что поэтому необходимо заставить государства западного полушария, изобилующие такими месторождениями, уступить часть их восточному полушарию. Это объявление, конечно, встревожило все население восточного полушария. [...]

Правители восточного полушария, объединившись в союз для нападения, предъявили союзу западных государств ультиматум относительно передачи месторождений элементов, дающих энергию, в их полное владение, угрожая объявлением беспощадной войны на суше, на воде и в воздухе. Не дождавшись окончания срока, назначенного для ответа на ультиматум, вооруженные силы восточного полушария совершили предательское нападение. Их военные корабли начали обстрел берегов наших островов и материков в разных местах. Применение снарядов с атомным взрывчатым веществом, чрезвычайно разрушительной силы, во время военных действий было запрещено соглашением между всеми государствами. Но начальник восточных вооруженных сил обошел этот запрет следующим образом.

Внутри самого крупного материка западного полушария расположена большая гора, которая в старинные времена выделяла

горячие газы и изливала расплавленные массы, поднимавшиеся из глубины нашей планеты. Эти массы заливали большие площади и уничтожали население, жилища, поля и сады, а газы, распространявшиеся дальше и быстрее, душили все живое. Но мало-помалу губительная сила этой горы ослабевала, и выделения, наконец, прекратились; только из обширной котловины на вершине горы по временам поднимался черный дым. На склонах этой горы имелось несколько месторождений элементов, дающих атомную энергию, но их пока не разрабатывали.

Начальник восточных сил послал тайком несколько летающих кораблей, вооруженных запрещенными атомными снарядами, которые были сброшены во впадину на вершине этой горы. Взрывы огромной силы разрушили твердую кору на большую глубину, и огнедышащая гора возобновила свою деятельность, но только в ином виде, чем предполагали враги. Вместо выделения горячих и ядовитых газов и излияния расплавленных масс, которые должны были уничтожить население и побудить союз западных государств к уступчивости, получилось другое. На месте впадины на вершине горы и на части ее склонов образовался глубокий и широкий провал. На дне его клокотало озеро расплавленных масс, выделявшее черные тучи пара и газов.

На вершине этой горы — высшей точке западного полушария — находилась научная станция, производившая наблюдения над состоянием и переменами погоды. При взрыве станция была разрушена, но спасшийся наблюдатель сообщил о предательском налете воздушных кораблей и об образовавшемся на месте горы огненном провале.

На этот коварный поступок союз западных государств ответил одним решительным ударом. Летающий корабль сбросил один только снаряд на главную резиденцию восточных государств, где собрались все восточные правители для совещания о дальнейших действиях. Взрывом снаряда весь дворец вместе с окружающими виллами и отелями был уничтожен. Летающий корабль погиб, но с войной было покончено. Суда противника, обстреливавшие берега, удалились, восточные государства, потерявшие главных правителей, были в растерянности.

В глубине проснувшейся огнедышащей горы взрывы снарядов вызвали какую-то таинственную разрушительную работу. Огненное озеро на месте впадины и вершины горы продолжало клокотать, выделяя при взрывах пары и газы, и начало увеличиваться за счет обрушения и поглощения своих берегов. Приблизиться к окраине озера можно было только в несгораемой одежде и в головном уборе водолазов; наблюдатели в таких костюмах расставили метки на краях озера и время от времени их проверяли. С краев можно было различить на дне провала на значительной глубине кипящую огненную поверхность, над которой то тут, то там вздымались пузыри разной величины и разрывались, выделяя клубы

паров и газов, сгущавшиеся на значительной высоте над горой в густые тучи, прорезаемые постоянно молниями и по временам разражавшиеся ливнями, когда ветер сносил их в сторону от провала.

Наблюдение отметок по окраинам провала показало, что огненное озеро медленно расширяется. Первоначально провал имел около тысячи шагов в диаметре, а в течение двух месяцев расширился до двух с лишним тысяч. Не было никаких признаков того, что выделение паров и газов ослабевает и образуется твердая кора на поверхности расплавленной массы.

Население западного полушария начало испытывать тревогу. Вставал вопрос: остановится ли когда-нибудь расплавление твердой коры главного материка или будет продолжаться до полного ее уничтожения? Нужно ли заблаговременно вывозить население с имуществом и государственные предприятия с этого материка на другие, чтобы спасти их? И еще более жуткий вопрос возникал дальше: что произойдет, когда разрушение берегов огненного озера дойдет в каком-нибудь месте до берега моря и вода последнего, получив доступ к огню, начнет изливаться на расплавленные массы? Какова будет сила взрывов при соприкосновении масс воды и расплавленных пород, может ли вода потушить этот пожар? Не кончится ли все это колоссальным взрывом всей планеты?

Когда повторные наблюдения подтвердили, что размеры огненного озера неуклонно увеличиваются и озеро заняло уже всю площадь огнедышащей горы, пришлось постепенно вывозить население и предприятия с этого материка на другие. Вскоре берег огненного озера в одном месте прорезал берег моря, и вода начала врываться в озеро, вступая в борьбу с огнем. Но вода не залила огонь, а только усилила взрывы; получавшиеся в огромном количестве пары воды насытили воздух, и начались проливные дожди на западном полушарии. Это случилось перед сбором урожая и повредило ему. Стал ощущаться недостаток хлеба, так как значительная часть главного материка была уже захвачена огненным озером или выжжена горячими газами, распространявшимися по его окрестностям.

Огненное озеро пересекло узкий пролив между главным материком и соседним и стало распространяться и там. Возникло опасение, что всей поверхности планеты угрожает уничтожение. По быстроте расширения озера начали уже подсчитывать, сколько времени может еще существовать каждый материк. Встревожилось и население восточного полушария, хотя оно еще надеялось, что широкий океан, отделявший их от материков западного полушария, остановит расплавление. [...]

Но разложение вещества и расплавление тела планеты развивалось неуклонно все больше, охватывая поверхность и распространяясь также в глубь твердой коры, которая теперь уже содрогалась от взрывов, сопровождавших распад и соприкосновение воды

с расплавом. Землетрясения не давали населению западного полушария покоя ни днем, ни ночью, разрушая мало-помалу все здания. Многие жили уже в шалашах или палатках среди полей.

Опасаясь неотвратимой гибели всей планеты, ученые западного полушария задумали описать причины и развитие этой катастрофы, изложить это описание на металлических пластинках в нескольких десятках экземпляров и заключить их в большие стеклянные шары, которые могли бы совершить перелет через межпланетное пространство и упасть, подобно метеориту, на ближайшие планеты, населенные разумными существами, чтобы рассказать им о нашей участи и предостеречь от действий, могущих вызвать аналогичное несчастье.

Для этой работы на небольшом острове среди океана, вдали от материков обоих полушарий, устроили наблюдательную станцию в расчете, что расплавление коры коснется этой части поверхности позже всего. На острове имеется также глубокая шахта с сейсмической станцией, удобной для регистрации волн глубоких землетрясений. На этой станции будут заготовлены описания, которые в начале окончательной катастрофы будут заключены в шары из стекла, похожего по составу на породы некоторых метеоритов и настолько прозрачного, чтобы нашедшие такой шар обитатели другой планеты заметили его включения, разбили его и прочитали историю катастрофы. Большое число заготовленных шаров позволит надеяться, что хоть один или два выдержат полет и упадут на сушу, где их когда-нибудь обнаружат.

Мало-помалу, но с ужасающим постоянством расширялось огненное озеро, язва распада на главном материке западного полушария росла, захватывая и уничтожая холмы и равнины, города и селения, поля, луга и леса по всей своей окружности. Чем больше расширялась язва, тем сильнее становилась выдыхаемая ею жара, сжигавшая в окрестностях растительность. Жгучие ветры расходились из огненного озера, все вокруг него высохло, и все, что могло гореть, загоралось. Пожары истребляли поля и засохшие леса, селения и города. Население отступало перед огнем, спасалось. Правительство организовало выселение на другие материки западного полушария, где жить становилось все теснее, а получать пропитание все труднее, несмотря на строгое нормирование съестных припасов.

Прошел еще год и огненная язва распада, расширяясь во все стороны, достигла морских берегов главного материка западного полушария. Море во многих местах начало врываться в глубь язвы. Вода, соприкасаясь с расплавленными массами, превращалась в пар, взрывы не прекращались ни на минуту. Надежды, что вода океана зальет всю язву, что борьба огня и воды кончится победой последней и распад прекратится, не оправдались. Тучи начали охватывать всю планету, все чаще лили дожди, содрогания почвы усилились, землетрясения разрушили все строения, кроме самых

простых и прочных; население жило в землянках, шалашах и палатках. Промышленность замирала, заводы и фабрики были разрушены. Приходилось поддерживать лишь земледелие и скотоводство ради получения пищи. Из-за частых дождей и жара, излучаемого огненной язвой, на всех оставшихся еще материках западного полушария развилась пышная растительность. Это способствовало скотоводству, но препятствовало хлебопашеству. Пришлось установить усиленный обмен с восточным полушарием, меняя плоды и продукты скотоводства на хлеб.

На восточном полушарии вскоре после решительного удара западного союза, уничтожившего правителей целого ряда государств, начались волнения, постепенно перешедшие в гражданскую войну, которая в некоторых государствах вскоре окончилась установлением народного правительства, а в других затянулась. Землетрясения и дожди, ставшие уже бедствием на западном полушарии, стали распространяться, по мере расширения огненной язвы распада, также на материки восточного, хотя в более слабой форме. Населению восточных государств было уже известно, что возникновение распада и уничтожение материков западного полушария вызвано преступными действиями союза их низвергнутых правителей. Поэтому переговоры о переселении людей с западных материков на восточные, к которому придется прибегнуть, если распад не остановится, встретили благоприятное отношение народных правительств восточных государств. На западных материках начали заблаговременно сооружать корабли и баржи для перевозки населения с его имуществом, домашним скотом, машинами. Приходилось думать, что на этих кораблях и баржах со временем придется спасаться всем, оставшимся в живых, если распад распространится и на восточные материки.

Так шли недели и месяцы. Язва распада пожирала сушу западных материков медленно, но неудержимо, отравляя жарой, ливнями и землетрясениями всю жизнь на уцелевшей и постоянно сокращавшейся площади, где жить становилось все теснее и голоднее. Но работы по сооружению плавучих средств, по подготовке переселения и по добыче пропитания производились по плану, без послаблений и поддерживали энергию населения, не допуская возникновения отчаяния и паники.

Прошел еще год. Суша западного полушария исчезла, а население очутилось на кораблях и баржах. Океан между материками обоих полушарий имел значительную ширину, и во время плавания несколько судов со всеми пассажирами и грузом были потоплены штормами. На восточном полушарии переселенцам отвели самый северный материк, скудно населенный из-за холодного климата и малоплодородной почвы. Но переселенцы привезли с собой разборные домики, сельскохозяйственные орудия, скот, удобрения и семена; была весна, и переселенцы очень быстро возделали все удобные земли, показав старожилам пример планомерной орга-

низации коллективного труда и более интенсивного использования земельной площади для максимального извлечения продуктов.

Огромная язва распада поглотила уже все западные материки, т. е. около одной трети суши всей планеты и одной десятой всей ее поверхности. Но повторная съемка восточной окраины язвы показала, что в течение нескольких месяцев эта окраина передвинулась на восток только на расстояние в 10—12 шагов, т. е. даже в пределах возможной ошибки измерений. Возникла надежда, что расширение язвы прекратилось, что океан, боровшийся с огнем со всех сторон, преодолел расплавление коры. Население, жившее уже два года в страшной тревоге и в ожидании гибели в недалеком будущем, начало успокаиваться. Однако группа западных ученых, устроившая станцию для точных наблюдений на небольшом острове и готовившая описание грозного явления для межпланетного снаряда, не доверяла кажущейся остановке распада и продолжала исследования. В распоряжении ученых были морское судно для разъездов и промеров, летающий корабль для наблюдений над огненной язвой с высоты и сейсмическая станция на дне глубокой шахты. Они издавали «Бюллетень атомной опасности», который приходилось печатать на судне, так как ход типографской машины на острове расстраивался от сотрясений. Наблюдения этой группы вскоре показали, что язва распада перестала сколько-нибудь заметно расширяться за счет площади океана. Это можно было объяснить воздействием его вод, вторгавшихся со всех сторон и охлаждавших расплавленную массу. Однако приходилось думать, что распад, может быть, только переменил направление и вместо периферического и поверхностного сделался радиальным и глубоким. Усилились удары землетрясений, исходившие из более глубоких слоев, а наблюдения с летающего корабля на большой высоте над огненным морем обнаружили, несмотря на постоянную и густую пелену туч, висевшую в воздухе, что кипение огненной массы усиливается. Из клокочущей поверхности время от времени вырывались огненные фонтаны, выносившие расплавленную массу вверх на 4000—5000 м. Со временем эта высота все увеличивалась. Эти выстрелы огня, напоминавшие солнечные протуберанцы, вместе с жарой заставляли летающий корабль во время наблюдений держаться на высоте 7000 или 8000 м и принимать особые меры предосторожности. Дерево и другие горючие вещества пришлось исключить из конструкции корабля; двигатель пользовался, конечно, силой атомной энергии, а не горючего.

Наблюдения на дне шахты также показали, что каждый огненный фонтан является продуктом сильного взрыва в результате распада атомов на глубине и что этот распад развивается все глубже в теле планеты. Становилось совершенно ясным, что он будет продолжаться, усиливаясь, до тех пор, пока не преодолеет силы сцепления в сохранившейся более значительной части коры планеты, и тогда планета взорвется, как бомба, полностью распавшись на мел-

кие части, или же твердая кора, разорванная взрывом на куски, отделится, отброшенная в разные стороны, а внутренняя расплавленная часть планеты превратится на время в самосветящуюся звездочку.

В этом ученые на острове уже не сомневались: планете угрожала неминуемая гибель, взрыв, который, конечно, должен был уничтожить все живое. Но после долгого обсуждения они пришли к выводу, что эту ужасную перспективу нужно скрыть от населения. Что оно выиграет, узнав ее? Ничего! Начнется паника, отчаяние. В ожидании неминуемой гибели всякая полезная и необходимая работа остановится, одних охватит полная апатия, другие захотят использовать последние недели или месяцы жизни для удовольствий. Начнутся безумные оргии, как в средние века во время чумных эпидемий, а средства для них будут добываться воровством, грабежом и убийством. Многих охватит буйное или тихое помешательство, частью на религиозной почве, и рядом с бешеными оргиями будут происходить религиозные процессии, моления, жертвоприношения, а также массовые самоубийства. А если гибель затянется — запасы пищи, не возобновляемые трудом, будут исчерпаны и начнется умирание от голода. Это будет ужасное зрелище — население в ожидании страшной казни, теряющее облик разумных существ.

Следовательно, не имея сил и возможности приостановить атомный распад и предотвратить гибель планеты, ученые решили сохранять строжайшее молчание относительно неминуемой гибели и публиковать только утешительные сведения о постепенном сокращении распада, о начавшемся затвердевании недр, которое неминуемо сопровождается сильными сотрясениями коры. Пусть последние дни, когда гибель станет очевидной для всех, наступят без предупреждения; это будет гуманнее.

А кроме того, можем ли мы, ученые, быть безусловно уверенными, что гибель неизбежна, что распад не остановится на какой-нибудь стадии, не завершившись разрывом, что процесс не пойдет обратно и восстановится нормальное положение? Мы не можем поручиться, что этого не произойдет. И даже в случае одного шанса из ста на благоприятный исход мы не имеем права встревожить население и лишить его радости жизни.

Мы решили наблюдать, обманывать население планеты, продолжать работу и в последние минуты, когда гибель будет несомненна, приготовить последние снаряды для межпланетных полетов. Значительная часть их уже готова, и письма заключены в стекловидной массе. Только в небольшой части их, которую мы закончим во время последних дней жизни, может оказаться описание начавшейся катастрофы».

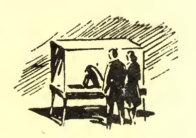
Таков был текст на пластинках, заключенных в стекловидном метеорите, или керийте (по месту его находки на р. Керии). Оче-

видно этот метеорит не принадлежит к числу последних, законченных уже в дни катастрофы на маленькой планете. Но самая находка на нашей планете этого стеклянного снаряда с вложенным в него текстом на неизвестном языке, изготовленного какими-то разумными существами, доказывала, что катастрофа с неизвестной планетой действительно когда-то произошла.

Было ли это не так давно? Снаряд был найден возле развалин буддийского монастыря. Если бы он упал раньше закрытия монастыря, ламы, наверно, нашли бы его и водрузили на одном из алтарей или отправили в Лхассу к Далай-ламе или в Пекин китайскому императору. Может быть, он упал после того, как монастырь был упразднен, что случилось, по мнению Стейна, только лет 500 тому назад? Пустынность места могла объяснить то, что никто ранее Стейна не увидел снаряда. Но в течение последних 500 лет на Земле были уже астрономы и обсерватории, которые должны были увидеть странный взрыв не столь далекой от нас планеты в виде внезапно вспыхнувшей или медленно разгоравшейся звезды. В летописях астрономов подобных записей не оказалось. Поэтому возможно также предположение, что метеорит упал раньше, что он зарылся в песок пустыни при падении или был засыпан песком и лежал под ним целые века и только потом, уже после закрытия монастыря, обнажился при развевании песчаного бархана и случайно попал на глаза Стейну. В этом случае он мог упасть на нашу Землю и тысячи лет тому назад, может быть, многие тысячи, но не ранее образования пустыни Такла-Макан. Наконец, возможно, что метеорит до падения на Землю кружил в межпланетном пространстве, летал по орбите взорванной планеты сотни тысяч или миллионы лет, пока случайная сила не изменила траекторию его движения. Словом, мы не знаем, когда случилась описанная катастрофа, но что она случилась и что еще на одной планете нашей Солнечной системы были разумные существа — в этом теперь не приходится сомневаться.

Описание причин катастрофы, атомного распада, вызванного неразумными действиями разумных существ, должно заставить нас глубоко задуматься именно в настоящее время, когда и на нашей Земле научились добывать атомную энергию и делать атомные бомбы.

1947 г.

ВИДЕНИЕ В ГОБИ [1]

Геологическая экспедиция уже две недели находилась в Монголии, в Долине озер.

Эта долина отделяет обширное лесисто-степное нагорье Хангай, занимающее север Монголии, от цепей Гобийского Алтая, расположенных южнее. Долина имеет несколько сот километров в длину с запада на восток и от 40 до 60 км в ширину. С Хангая в долину сбегают речки. Менее крупные из них по выходе из гор быстро теряют воду, и их сухие русла исчезают в степи. Более крупные реки впадают в соленые озера, расположенные ближе к подножью Алтая. По этим озерам долина и получила свое название. В промежутках между речками предгорья Хангая часто вдаются в виде мягких увалов и цепей холмов довольно далеко в глубь долины, поверхность которой представляет собой сухую степь, местами переходящую в полупустыню. Долина озер в сущности является западным рукавом степи Гоби, занимающей значительную и самую низкую часть Восточной Монголии.

---

[1] Напечатано в журнале «Вокруг света», 1947, № 6.

Гобийский, или Монгольский, Алтай, окаймляющий с юга Долину озер, состоит из двух, местами из трех-четырех параллельных горных цепей, между которыми расположены более или менее широкие продольные долины, кое-где с речками и озерами. Цепи эти нередко скалисты, достигают абсолютной высоты в 3000—4000 м, а в отдельных местах вершины их поднимаются выше снеговой линии и покрыты снегом и небольшими ледниками, которые видны издали и служат хорошими ориентирами. Монголы вообще любят обозначать термином «богдо» (великий) чем-либо замечательные горы, и эти высокие вершины Алтая носят имена Ихэ-Богдо, Бага-Богдо и Пасату-Богдо.

По Долине озер и между цепями Алтая пролегают большие караванные дороги, по которым в прежнее время ходили торговые караваны из городов Кобдо и Улясутай в китайский город Кукухото (или Гуйхуачен) на северной окраине Китая.

Реки, сбегающие с Хангая в Долину озер, врезают свое русло в дно долины и поэтому окаймлены террасами. Вдоль речек растут разные кусты, местами рощицы тополей и тала, а по берегам озер зеленеют заросли камышей, желтеют сыпучие барханные пески, которые встречаются и в других частях долины. На террасах вдоль рек, где грунтовая вода залегает глубоко, поверхность иногда представляет собой черную пустыню, усыпанную мелкой галькой и щебенкой, совершенно черного цвета от пустынного загара — «лака пустыни», который покрывает тоненькой пленкой породы любого цвета и состава и блестит под лучами солнца подобно маленьким зеркалам. Эти участки долины почти лишены растительности: жалкие кустики полыни, колючки или перекати-поля отстоят один от другого на десятки шагов.

Дно долины вокруг озер, а также в промежутках между ними большею частью имеет вид более или менее обширных впадин, ограниченных одним, двумя или тремя уступами, подобными ступеням гигантской лестницы. Уступы эти обычно разрезаны ложбинами и оврагами, иногда отрезающими от края уступа отдельный скалистый или округленный холм, который геологи называют «свидетелем». В обрывах уступов часто вскрыты пласты горных пород, слагающих дно Долины озер. Это грубые конгломераты с галькой и щебнем разных пород, песчаники, глины, редко мергели различных цветов — белого, желтого, зеленого, серого, шоколадно-бурого, кирпично-красного. Иногда красные цвета господствуют, и тогда под лучами восходящего или заходящего солнца уступы кажутся раскаленными или пылающими.

В слоях этих пород нередко заключены кости и даже целые скелеты позвоночных животных, которые некогда населяли обширные степи Центральной Азии. В верхних уступах находят кости лошадей, двукопытных, носорогов, хищников, грызунов, изредка птиц и черепах, вообще животных, характерных для третичного периода. В нижних уступах попадаются кости и даже яйца земновод-

ных и пресмыкающихся, особенно разных ящеров верхнемелового периода. В самых нижних слоях залегают черные горючие сланцы, называемые «бумажными», потому что они делятся на тонкие слои, похожие на листы грубой бумаги. В них находят целые скелеты небольших рыб, остатки ракообразных, мелкие пресноводные ракушки, отпечатки растений. Возраст этих слоев определяют как еще более древний — нижнемеловой, даже переходный к юрскому.

На дне впадин кое-где встречаются площади кучевых песков, похожие на старые заброшенные кладбища. Они состоят из холмиков высотой до метра, чаще до полуметра, расположенных довольно тесно один подле другого. Каждый холмик неплотно покрыт длинными, тонкими и гибкими ветвями куста нитрария с мелкими листочками и красными, солено-сладкими ягодами, которые любят верблюды, козы и бараны. Под защитой каждого куста песок, переносимый ветрами, мало-помалу накопляется и удерживается, пока куст живой. А если его уничтожить, например на топливо, песок холмика опять будет развеян ветром и разнесен по соседним холмам.

Геологическая экспедиция прибыла в Долину озер, чтобы вести раскопки остатков вымерших животных третичного и мелового времени, захороненных в слоях уступов, окаймляющих впадины на дне долины.

Экспедиция состояла из трех ученых — геолога и двух палеонтологов — и двух препараторов, умеющих откапывать хрупкие кости, укреплять их на месте жидким клеем или гипсовыми оболочками, чтобы затем их можно было вынуть из слоев без повреждений и укладывать в ящики для вывоза этих ценных редкостей домой. Несколько рабочих для раскопок, шофер автомашины, пастух для верблюдов и лошадей также входили в состав экспедиции.

Ученые уже обследовали несколько впадин и выбрали одну из них, в уступах которой нашлось особенно много богатых костеносных слоев мелового возраста. Эти слои выходили в обрыве, который с утра до вечера освещался и накалялся летним солнцем.

Чтобы облегчить работу на солнцепеке, был установлен такой распорядок: вставали на восходе солнца и уже с шести часов утра начинали раскопки, пользуясь утренней прохладой. В 11 часов делали перерыв для обеда и отдыха в течение самых жарких часов, а с четырех часов до заката опять работали. Палатки экспедиции стояли на нижней террасе, недалеко от русла небольшой речки и в километре с лишком от места раскопок, на дне большой впадины.

В половине августа один день был особенно труден для работы. В Центральной Азии тихая погода бывает редко. Обычно с восходом солнца просыпается и ветер. Он дует сначала слабо, к полудню усиливается и продолжается до заката, мало-помалу ослабевая. Ночью большею частью тихо. Но в этот день стояла полная тишина, солнце светило сквозь какую-то дымку и представлялось

красным кругом без лучей. По мере поднятия его над горизонтом духота усиливалась; пыль, которую вздымали кайлы и заступы, не уносилась ветром, как в другие дни, а висела густой пеленой в воздухе и затрудняла дыхание. Все обливались потом, хотя и сбросили рубашки.

А в этот день раскопки обнаружили особенно интересные окаменелости: не кости, а целое гнездо ящеров из 12 яиц, лежавших в буро-красном песчанике одно возле другого. Они отличались от птичьих яиц более удлиненной формой и имели 20 см в длину и 6—7 в поперечнике. Некоторые были разбиты поперечными трещинами на куски, и внутри них можно было рассмотреть косточки неродившихся ящеров. Следовательно, гнездо, согревавшееся солнцем 75 млн. лет назад, было уже близко к созреванию, когда какая-то катастрофа, может быть, песчаная буря, разлив реки или озера, на пляже которого самка ящера отложила свои яйца, занесла их толстым слоем песка и задушила пробуждавшуюся жизнь.

Когда вскрыли все гнездо и освободили яйца от песчаника, в котором они покоились, было уже почти 11 часов, и все изнемогали от духоты и пыли. Поэтому окончание раскопок решили отложить до вечера. Уходя на стан, гнездо покрыли брезентом, придавленным по краям камнями.

— Большой песчаный буран будет, — заметил монгол-рабочий, взглянув на небо.

«И эти драгоценности могут пострадать — их занесет песком или даже разбросает и разобьет», — подумал начальник экспедиции геолог Попов.

Вернувшись на стан и пообедав, все разошлись по палаткам на отдых. Днем полы палаток всегда немного поднимали, чтобы продувал ветерок; без этого в палатках, нагретых солнцем, было бы слишком душно. Попов занимал отдельную маленькую палатку. Он улегся на складную кровать и задумался.

Уже несколько дней участники экспедиции горячо обсуждали вопрос — какой вид Центральная Азия имела в то время, когда ее населяли различные семейства, роды и виды древних ящеров? Каков был климат этой обширной страны, ее растительность? Кости, находимые в изобилии, давали хорошее представление о животном мире, а состав меловых слоев указывал на условия их образования. Это были континентальные отложения, образовавшиеся на суше, в озерах, реках или на подножьях гор — в виде силевых наносов из материала, вынесенного дождевыми потоками из ущелий. Здесь было довольно много конгломератов и грубых песчаников — значит, местность не представляла собой равнины, а была гористая: в озера сносился материал размыва окрестных холмов и гор.

Но почему же в меловых слоях совсем не попадались остатки растений?

По мнению палеонтолога Петрова, отсутствие пластов угля среди этих отложений доказывало, что на дне впадин вокруг озер

не было болотистых лесов, которые могли бы превратиться в пласты каменного угля. Другой палеонтолог, Панов, говорил, что огромные, неуклюжие бронтозавры и другие крупные ящеры не могли бы жить в болотистых дремучих лесах и пробираться между стволами деревьев. Обилие костей ящеров, найденных учеными, показывало, что когда-то здесь были обширные пышные луга с отдельными купами кустов и деревьев или леса, похожие на нынешние «галерейные» леса в Южной Африке, где свободно гуляют слоны и носороги.

«Окаменелые стволы деревьев, похожих на кипарисы, уже найдены нашими исследователями в Монголии, — вспомнил геолог замечание, сделанное недавно Петровым. — Значит, деревья здесь были».

«Но почему же в костеносных слоях нет отпечатков листьев или стеблей растений? — продолжал размышлять Попов. — Ведь эти огромные и многочисленные травоядные ящеры нуждались в большом количестве растительной пищи, чтобы существовать самим и доставлять пищу хищным ящерам, столь же многочисленным и разнообразным.

Остается предположить, что эти прожорливые громадные травоядные съедали дочиста всю растительность, конечно, за исключением древесных стволов. Вот почему в отложениях вместе с костями совсем не попадались листья и стебли. Все было съедено и переварено. А в этой прожорливости, может быть, и кроется главная причина вымирания ящеров. Они вырождались и вымирали от недостатка пищи, уступая место мелким и менее прожорливым млекопитающим...»

Мысли Попова возвратились к давно интересовавшему его вопросу: почему так обильны и разнообразны были семейства, роды и виды ящеров, вообще именуемых динозаврами, в меловом периоде и почему так быстро и загадочно исчезли они 70 млн. лет назад к началу третичного времени. Он вспомнил и о летающих ящерах, также разнообразных и обильных, и об отсутствии переходных форм от них к настоящим птицам, за исключением странного археоптерикса, жившего, впрочем, гораздо раньше. В отличие от голых птеродактилей археоптерикс уже был покрыт перьями, но он имел еще зубы в клюве и когти на крыльях...

В палатке было очень душно.

«Пойду лучше на воздух, пройдусь к раскопкам, проверю, хорошо ли укрепили брезент», — подумал Попов. Он надел шляпу и вышел из палатки. И сразу же ему бросилось в глаза изменение всего облика местности. Вместо сухой степи с пожелтевшими от летнего зноя кустиками и мелкой травкой перед ним расстилался ярко-зеленый луг. Трава выше колен с обильными, но какими-то странными цветами волновалась под легкими порывами ветра. Кое-где среди луга виднелись кусты в рост человека и выше. Одни были

похожи на огромные кочны капусты с отвисавшими сочными листьями, каждый из которых был величиной побольше дождевого зонтика. Другие кусты походили на кактусы, но без шипов и с алыми цветами. На третьих, более мелколистных, гроздьями висели пунцовые ягоды, похожие на крупные сливы.

Геолог шел по лугу, раздвигая траву. В воздухе реяли крупные синие, зеленые и красные стрекозы, проносились с громким жужжанием черные и бронзовые жуки с детский кулак.

Вдали на юге луг доходил до подножия Монгольского Алтая, поднимавшегося зеленой стеной, увенчанной рядом скалистых пиков, на которых белели пятна и полосы снега.

Несколько раз геолог оглядывался на ходу и замечал, что Хангай, ограничивавший горизонт на севере, сделался выше, круче и зеленее. Справа, среди луга, открылся вид на русло довольно широкой и полноводной речки, струившейся между невысокими берегами. Эта речка совсем не походила на жалкий ручей, журчавший по гальке среди широкого сухого русла, которое пролегало недалеко от стана экспедиции.

Еще сотни три шагов — и открылось устье речки у большого озера, гладь которого расстилалась почти до западного горизонта. На воде кое-где плавали какие-то крупные черные птицы с большими головами на тонкой шее и длинными клювами. Время от времени они ныряли головой вниз, как утки. Попов повернул по хорошо протоптанной дорожке вдоль берега озера налево, где в стороне виднелась группа пальм и каких-то остропирамидальных деревьев, похожих на кипарисы. Большая стрекоза, неожиданно с налету ударившая геолога по щеке, заставила его поморщиться.

Немного дальше его внимание привлек возвышавшийся среди зелени луга голый и гладкий зелено-серый холм с темно-зелеными полосами и пятнами.

«Какая-то странная порода. Не змеевик ли? Нужно посмотреть», — подумал Попов и направился к холму. И вдруг от холма отделилось нечто длинное, похожее на гигантскую змею с блестящими глазками, смотревшими на человека. Геолог инстинктивно прижался к кусту, похожему на огромный кочан капусты. Змея изогнулась, голова направилась к тому же кусту, раскрылась пасть, схватила плоскими резцами лист «капусты», дернула и оторвала его, подняла вверх, подбросила и, подхватив за мясистый черенок, начала пожирать зелень, размахивая листом, словно веером, вверх и вниз.

Попов с интересом наблюдал эту сцену. Он догадался, что холм был туловищем этого чудовищного животного, а змея представляла его шею и голову, совершенно непропорциональные телу.

— Это, конечно, бронтозавр, — прошептал он. — Этакая громадина! Но нужно ретироваться — он может нечаянно толкнуть, опрокинуть, растоптать, хотя по существу это совершенно безобидный великан.

Скрываясь за листом «капусты», геолог начал было осторожно подвигаться назад. Ящер заметил это движение. Голова человека в светло-зеленой шляпе среди темной зелени кустов привлекла внимание чудовища. Оно приняло ее, очевидно, за сочный бутон или даже плод растения. Выплюнув остаток листа, ящер потянулся к ученому, который вдруг увидел возле своего лица розоватые мясистые губы и желтые резцы. Из чуть приоткрытой пасти вырывалось мощное кислое дыхание; с губ стекала зеленая струйка «капустного» сока. И вот губы схватили шляпу, сдернули ее с головы человека, подбросили вверх, подхватили и затянули в пасть. Но фетр пришелся не по вкусу ящеру. Мотнув головой, он выплюнул шляпу и потянулся за новым листом «капусты».

Попов, невольно присевший, когда с него срывали шляпу, продвинулся под защитой куста на несколько шагов в сторону и, нагнувшись, побежал между кустами прочь от прожорливого великана. Местность в этом направлении немного повышалась. Остановившись через несколько минут и оглянувшись, геолог увидел, что бронтозавр продолжал объедать тот же куст. Его массивное туловище поднималось плоским бугром над всеми кустами, но темные полосы и пятна делали его мало заметным на фоне луга. Длинная шея с маленькой головой то поднималась высоко вверх, подбрасывая оторванный лист, то почти скрывалась в зелени кустов. Немного левее виден был второй бронтозавр, также пасшийся на лугу.

Попов поднялся еще немного выше по косогору и очутился на поверхности плоского увала. С него видна была другая обширная впадина с таким же лугом, кустами и рощами пальм и кипарисов. Вдали сверкала гладь большого озера. Одно место на его берегу сразу привлекло внимание. Там то и дело взлетали и кружились мелкие и крупные темные птицы, слышались пронзительный писк и громкое кваканье. Полет этих существ напоминал неровный полет летучих мышей с частыми, мелкими взмахами крыльев. Вероятно, на берегу озера лежала какая-то крупная падаль. Над ней и летали эти крылатые ящеры — взлетали, кружились, садились на нее, дрались друг с другом, пищали и квакали.

Один из ящеров, кружившихся над падалью, повернул и полетел в сторону наблюдавшего за ним Попова, спланировал невысоко над его головой и сейчас же полетел обратно, издавая резкий свист. Можно было рассмотреть его голое, зелено-серое туловище, поджатые к нему снизу короткие ноги с длинными когтями, широкие голые крылья в виде перепонок между боками тела и длинными пальцами передних конечностей. Короткая шея заканчивалась большой головой с длинным зубастым клювом. Величина тела достигала примерно роста десятилетнего ребенка.

«Высмотрел меня и, должно быть, хочет мной поживиться, — подумал Попов. — А теперь полетел за подмогой. Если парочка таких тварей нападет с двух сторон, — защититься от их когтей и зубов будет трудно. Нужно бежать».

Он повернул назад и пошел по увалу, спускаясь к первому озеру. Неожиданно перед ним открылась небольшая котловина, на дне среди кустов журчал ручеек. Дно котловины представляло собой площадку, усыпанную мелкой галькой. На площадке резвился десяток маленьких, величиной с кошку, ящеров. Они подбегали друг к другу, тыкались носами, припадали к земле, кувыркались. В общем это напоминало игру резвых щенят. Но вид их был довольно странный. Голое, желто-зеленое с пятнами туловище оканчивалось с одной стороны недлинным хвостом, а с другой — рогатой головой, окруженной высоким щитообразным воротником с зубчиками. Голова была как будто прилеплена к этому воротнику. Морда была клювообразной, над глазами выдвигался довольно длинный рог. В общем все это походило на шляпку странного гриба, приклеенную к туловищу. Ноги были довольно длинные, с когтями. Попов с интересом наблюдал повадки этих ящеров.

«Как будто это трицератопсы, — подумал он. — Неужели они успели уже вылупиться из яиц, которые мы сегодня откопали?»

Вдруг широкая тень промелькнула по котловине. Ящеры тотчас же разбежались: одни укрылись под кустами, другие припали к поверхности земли. Темные пятна на их желтых телах делали их трудно различимыми на площадке, усыпанной галькой.

Крылатый ящер, пролетевший над котловиной, быстро замахал крыльями и сел на гальку шагах в десяти от геолога, притаившегося между кустами на краю котловины. При первом взгляде на это животное Попов подумал с удивлением: «Но это же не ящер, а скорее настоящая птица». Действительно, сразу можно было заметить, что животное это было покрыто чем-то очень похожим на перья. Оно было высотой больше метра, т. е. крупнее орла. Шея была длиннее орлиной, клюв похож на клюв аиста и усажен мелкими зубами. Пальцы высоких ног были снабжены большими когтями. Это был, очевидно, крупный хищник, преследовавший мелких ящеров. Медленно поворачивая голову, он высматривал притаившуюся в котловине добычу. Один из ящеров, прижавшихся к гальке, пошевелился, хищник быстро прыгнул к нему и ударил клювом по спине; при этом он расправил крылья, и легко было заметить, что это не перепонка, как у ящеров, а длинные крылья из настоящих перьев, зелено-серого цвета. Пойманный ящер пронзительно пищал.

«Неужели это гесперорнис? — подумал Попов. — Тогда это одна из первых настоящих птиц, живших в конце мелового периода».

— Эй, Иван Петрович! Вставайте скорее! Ураган налетает, нужно крепить палатки, — послышался чей-то громкий голос.

Попов вздрогнул. Окрик товарища вернул ученого к действительности. Полотнища палатки надувались и хлопали; на полу валялась шляпа, которую недавно жевал бронтозавр. Попов поднял ее, нахлобучил и вышел из палатки.

Буря быстро приближалась. Вся западная половина неба была закрыта тяжелой буро-желтой тучей. Край ее уже скрыл солнце. Низ тучи все время клубился в виде круто наклоненных, крутящихся столбов. Гравий и песчинки дробью били по палаткам.

По земле извивались змейками струи песка, проносились сухие веточки, листья, прыжками передвигались желтые кустики перекати-поля.

Рабочие пригнали лошадей и верблюдов, которые паслись в степи недалеко от стана. На этих животных перевозили ящики с добытыми костями с места раскопок на стан и привозили воду в бочонках из чистого бочага в русле речки, найденного довольно далеко от стана. Лошадей привязали к грузовику с подветренной стороны, а верблюдов уложили на землю спиной к ветру.

Еще немного — и буря надвинулась на лагерь. Стало темно. Полотнища палаток прогибались от ветра глубоко внутрь и трепетали, песчинки сыпались на них градом и струйками стекали вниз. Казалось, что холст не выдержит давления воздуха, лопнет по швам, и палатка, разодранная на куски, улетит вместе с волнами бури на восток. Люди, стоя, подпирали руками вертикальные шесты, дрожавшие под напором ветра.

При одном из порывов бури Петров заметил своему товарищу Панову:

— Помните, как один географ утверждал, будто пыльные бури бывают только там, где имеются пахотные поля, с которых ветер и поднимает мелкую пыль? По его словам, в пустыне такие бури невозможны. Что сказал бы он сегодня здесь, в Гоби, где на сотни километров нет никаких пахотных полей? Нет даже колесных дорог, всегда пылящих при ветре. Откуда же тогда здесь столько песка и пыли?

— Бывают такие упрямые ученые, — ответил Панов. — Они упорно защищают свои слишком скоропалительно надуманные гипотезы, не считаясь с фактическими данными, которые их опровергают. Ему следовало бы посетить также пустыни в центральных штатах Северной Америки, где никто не пашет землю, а пыльные бури нередки и уносят пыль до Нью-Йорка, за тысячи миль на восток.

Буря продолжалась часа полтора и закончилась коротким, но сильным ливнем с грозой — вообще довольно редким явлением в Гоби. Ливень встревожил ученых. С уступов впадины, на одном из которых были вскрыты костеносные слои, вода могла литься потоками и водопадами, снести брезент, разбросать и повредить только что вскрытые яйца ящеров. Следовало проверить место раскопок. Палеонтологи направились туда. Подойдя к берегу речки, которая утром была еще жалким ручейком, они увидели целый поток, шириной в десяток метров. Он с шумом катил свои волны, буро-желтые от грязи, перекатывая по руслу гальку и даже

валуны. Очевидно, ливень захватил и склоны Хангая, откуда дождевая вода только теперь успела добежать до дна Долины озер.

На месте раскопок также видны были следы работы ливня. У подножия уступов во многих местах лежали смытые со ступеней конусы желто-красной грязи с галькой и обломками. В глубокой ложбине на дне впадины стояло озерко грязной воды. В озерке плавал брезент, снесенный бурей со ступени, на которой утром было вскрыто гнездо яиц. Само гнездо было покрыто слоем красной грязи в два-три пальца толщиной.

Осмотрев место, ученые решили не счищать сейчас грязь с яиц. Это могло повредить намокшую скорлупу. До утра грязь должна была застыть, и тогда ее будет легче снимать кусками, осторожно и не торопясь. Брезент вынули из воды и разостлали сушиться.

Тем временем Попов прошел на восток от стана, где он накануне нашел в барханных песках несколько палеолитических орудий и оставил их на песке, чтобы легче найти это место и начать правильную раскопку.

Орудия — грубые наконечники стрел, большое острие копья и несколько скребков — лежали, чуть выдаваясь из песка, на самой нижней части наветренного склона одного из барханов. Геолог скоро нашел это место и сначала не поверил своим глазам: вместо семи-восьми предметов, оставленных накануне, он увидел целые десятки их. По-видимому, в этом месте когда-то была целая мастерская первобытного человека. В свое время мастерскую засыпал надвинувшийся большой бархан. Много веков медленно перемещался песок, перевеваемый ветрами. Накануне, когда здесь были геологи, наветренный склон бархана начал сходить с места, где была скрыта под песком первобытная мастерская. Прошедший ураган почти очистил от песка древние орудия и камни, частью уже расколотые, когда-то принесенные сюда первобытными мастерами. На гранях, созданных человеком при обивке орудий, видны были следы полировки их песком.

Попов захватил несколько образцов орудий, чтобы показать их товарищам и начать раскопки. Это было первое открытие остатков палеолитического человека в Гоби, и оно очень обрадовало ученого. Теперь и он привезет из экспедиции хорошую добычу.

1947 г.

ПРОИСШЕСТВИЕ В НЕСКУЧНОМ САДУ[1]

Экспедиция Академии наук благополучно вернулась с острова Врангеля и привезла в Москву в огромном ящике-холодильнике труп мамонта, добытый на берегу острова. Этот ящик доставили с вокзала в Палеонтологический музей Академии, что находится на Калужской улице, в Нескучном саду, рядом с участком, отведенным пионерам.

В самое помещение музея ящик нельзя было втащить — пришлось бы выломать целую стену. Поэтому решили производить вскрытие ящика и изучение мамонта в специальном легком бараке, заблаговременно выстроенном возле музея в тени деревьев. В этот барак, состоявший из фанерных стен, накрытых легкой фанерной крышей, вдвинули ящик, вскрыли его, счистили снег и лед, покрывавшие мамонта, и оставили на ночь, чтобы он начал оттаивать.

На следующее утро в барак должны были собраться все члены Академии наук, приезжие заграничные ученые и масса репортеров

---

[1] Напечатано в журнале «Костер», 1940, № 11.

и фотографов. Надлежало отметить соответствующими речами благополучное завершение трудной экспедиции: ведь впервые мамонта доставили целиком и в мерзлом состоянии из далекой Сибири в Москву. Затем предполагалось произвести осмотр, обмер и описание наружности мамонта, фотографирование его с разных сторон и, наконец, анатомирование.

Ночь выдалась необыкновенно теплая. Настало утро торжественного дня. Мамонт оттаял полностью. Его пригрело солнце, заглянувшее через огромную решетчатую дверь — настоящие ворота, — через которую вдвигали ящик, и...

Никто не видел, как это случилось, но, очевидно, в какой-то определенный миг мамонт глубоко вздохнул, расправил свои члены, которые 30 тыс. лет были скованы морозом, потянулся, с большим усилием встал на ноги, пошевелил ушами, взмахнул хоботом и окончательно пришел в себя.

Обстановка, в которой он очутился, показалась ему странной. Он заснул на просторе, на пустынном берегу океана, а теперь вокруг него высились какие-то желтые утесы. Ему стало душно. А зелень деревьев, видневшаяся между утесами через решетку ворот, напоминала мамонту, что он давно уже не ел и страшно проголодался.

Рано утром в пионерском саду, по соседству, собралась делегация, которая должна была принять участие в торжестве. Пионеры хотели поднести членам «мамонтовой экспедиции» букеты цветов и теперь срезали на своих грядках георгины, астры, флоксы, золотые шары и другие осенние цветы.

Вдруг раздался страшный треск. Внутри барака, где лежал мамонт, послышались тяжелые удары. Пионеры сначала застыли у грядок с цветами в руках, потом послышались крики негодования:

— Что такое?! Мамонта рубят уже на куски, втихомолку, не показав нам его целиком...

Но тут с грохотом, вздымая тучу пыли, рухнула стена барака, и из глубины его выдвинулась красно-бурая гора со страшными белыми бивнями и поднятым кверху хоботом.

Визг, крики ужаса... На мгновение все окаменели. А потом, когда гора двинулась в их сторону, ребята бросились кто куда: одни стремглав помчались к выходу из сада, другие — за ближайшие кусты. Двое полезли на дерево, а человек пять, стоявшие возле открытой сцены маленького театра, вскочили на нее и спрятались за кулисы.

Мамонт медленно двинулся к грядкам пионерского сада. Никогда еще он не видел такой яркой, сочной зелени, не нюхал запаха цветов. И вот его хобот начал прогуливаться по грядкам, выхватывая целые снопы цветов, которые исчезали в его огромной пасти.

Опустошив все грядки, мамонт, обрывая по пути ветки с деревьев, неторопливыми шагами отправился в глубь Нескучного сада знакомиться со своим новым местом жительства.

Ребята, удравшие от зверя на улицу, увидели сидящего у решетки сторожа дядю Семена. Запыхавшись, они подбежали к нему и, перебивая друг друга, начали объяснять, что случилось.

— Дядя Семен! Дядя Семен! Мамонт ожил. Да! Он встал, гуляет по Нескучному. Наверно, затоптал уже кого-нибудь. Скорее! Надо что-нибудь делать... Ну этот вот самый, замерзший!

Сторож сначала ничего не понял. Но ребята окружили его, потащили в сад и привели к разломанному бараку. Тут к ним присоединились остальные, соскочившие со сцены и слезшие с деревьев, как только чудище удалилось. Сторожу показали опустошенные грядки и выдавленные в мягкой почве огромные следы.

Но он все еще не верил. Он знал, что мамонт пролежал 30 тыс. лет в вечномерзлой почве. Не могла же этакая мертвая древность ожить, да еще начать разгуливать и есть цветы!

Окруженный взволнованными ребятами, дядя Семен направился к Нескучному дворцу. А там...

На большом цветнике у фонтана спокойно пасся огромный красно-коричневый волосатый слон. Он то срывал цветы с грядок, то быстро и очень аккуратно щипал хоботом нежную траву лужаек. Затем, подойдя к фонтану, он напился, набрал хоботом воды и начал поливать себе спину и бока, на которых еще висели комья прилипшей земли — земли острова Врангеля. Глубокие вздохи и фырканье показывали, что обливание доставляет ему большое удовольствие.

— Что же теперь делать, дядя Семен? А? — тараторили ребята. — Надо его поймать, загнать назад в барак. Надо усыпить его. Ведь он все потопчет! А выйдет на улицу и пойдет гулять по Москве — бед наделает!..

Убедившись, что мамонт действительно ожил, сторож, огибая цветник подальше от страшного зверя, побежал в здание Академии. Он торопливо прошел к телефону и стал куда-то звонить. Ребята остались в вестибюле.

— Тут, знаете, такой случай... — кричал в трубку дядя Семен. — Мамонт, которого сегодня хотели чествовать у нас в Академии... Ну да, вот-вот... которого с острова Врангеля... Так выходит, что он не мертвый, а живой... Да, да... Полностью живой... Оттаял, что ли, и ожил. Разломал барак, вышел, потоптал и объел все клумбы... Да, пасется теперь на лугу у фонтана. Перед Академией... Па-сет-ся, говорю, как корова в поле... Нет, пока никого не тронул... огромный зверь... да, да...

Наконец, озабоченный, он вышел в вестибюль.

— Ну, ребята, будем держать мамонта под наблюдением. Будем следить за ним издали. Только близко не соваться.

В начале десятого часа, раньше чем вести о событии разнеслись по Москве, директор Палеонтологического музея и все члены «мамонтовой экспедиции» собрались в Палеонтологическом институте, чтобы установить объем и порядок докладов на разных языках, которые предполагалось сделать в институте в 10 часов для иностранных ученых. Затем к 11 часам все должны были перейти в барак для торжественного открытия драгоценного экспоната.

Собрание едва началось, как зазвонил телефон. Директор снял трубку.

— Что? Что такое? Что вы говорите?.. Какой мамонт?.. Но это невозможно!.. Не ошибаетесь?.. Чудеса... Какие меры принимать?.. Конечно, живого... ни в коем случае не поранить... Величайшая редкость... Надо сейчас же спросить директора зоопарка, он знает, как усмиряют разбушевавшихся слонов... Да, да... благодарю вас за сообщение...

Директор положил трубку.

— Товарищи! — сказал он, держась за сердце. — Я просто сам себе не верю... Но вот совершенно точное сообщение: наш вечномерзлый мамонт... Он оттаял, ожил, разломал барак и гуляет по Нескучному саду. Предлагаю обсудить, какие изменения это непредвиденное событие заставляет внести в программу нашего торжества.

Все повскакали с мест. Почти все присутствующие были готовы немедленно бежать в Нескучный сад. Директор призвал к порядку. После горячих споров решили: заседание с иностранными учеными открыть и, словно ничего не случилось, провести по плану, а в заключение объявить: «Теперь же просим уважаемых гостей перейти через улицу в Нескучный сад, где этот самый мамонт гуляет на свободе».

Двух сотрудников немедленно отрядили в Нескучный сад для наблюдения за мамонтом.

В это время мамонт, хорошо наевшийся и пригретый утренним солнцем, собрался отдохнуть. На окраине большой поляны, близ танцевальной площадки и эстрады, он стал в тени вековых лип и дубов и задремал, опустив голову. Новизна и разнообразие впечатлений утомили его: огромные деревья, зеленые лужайки, пестрые цветы, каменные громады зданий и деревянные изгороди, — все это он видел впервые. Из всего этого слагался пейзаж, резко отличавшийся от того, что он знал дома, на острове Врангеля, на котором он прожил свою долгую жизнь.

Черные острые скалы окаймляли там прибрежную равнину, поросшую скудной травой и низкими зарослями полярной ольхи и березы. Неумолчный шум прибоя убаюкивал после однообразной и грубой еды, а свежий морской ветерок отгонял комаров, оводов и слепней. В осенние и зимние пурги мамонт уходил с прибрежья в глубь гор по извилистым ущельям и часами стоял и

дремал там под защитой черных сланцевых обрывов. И теперь в Нескучном саду он дремал и грезил о природе далекого родного острова.

Но ему не дали отдохнуть. Сторож и дети скоро разыскали его и начали подкрадываться с разных сторон — одни вдоль изгороди танцевального помоста, другие из-за деревьев парка. Наконец, остановились шагах в 10—20 от дремавшего животного. Ребята переговаривались шепотом, передавая друг другу свои впечатления.

— Шерсть-то, шерсть. Рыжая, длинная, но не густая. Висит космами, как на искусственной пальме.

— А уши-то какие огромные. Лоп-лоп... Так и ходят. Все время движутся.

— Это он прислушивается, что мы говорим.

— Глазки маленькие, меньше, чем у слонов...

— А ножищи! Настоящие столбы! Наступит — в лепешку раздавит!

— Похож на слона и не похож. Шерсть, горб на спине, бивни иначе загнуты и куда длиннее...

Но тут с другой стороны поляны послышались громкие голоса.

— Нашли, нашли! Мамонт здесь. Вот он!

Вся Москва уже знала о происшествии.

На поляну высыпала толпа задыхающихся людей с фотоаппаратами, блокнотами, биноклями. Они вперегонки направились к мамонту. Сторож бросился им навстречу.

— Куда, куда? Остановитесь, граждане! Близко нельзя, он сердитый. Убьет! — кричал дядя Семен.

Но его уже обегали и справа и слева. Фотографы спешно вытаскивали камеры, расставляли треножники, мешая друг другу; несколько человек с киноаппаратами все забегали вперед, претендуя на лучшие места. Возгласы, перебранка...

Репортеры с блокнотами окружили сторожа и требовали «сведений». Подбежавшие ребята, перебивая друг друга, захлебываясь, тараторили:

— Я первый увидел, как он...

— Врешь! Ты цветы рвал, когда он разломал барак. Он вон откуда вышел к нам.

— Он сразу объел все клумбы. Георгины, золотые шары, все... Целыми снопами в пасть пихал.

— Весь наш цветник опустошил, обжора.

— А из фонтана воду пил и обливался.

Постепенно толпа расположилась большим полукругом, в центре которого тихо стоял мамонт. Защелкали затворы... Со стороны деревьев любопытные уже подошли к мамонту совсем близко. Говор, возгласы, крики усиливались с каждой минутой. Мамонт с изумлением разглядывал окружившую его кольцом толпу странных двуногих, беспокойных и крикливых. Она начала раздражать

его, привыкшего к простору и тишине пустынного острова. Его уши захлопали, он стал быстро размахивать хвостом. Грузно поворачиваясь на месте, мамонт убедился, что пестрая толпа окружает его со всех сторон. Тогда он поднял хобот, затрубил и двинулся в сторону поляны. Раздались крики ужаса, визг, началась паника. Полукруг на поляне сразу пришел в движение, все бежали, спотыкались, напирали друг на друга, падали. Несколько фотоаппаратов, черных покрывал треног, блокнотов, шапок осталось на траве. Мамонт топтал все, что попадалось под ноги, или подхватывал хоботом и швырял вперед в сторону убегавших. Поляна быстро опустела. Только сторож не принял участия в общем бегстве, а остался на посту. По счастью, чудовище двинулось не в его сторону. Добежав до края поляны, мамонт остановился, поднял хобот и трубными звуками возвестил о победе над врагами. Но вот послышались гудки, и на поляну с одной стороны выехала пожарная команда, а с другой на рысях вылетел отряд конной милиции.

Красные машины пожарных показались мамонту страшными чудовищами, издававшими оглушительные звуки. Он грузно повернул в другую сторону, с которой надвигалась конница. Лошади резко остановились, начали пятиться, бросаться в стороны или взвивались на дыбы при виде рыжей громады, размахивавшей хоботом над огромными белыми бивнями. Весь отряд сбился в кучу, несмотря на усилия всадников, а мамонт, повернув вправо, перебежал поляну и скрылся в глубине парка.

Конные милиционеры, ребята, репортеры, фотографы и любопытные, число которых все увеличивалось, двинулись вслед за ним.

Мамонт отбежал далеко и спустился по косогору к Москве-реке выше пароходной пристани. Здесь было еще тихо и безлюдно. Увидев воду, он забрел в реку, напился и затем начал принимать душ, поливая себя из хобота, которым набирал воду. Благодаря этому остатки глины и песка, приставших к его шерсти и слепивших ее в безобразные космы, отмылись окончательно, и мамонт вылез из реки чистеньким; он стал в тени деревьев на береговой аллее и снова задремал.

Но поспать ему опять удалось недолго. Его разбудил свисток парохода, подходившего к пристани, а еще больше встревожили фигуры людей, уже спускавшихся к реке. Мамонт сердито пошел дальше по берегу, затем свернул в большой овраг, поднялся по нему и попал в самую глухую часть парка, в заросли молодого леса. Там он объел несколько молодых кленов и лип и еще раз задремал.

Но и здесь мамонту не дали отдохнуть. Топот ног, хруст валежника, голоса сотен людей, перекликавшихся друг с другом, снова встревожили его. А когда между деревьями совсем близко

замелькали черные, белые и пестрые фигурки, он заревел, вырвал с корнем молодое дерево и, размахивая им, бросился в атаку на толпу.

Опять паника, бегство. Один из фотографов остался на поле сражения, он споткнулся, упал, и мамонт на бегу растоптал его ногу. Прорвавшись на большую аллею, мамонт наткнулся на конную милицию, опять навел панику на лошадей, и, очистив себе дорогу, помчался дальше по аллее. Тут он увидел впереди машины пожарных, дожидавшиеся на поляне, где было первое столкновение, свернул в сторону, попал в часть парка с молодым лесом вблизи Калужской улицы и скрылся в чаще, надеясь найти, наконец, спокойное место.

А в Палеонтологическом институте в назначенное время состоялся доклад участников «мамонтовой экспедиции» перед собранием советских и иностранных ученых, часть которых уже по телефону слышала, что мамонт ожил, но, конечно, не верила столь странному слуху. Поэтому, когда директор музея в заключительном слове предложил собранию перейти через улицу в Нескучный сад и посмотреть гуляющего на свободе мамонта, эффект получился необычайный.

Весь синклит убеленных сединами ученых поспешно оделся и перешел через Калужскую улицу к ближайшему входу в Нескучный. Ученые в сопровождении сторожа прошли к мамонту, который в это время, несколько отдохнув от своих злоключений, спокойно пасся, безжалостно уничтожая цветы на клумбах вдоль аллеи. Не пытаясь подойти слишком близко, чтобы опять не растревожить зверя, ученые насладились его видом и сделали большое количество фотографий с разных сторон.

Потом они осмотрели ящик, в котором мамонт пропутешествовал с острова Врангеля в Москву, и барак, который он разломал. Это было необходимо, чтобы убедить некоторых скептиков: кое-кто из них предположил, что в Нескучном им показали «искусственного» мамонта, т. е. автомат, придуманный и построенный каким-то хитроумным выдумщиком.

Три дня продолжалось осадное положение Нескучного сада и паломничество москвичей к чудовищу. В это время Зоопарк готовил для него помещение по соседству со слонами и особую клетку, при помощи которой хотели препроводить животное в Зоопарк. Мамонт за эти дни несколько привык к виду двуногих существ, гулял спокойно по всему саду, кормился, спал и чувствовал себя прекрасно.

Но на четвертый день случилось серьезное происшествие. Мамонту, вероятно, надоело гулять под деревьями Нескучного; рано утром с берега Москвы-реки он заметил на противоположном берегу ярко-зеленые огороды, уже освещенные солнцем. Его потянуло на простор, он перебрел через реку, выбрался на ого-

роды и с аппетитом начал отрывать и жевать кочны свежей капусты.

Весть о бегстве мамонта быстро распространилась, из Новодевичьего и Хамовников сотни любопытных повалили на огороды. Опять появились фотографы, репортеры, а затем началась облава. Милиция, зная по опыту, что на мамонта всего неотразимее действуют пожарные машины, вызвала несколько пожарных частей, которые оцепили огород полукругом и, постепенно сближаясь, оттесняли мамонта к берегу реки. Мамонт, встревоженный приближением звонивших и гудевших чудовищ, сначала бегал взад и вперед по грядам в поисках выхода, передавив при этом бесчисленное множество кочнов капусты, и, наконец, бросился в реку и вернулся снова в Нескучный сад.

В сад в эту ночь уже доставили клетку, придуманную для поимки мамонта. Клетка представляла коробку из толстых железных прутьев, без дна и без крышки, но на колесах. Вся клетка была увита зеленью кустов и трав и в раскрытом виде представляла зеленую стену, высотой выше роста мамонта. Ее поставили на окраине самой большой поляны, на которой мамонт чаще всего пасся и которую он уже сильно потоптал и потравил.

Мамонт, вернувшийся в Нескучный после своей тревожной экскурсии на огороды за Москвой-рекой, около полудня вышел на большую поляну, увидел зеленую стену, обещавшую сочный и обильный корм, подошел к ней и стал кормиться, срывая хоботом пучки трав и веток, привязанных к прутьям. Увлеченный этим занятием, он не заметил, как оба конца зеленой стены стали медленно, очень медленно изгибаться и, наконец, соединились позади него, окружив животное довольно тесным овалом. Этот овал, влекомый несколькими грузовиками, начал полегоньку двигаться и, нажимая сзади на мамонта, заставил двигаться и его. Так внутри этой зеленой стены, скрытый от взоров любопытных и огражденный от всех возбуждающих впечатлений улиц и площадей, мамонт в течение нескольких часов, с остановками для отдыха, тихим шагом был препровожден через всю Москву и водворен в Зоопарк. Отряд конной милиции ехал вокруг зеленой клетки, ограждая ее от чрезмерного любопытства граждан, а позади двигалась пожарная машина на случай буйства мамонта и его попыток разломать клетку. Но все обошлось благополучно, и мамонт очутился в Зоопарке, где молодые читатели могли бы его видеть ежедневно, если бы все описанное нами действительно произошло в Москве в начале осени 1938 г.

Возможно ли вообще такое происшествие?

Многие животные, например личинки насекомых, жуки, лягушки, некоторые рыбы, переживают в мерзлом состоянии зимние месяцы и весной оживают. В последнее время советским ученым удалось оживить водоросли, бактерии, мелких ракообраз-

ных, которые были найдены в Сибири, в вечномерзлых слоях торфа, где они пролежали несколько тысяч лет. Это оживление организмов, живших так давно, но в мерзлом состоянии сохранивших свою жизнеспособность до нашего времени, навело автора на мысль описать оживление мамонта, которого экспедиция Академии наук должна была привезти в 1938 г. с острова Врангеля. К сожалению, экспедиция обнаружила, что на острове под слоем прибрежного галечника, лежал не мамонт, как сообщали зимовщики, а современный кит.

1940 г.

ПОЛЕТ ПО ПЛАНЕТАМ [1]

Недавно у меня был интересный гость — один из летчиков Главного управления Северного морского пути. В своих полетах над Ледовитым океаном они изучают состояние и перемещение ледяных полей, находят удобные пути для судов, направляемых с запада и востока в гавани побережья Сибири, в устья больших сибирских рек, для доставки товаров, для снабжения работников полярных станций и местного населения и для вывоза разных грузов, прибывающих по сибирским рекам.

Этот летчик бывал у меня перед Отечественной войной, когда он участвовал в ледовых разведках «полюса недоступности» и в поисках неизвестных земель среди льдов — земель Андреева и Санникова. Теперь, спустя столько лет, он снова навестил меня.

— Я недавно вернулся из очень интересного, даже чрезвычайного полета, — сообщил он, поздоровавшись со мной.

— Неужели нашли, наконец, загадочную Землю Санникова? — обрадовался я. — В каком месте? В виде погасшего вулкана — так, как я описал в своем романе?

[1] Напечатано в журнале «Вокруг света», 1950, № 1.

— К сожалению, Земли Санникова еще не нашли, — улыбнулся мой гость. — И я боюсь, что этой земли вообще уже нет, что она, как уверяют наши гидрологи, растаяла в связи с потеплением Арктики.

— Да, они думают, что эта земля состояла из ископаемого льда, как некоторые другие острова Ледовитого океана, которые тают на наших глазах и исчезают. Но в отношении Земли Санникова это еще нужно доказать.

— Мы были гораздо дальше, чем вы думаете. Я участвовал в полете по планетам нашей Солнечной системы.

— Что вы говорите?.. На каком снаряде?

— Ракетном, реактивного действия. И полет был удачный. Как видите, я вернулся жив и невредим.

— На какой же планете вы побывали? Вероятно, в первую очередь на нашем спутнике — Луне?

— Луна интересна только для геологов. На ней нет ни воздуха, ни воды, ни жизни. Мы были гораздо дальше, — мы посетили Меркурий, Венеру и Марс.

— Вот так полет! Расскажите же подробности — какова скорость движения, способы посадки и старта снаряда, его защиты от космических лучей? Какая аппаратура?

— Об этом рано говорить. Ракета со всеми особенностями ее устройства — наше советское достижение последнего времени. Вот все, что можно сказать вам о снаряде.

— А наблюдения на планетах? О них можно поведать?

— Это можно. Скоро будет опубликован научный отчет, который составляют наши ученые, участники полета. Я могу сообщить только свои впечатления — не ученого, а только помощника штурмана, который видел все своими глазами и слышал некоторые объяснения ученых — астронома, геолога, палеонтолога.

— Расскажите! Буду слушать с величайшим вниманием.

— Прежде всего, — начал свой рассказ летчик, — мы направились на Меркурий. Наши ученые считали, что эта планета, как самая молодая, ближайшая к Солнцу, должна переживать юность жизни, и на ней можно увидеть начало развития органической жизни, самых древних растений и животных, если окажется, что она уже достаточно остыла. Наша ракета, пробившись сквозь очень густую пелену туч, села на воду большого бассейна недалеко от его крутого берега, привлекшего наше внимание своими яркими цветами. Мы причалили к берегу и вышли из снаряда, конечно, в кислородных масках: ведь состав атмосферы нам был еще неизвестен.

— Что же вы увидели на берегу?

— Береговые склоны, холмы, даже самые крутобокие, были сплошь покрыты толстенным ковром лишаев или мхов, в котором ноги утопали, словно мы шли по толстым перинам. Вся эта

растительность — разных цветов: зеленого, желтого, красного, фиолетового, синего, серого, черного — и разных оттенков. И по всей поверхности этого ковра ползали, взлетали, садились, жужжали разные насекомые — большие и маленькие, голые и мохнатые разноцветные жуки, гусеницы, пауки, скорпионы. Они взлетали из-под ног, садились на головы, плечи — форменное нашествие крылатых и ползучих гадов, которые мешали нам даже смотреть вокруг.

— Местность была ровная или гористая?

— Холмистая. Хотя идти вверх по склону было очень трудно из-за толщины этого ковра из лишаев и мхов, мы добрались до вершины береговых холмов. С нее открылся вид вдаль, на такие же округлые холмы, а на горизонте поднимались холмы более высокие, но таких же мягких очертаний и ярких цветов, — очевидно, покрытые тем же ковром. Жара была ужасная, пот лил градом. На вершине я попробовал приоткрыть маску и чуть не задохнулся — тяжелый горячий воздух с каким-то неприятным запахом. Между тучами на несколько минут выглянул огромный диск солнца. На нас пахнуло обжигающим жаром, словно из жерла металлургической печи. Мы поторопились назад, чтобы отдышаться в ракете. Вниз по склону просто скатились по ковру лишаев, словно ребята с ледяной горки. Попутно набрали наскоро всяких насекомых для исследования на досуге, а также мхов и лишаев.

— А образчиков горных пород не взяли?

— Никаких утесов, от которых можно было бы отбить кусок породы, мы не видели. Под ковром мхов и лишаев — только какая-то вязкая красная почва; геолог набрал ее целую горсть.

— Вода в море была бесцветная или окрашенная?

— Как будто бесцветная. Но по всему дну вдоль берегов — такая же разноцветная и пышная растительность, как на суше. Кусты водорослей разной формы, длинные плети, на них опять какие-то насекомые, черви, а в воде — мелкие рыбы странного вида.

— Этим и закончились ваши наблюдения на Меркурии?

— Почти. Мы поплыли еще дальше по морю недалеко от берега. Все те же холмы с толстым цветным ковром. Только в одном месте вдали были видны какие-то огни, вспыхивающие среди клубов черного дыма и белого пара в разных местах — вероятно, свежие излияния лавы на огромной площади. Но добраться туда было невозможно из-за жары, а средств передвижения по суше у нас никаких, кроме собственных ног, не было. В ракете не было места не только для автомобиля или вездехода, но даже для велосипеда.

— Итак, можно думать, что на Меркурии вы увидели первобытную жизнь, представителей низших животных и растений в пышном развитии на не так давно образовавшейся твердой

коре, которую еще прорывают выделения магмы из глубин, изливающейся лавой на поверхность.

— Мы плавали еще до вечера по морю вдоль берега и видели все ту же картину — мягкие цветные холмы, местами свежие поля лавы, уже застывшие или еще горячие, окутанные парами и дымом. Тучи то и дело разражались сильными ливнями, а горячий воздух был насыщен испарениями. Вода в море была теплая, градусов 35, а в воздухе температура — не менее 40°.

— Больше ничего интересного на Меркурии не видели? Куда же полетели дальше?

— Когда стемнело, мы поднялись, пробились сквозь тучи и по звездам взяли курс на Венеру. В ракете с удовольствием сбросили маски и отдыхали во время полета при нормальной температуре. Я, признаться, так крепко уснул, что не видел, как выглядит эта планета с близкого расстояния. Проснулся я, когда мы уже пробивались через пелену густых туч, которые ее окутывали. А когда пробились, — увидели под собой ландшафт, очень напоминавший нам земной, где-нибудь в Индийском океане; большие зеленые гористые острова между широкими проливами, как будто мы летели на большой высоте над Явой, Суматрой, Целебесом или Борнео. Снаряд опустился на воду вблизи берега большого острова. Берег оказался плоским, и причалить к нему было удобно.

На воде сразу обратили на себя наше внимание крупные плавающие животные, похожие на больших черных лебедей, с длинной шеей и маленькой головой на широком туловище. Но, подплыв к одному из них поближе, мы рассмотрели, что шея и туловище этого «лебедя» покрыты не перьями, а гладкой блестящей кожей и что вместо длинного и плоского клюва он раскрывает зубастую пасть. Это были огромные ящеры, похожие на плезиозавров нашей Земли, как объяснил наш палеонтолог.

Пока наш снаряд медленно плыл к берегу, мы заметили, что в воде мелькают рыбы разных величин и пород, плавают прозрачные бахромчатые медузы, головоногие моллюски с большими щупальцами, маленькие черепахи. Над спокойной поверхностью воды непрерывно проносились с пронзительным писком мелкие и крупные крылатые ящеры, похожие па наших летучих мышей и общим обликом и своим полетом. Только головы у них были покрупнее, и в разинутых клювах видны были острые зубы. Когда один из них подхватывал на лету с поверхности воды зазевавшуюся рыбу, другой ящер начинал преследовать его, стараясь отнять добычу, третий присоединялся к погоне.

Причалив к берегу, мы вышли на обширный луг, покрытый густой травой и небольшими кустами. В разных направлениях шли протоптанные тропинки, то узкие, то широкие. Мы направились по одной из них, конечно, с винтовками наготове.

Уже первые шаги показали, что здесь нет такой удушающей тяжелой жары, как на Меркурии. Приподняв маску, я обнаружил, что можно обойтись без нее, воздух теплый и влажный, но не захватывает дыхания. Вдали на лугу паслись какие-то животные, к которым мы и направились. По пути заметили, что в траве шмыгают небольшие четвероногие величиной с кошку, желто-бурые, волосатые и очень проворные — подробнее рассмотреть их не удалось.

— Вероятно, млекопитающие ранней стадии развития. Непременно нужно раздобыть их! — сказал наш палеонтолог.

Пасущиеся звери поднялись из травы и рассматривали нас с удивлением. Они были выше человеческого роста. «Игуанодоны юрского периода», — определил их тот же ученый. Игуанодоны рвали траву, согнувшись и помогая себе передними лапами. Общей формой тела они похожи на австралийских кенгуру, но крупнее их и покрыты блестящей кожей серо-зеленого цвета. Голова большая, похожа на лошадиную, шея длинная, довольно тонкая, передние лапы маленькие. Глядя на нас, они пережевывали траву, захваченную толстыми губами, и кивали головами. А потом, чего-то испугавшись, бросились бежать, неуклюже, но быстро переваливаясь на массивных задних ногах. Палеонтолог успел сфотографировать их, как только они поднялись. Отбежав недалеко, они остановились, повернувшись к нам, и продолжали жевать толстые стебли.

В воздухе над лугом изредка проносились, разинув зубастые пасти, летучие ящеры величиной с гуся. Я заметил, как один из них упал камнем в траву, потом поднялся, держа в зубах какого-то буро-желтого зверька, который еще барахтался.

Ящер унес свою добычу на дерево соседней рощицы, к которой мы подходили, и уселся на сук, собираясь пообедать. Наш палеонтолог поднял электрическую винтовку и выстрелил. Ящер выронил свою жертву и сам упал вместе с ней. Когда мы подошли, оба зверя уже не двигались, и мы подобрали их, чтобы рассмотреть подробнее уже в ракете.

Роща состояла из больших папоротников, хвощей, цикадовых, похожих на пальмы, с густым подлеском из разнообразных кустов. Наш ботаник, конечно, наломал веток растений разных пород с цветами. По листьям ползали голые и мохнатые гусеницы, бегали мелкие и крупные жуки, в воздухе реяли стрекозы и другие крылатые насекомые разных форм и цветов. Их было так много, что иные то и дело налетали на нас и падали на землю или садились на платье, так что приходилось их стряхивать. Насекомых преследовали небольшие крылатые ящеры, проворнее крупных, хватали и садились с добычей на ветки деревьев и кустов, чтобы проглотить ее без помехи. Рощи, особенно с теневой стороны, изобиловали этими насекомыми и их преследователями.

Миновав рощу, мы спустились к пляжу большого озера, усыпанному мелкой галькой ярко-красного цвета, — представьте себе этот удивительный пейзаж! Здесь мы сразу наткнулись на больших черепах, занятых кладкой яиц. Своими толстыми когтистыми лапами они разбрасывали гальку в стороны, вырывали длинную впадину вроде желоба, и затем самка, двигаясь вдоль нее, укладывала один за другим десяток белых яиц, а самец, ползший немного левее, забрасывал их галькой. Щитки черепах были темно-желтые с темно-бурыми краями.

Какие-то продолговатые холмы невдалеке обратили на себя наше внимание тем, что они как будто вздрагивали. Эти движения выдавали, что это живые существа, а не валы гальки, набросанные прибоем. Мы приблизились и действительно увидели огромных зверей, вытянувшихся на пляже. Они, вероятно, отдыхали после обильной еды. Туловища их поднимались плоским горбом, от которого в одну сторону тянулся, понижаясь, огромный хвост, а в противоположную — нетолстая шея, оканчивавшаяся головой, совершенно крошечной по сравнению с массой тела. Окраска животных — буро-зеленая, с продольными более темными полосками — усиливала их сходство с валиками прибоя. Над ними роями вились крупные мухи и пытались садиться им на спину. Вздрагивая, животные отгоняли их.

Мы остановились шагах в сорока от зверей. Наш палеонтолог, посмотрев в бинокль, объяснил нам, что это, вероятно, бронтозавры — безобидные пожиратели водорослей. Они пугают только массой своего тела.

Нам захотелось узнать, как будут выглядеть эти земноводные чудовища, когда они встанут во весь рост. Не подходя ближе, палеонтолог выстрелил в воздух. Бронтозавры вскочили довольно проворно, несмотря на размеры их тела. Вытянув хвосты и подняв головы, они побежали, покачиваясь на ходу, к воде. Их было четыре. Тяжело ступая массивными ногами, похожими на ноги бегемота, и разбрызгивая воду во все стороны, они зашли в озеро до половины брюха, остановились и, повернув головки в нашу сторону, рассматривали нарушителей их послеобеденного отдыха. Теперь было видно, что спина их поднималась выше поднятой руки человека среднего роста; длиной же, от головы до конца хвоста, они были метров в двадцать.

— И сколько такая махина должна ежедневно поглощать растительности для своего существования! — воскликнул ботаник.

Но тут наше внимание было отвлечено другим зверем, который, очевидно, заметив бронтозавров, выскочил из рощи и, делая крупные прыжки, приближался по пляжу к нам.

— Хищник и, наверное, опасный! — заметил палеонтолог.

Наш пилот, опытный стрелок, поднял винтовку, выждал приближения зверя и выстрелил разрывной пулей. Хищник свалил-

ся на скаку. Мы подошли к нему, когда он уже перестал шевелиться.

По форме тела зверь этот походил на игуанодонов, но был стройнее их, что и способствовало быстроте его движений. У него была более крупная голова с большой пастью, снабженной острыми зубами, с большим рогом на переносице и несколькими поменьше на шее. Передние ноги — небольшие, с когтистыми лапами, задние — массивнее, но не такие огромные, как у игуанодонов. Тело было покрыто мелкой чешуей, не стеснявшей его движений. Этот хищник был гораздо проворнее игуанодонов. Судя по быстроте его бега и величине скачков, он был их опасным врагом. Но он мог, очевидно, справиться и с громадным неуклюжим бронтозавром, вскочив ему на нижнюю часть шеи и перекусив артерии.

Едва мы успели рассмотреть этого ящера, как из надвинувшихся густых туч полил дождь, заставивший нас поспешно направиться к своему снаряду и укрыться в нем. Пока мы добрались до ракеты, дождь превратился в проливной, и через сеть ливня почти ничего нельзя было рассмотреть.

Мы прождали несколько часов, но погода не улучшалась. Так во время дождя мы и покинули эту мокрую планету, красивый блеск которой, при взгляде на нее издали, очевидно, обусловлен густой пеленой туч, окутывающих ее поверхность и отражающих солнечный свет.

Пока мы сидели в ракете в ожидании прекращения ливня, мы могли обменяться впечатлениями относительно воздуха этой планеты. Воздух Венеры очень теплый и влажный. Мы чувствовали себя, словно в паровой бане, и по нашим лицам струился пот. Солнце пробивалось через тучи только на несколько мгновений, и диск его казался нам вдвое больше, чем с Земли.

Проведя сутки (по нашему времени) на поверхности Венеры, мы находились вне снаряда около двух часов. Но для первого знакомства с планетой и этой небольшой экскурсии было достаточно.

Поднявшись, мы пробились опять через густые тучи и взяли направление к нашей Земле, которая с Венеры виднелась на небосклоне в виде крупной звезды. Было интересно видеть, как она постепенно увеличивалась, а Венера уменьшалась. Скоро мы смогли уже различать на Земле очертания морей в виде больших ровных темных площадей, тогда как материки представлялись неровными пятнами со светлыми цепями гор, покрытыми снегом, зелеными пространствами лесов, крапинками озер и линиями рек. Мы видели, как менялось освещение, как перемещались очертания материков и морей в связи с вращением планеты.

Когда мы пролетали вблизи нашей планеты, перед нами открылось ее западное полушарие. Так как время было около ве-

сеннего равноденствия, можно было хорошо различить зимний белый покров Канады, пестрые пятна на территории США в центре материка, переходящие на юге в желтый цвет прерий Техаса, а южнее — светлые извилистые цепи Кордильер среди равнин Мексики, уже одевшихся в яркий весенний наряд. Дальше на юге, суживаясь между двумя океанами, пестрела Центральная Америка с извилинами горных цепей.

Мы смотрели на развернувшуюся перед нами карту материка, который не так давно привлекал к себе эмигрантов Старого Света, искавших там свободы для приложения своих сил и способностей и бежавших от власти богачей, царей и церкви, и который в наши дни является царством Желтого Дьявола и хочет управлять всей планетой, угрожая ей своими отвратительными щупальцами.

Надежды всего мира обращены сейчас к другой части планеты, которая показалась перед нами, освещенная лучами Солнца. Медленно поворачивался земной шар, и перед нами развертывались просторы нашей советской Родины, окаймленной целым созвездием демократических стран. На огромной части планеты восторжествовали лучшие чаяния человечества. Мы были представителями страны, показывающей путь всему миру!

Но наш снаряд удалялся от Земли.

Мельком мы увидели диск Луны с знакомыми всем морями и кольцами вулканов и направились к Марсу, последней станции нашего полета. Тут можно было вздремнуть, так как расстояние до Марса мы могли пролететь только в течение полусуток с лишним.

Когда мы проснулись, эта огромная планета была видна уже в виде большого диска на черно-фиолетовом фоне неба. Сразу бросилось в глаза большое белое пятно на верхней части Марса вокруг его северного полюса, темные и светлые пятна разных очертаний и густоты на остальной части диска. Некоторые из них — темные — тянулись узкими прямыми линиями в разных направлениях, напоминая нам о каналах, будто бы созданных разумными обитателями этой планеты, по мнению некоторых астрономов, высказанному более полувека назад. По временам эти линии застилались словно легкой дымкой, которую можно было истолковать как присутствие облаков, т. е. влаги в атмосфере, и надеяться, что на Марсе найдется также и вода. А последняя в виде моря или хотя бы порядочного озера была нам необходима для посадки. Ведь если на планете нет этих условий, нам пришлось бы только облететь вокруг нее и полюбоваться на ее лик с высоты нескольких тысяч метров — на сушу наш снаряд садиться не мог.

Марс постепенно приближался. Все яснее и разнообразнее становились контуры пятен разных оттенков — зеленого, синего, фиолетового, а граница белой площади на северном полюсе распалась на бахромчатые фестоны — это были, несомненно, края

зимнего снежного покрова. Более отчетливо стали выступать и очертания светлых красноватых площадей разной густоты окраски. Выяснилось, что одни площади, светло-красные, имели ровную поверхность и, вероятно, представляли собой моря и озера, а другие, более темные, были морщинистыми и скорее всего являлись горными возвышенностями.

Еще несколько часов полета, и уже нельзя было сомневаться в том, что на Марсе имеется растительность, занимающая большие площади, самых темных цветов — от зеленого до фиолетового, встречается суша красного цвета, вероятно пустыни, и довольно много крупных и мелких площадей воды, по-видимому, неглубоких морей и озер, сквозь воду которых просвечивало их красное дно.

Высмотрев большую площадь воды, от которой под острым углом отделялись два узких канала, мы удачно опустились на поверхность моря.

— Итак, на Марсе вы обнаружили сушу и воду, а на суше растительность? — воскликнул я. — Конечно, есть и воздух и, вероятно, животные?

— Немного терпения! — улыбнулся летчик. — Продолжаю по порядку. Нужно сказать, что избытком тепла Марс похвастаться не может. Диск Солнца, если его наблюдать с Марса, представляется вдвое меньшим по своему диаметру, чем с Земли. Солнце греет далеко не так сильно, как на Земле, но зато греет ровно: облачность на Марсе очень слабая.

— А воздух какой? — поинтересовался я. — Свободно ли дышалось?

— Воздух разреженный, как у нас на высоте 3000—4000 м. Но он богаче кислородом, чем на Земле, так что дыхание не затруднено. Каких-либо пахучих или вредных газов в составе атмосферы Марса нет, и кислородные маски мы сняли.

— Итак, вы сели без приключений?

— Совершенно свободно — на спокойную воду. После посадки мы подрулили к берегу, но причалить не могли — везде вдоль берегов вода мелкая. Пришлось спустить нашу маленькую складную лодку, рассчитанную на двоих, и по очереди перевезти всех. Берег был плоский, из красного песка с мелкой галькой. И почва на Марсе везде красная. Из-за этого даже издали планета кажется красной, почему ее и назвали именем бога войны.

По широкому пологому пляжу мы поднялись вверх. Ширина пляжа доказывала, что здесь бывают сильные волнения, когда вода заливает большие площади плоских берегов, т. е. указывала на наличие сильных ветров. Едва ли ширина пляжа может свидетельствовать о наличии приливов — ведь у Марса спутники очень маленькие.

— Широкий пляж можно объяснить и тем, что моря на этой планете очень неглубокие и частью усохли, — заметил я.

— Совершенно верно! Пройдя десятка три шагов по пляжу, мы встретили опять полосу воды, тянувшуюся далеко в обе стороны, — быть может, остаток последней бури. Идти вброд нам не хотелось. Самый молодой из нас решил перепрыгнуть через это препятствие, шириной метра в два или полтора. Он прыгнул и... перенесся сразу метров на десять вперед и на два вверх. Наш астроном крикнул ему:

— Вы забыли, что притяжение на Марсе в два с половиной раза слабее, чем у нас на Земле! Поэтому всякое мускульное усилие дает здесь эффект в шесть с половиной раз больше!

Мы все, конечно, повторили этот прыжок через водную преграду и стали подвигаться вверх по пляжу большими скачками, состязаясь друг с другом в высоте и длине. Таким способом мы легко преодолевали плоские, широкие валы, которые покрывали этот пляж на протяжении нескольких сот метров.

Так мы добрались до опушки леса и остановились в изумлении. Мне показалось, что я опять очутился на Камчатке, на окраине ее знаменитых зарослей ольховника, через которые только медведи и собаки могут беспрепятственно ходить во всех направлениях. Эти заросли состояли из толстых, в руку человека, стволов, искривленных в разные стороны и на высоте в полтора-два метра переходивших в целую сеть горизонтальных ветвей и веточек с довольно широкими листьями и цветами.

Листва создавала сплошной покров с почти ровной поверхностью, похожий на толстый ковер, раскинутый во все стороны на некоторой высоте от земли. Нагнувшись, можно было смотреть между стволами, стоявшими не густо — от полуметра до метра один от другого, — пока взгляд не упирался в решетку этих стволов. Между стволами везде видна была красная почва, поросшая мелкой и негустой травкой. Нагнувшись под сплошной листвой, человек мог ходить во всех направлениях между стволами.

Очень удивил нас цвет листвы — от темно-зеленого до синего и фиолетового. Круглые мелкозубчатые листья были темно-зеленые, крупные лапчатые — фиолетовые, а мелкоигольчатые, вроде наших елок, — синие. Пройдя десятка два шагов под этим сине-зелено-лиловым сводом, мы остановились: дальше можно было заблудиться. Мрак под сводом листвы сгущался, а в окружающей нас чаще, кроме стволов и толстых ветвей, на уровне зрения ничего не было видно. Чувствовались духота и тепло, как будто исходившие из красной почвы зарослей.

Мы повернули назад, вышли на окраину этого странного леса и прошли вдоль нее на восток километра два. Пейзаж не менялся; можно было думать, что вся растительность Марса имела такой же характер ольховника камчатского типа. Нигде не видно было сколько-нибудь выдающихся над этим ковром вершин деревьев — ни остропирамидальных, ни округлокуполообразных, как в земных лесах.

Мы прошли еще дальше и неожиданно наткнулись на обитателей этих зарослей. Это были четвероногие, ростом с собаку средней величины, с довольно густой шерстью. Она была неровной окраски — с чередованием более светлых и более темных бурых вертикальных полос. Светлые полосы по цвету не отличались от стволов зарослей, и если животное стояло неподвижно, оно становилось совершенно незаметным среди стволов. Мы успели рассмотреть, что животные паслись по окраине зарослей на ковре жидкой травки, срывали ее губами и, очевидно, являлись травоядными. Ни рогов какой-либо формы, ни острых клыков в пасти у них не было видно. Но когда мы приблизились к ним, чтобы разглядеть их получше, они подняли головы, осмотрели нас, растопырив бо́льшие треугольные уши, и с хрюканьем бросились в чащу, которая великолепно укрывала их.

Немного дальше мы увидели и пернатых обитателей зарослей. Они были величиной с нашего рябчика и перепархивали по поверхности зарослей, что-то хватая большими клювами — ягоды или насекомых. Птицы были черные со спины и светло-бурые снизу и, вероятно, гнездились на ветвях. А когда над зарослями появилась более крупная птица, похожая на коршуна, медленно планировавшая кругами на некоторой высоте, «рябчики», громко щебетавшие ранее, замолкли и попрятались. Очевидно, это был хищник.

Мы прошли еще минут десять вдоль окраины зарослей и попробовали снова проникнуть в их глубину. [...]

Построившись цепочкой, чтобы не потеряться, и согнувшись немного, мы углубились в чащу и сразу почувствовали, что под сенью этой густой листвы, образующей сплошной покров, гораздо теплее, чем на открытом воздухе. Приходилось думать, что тепло на самом деле исходило из почвы. Очевидно, теплота передавалась из глубин планеты, а густой покров листьев на деревьях сберегал это тепло, не позволяя ему быстро рассеяться в прохладном воздухе атмосферы Марса. У нашего астронома имелись походные термометры, и мы определили, что в воздухе температура была 20° С, а в самой почве, на глубине нескольких сантиметров, даже 22°. Нам стало понятно, чем вызвано своеобразие марсианской растительности. Она приспособилась к слабому источнику тепла — к Солнцу и к более равномерному нагреву, исходящему из недр планеты, очевидно, хранивших еще большие запасы тепла.

Нас, конечно, заинтересовала и температура моря Марса.

Вернувшись из зарослей на берег, мы произвели измерения и убедились, что морская вода также была теплая и имела 20°, тогда как температура воздуха в тени в ясный солнечный день достигала только 10°.

С пляжа мы увидели невдалеке красные холмы и направились к ним, так как заросли камчатского типа, населенные хрю-

кающими четвероногими, не представляли уже большого интереса. По мере приближения к холмам заросли становились все реже и ниже. Затем начались сплошные пески. Это были барханные гряды из светло-красного мелкого песка, обращенные пологими паветренными склонами в сторону морского берега и поднимавшиеся в противоположном направлении постепенно все выше. Мы поднялись по наветренному склону барханной гряды на ее гребень и увидели впереди такие же дюны, или барханы, одну гряду за другой. Очевидно, ветры упорно дуют здесь от берега моря в глубь страны. Можно было представить себе, какие здесь бывают пыльные бури в ненастные дни зимнего полугодия.

Растительность на барханах отсутствовала, только вдали кое-где виднелись отдельные пучки трав и мелкие колючие кустики. Так как день клонился уже к вечеру, мы повернули назад.

Вернувшись к месту высадки, мы переправились по воде к ракете, поужинали, обменялись впечатлениями, записали их, каждый со своими комментариями, и легли спать.

Сутки на Марсе — на полчаса длиннее земных. За ночь мы успели хорошо отдохнуть. А с утра, подкрепившись, стали готовиться к дальнейшему путешествию.

Мы поплыли в ракете по морю. Пейзаж сначала имел тот же характер — вдоль берега тянулись заросли камчатского типа. Мы изучали их из окон нашего снаряда, который плыл вдоль берега на некотором отдалении, там, где была достаточная глубина.

Но вот в зарослях появился разрыв; отсюда на север тянулся широкий канал, окаймленный с обеих сторон теми же деревьями.

Мы повернули и медленно поплыли по каналу, следя за глубиной воды, чтобы не наткнуться на отмель. В воде видны были рыбы разной величины и окраски, небольшие черепахи, а по поверхности плавали черные птицы. Последние при нашем приближении торопливо взлетали, но наш зоолог успел определить, что они более похожи на птеродактилей, т. е. летающих пресмыкающихся мелового периода. Бросались в глаза их большие головы, зубастые клювы и тяжелый порхающий полет, как у летучих мышей; тело их было покрыто скорее мелкой чешуей, чем перьями. Они быстро плавали и, ныряя в погоне за рыбой, уходили почти совсем под воду. Но накануне мы видели в зарослях настоящих птиц, так что можно было заключить, что на Марсе орнитофауна разнообразна.

Канал то сильно сужался и мелел, то расширялся и углублялся. Мы не заметили следов, которые говорили бы об искусственном его происхождении. Предположение о том, что каналы на Марсе созданы разумными существами, пока не подтвердилось. Оба берега канала были покрыты зарослями, листва кото-

рых спускалась к поверхности воды. В бинокль мы рассмотрели, что эти кустарники покрыты крупными ягодами.

Канал вскоре так сузился и обмелел, что было слишком рискованно двигаться дальше. Мы повернули назад и выплыли снова на простор моря. Здесь мы поплыли по старому направлению. Час или полтора спустя заросли на берегу стали редеть. Среди них появились красные песчаные холмы, а затем начались сплошные пески, подобные виденным накануне, с барханными грядами. Эти безжизненные гряды все более повышались с удалением от морского берега. Мы плыли вдоль берега этой пустыни часа два и, не видя признаков перемены ландшафта, решили закончить этим нашу рекогносцировку поверхности планеты.

Можно было заключить, что на Марсе встречаются только три ландшафта: неглубокие моря, населенные рыбами, черепахами и птеродактилями; заросли деревьев камчатского типа, населенные четвероногими нескольких видов и птицами; наконец, совершенно пустынные сыпучие холмистые пески. Возле обоих полюсов можно было предполагать еще снеговые поля, почти исчезающие летом.

Крупных неровностей рельефа в виде горных цепей и нагорий мы не встретили. При облете планеты они также не попадались нам на глаза. Можно думать, что поверхность Марса давно уже выровнена процессами эрозии. Единственные неровности — это барханные гряды песков, наметенные ветрами.

Нужно заметить, что вода в морях Марса повсюду, где мы ее пробовали, была почти пресная, так что ее свободно можно было пить; в канале она была совершенно пресная. Каналы, вероятно, получают воду с тающих полярных снеговых полей. В зарослях же собирается влага, которая конденсируется в барханных площадях из воздуха благодаря резкому понижению температуры ночью даже в летнее время. Это понижение мы ощутили в течение ночи, проведенной на море. Была середина лета, а после захода солнца температура воздуха упала до 2—4°.

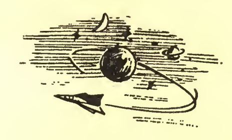
Приходится думать, что жизнь на планете, представленная мало разнообразными формами животных и растений, ограничена площадями зарослей, согреваемыми поднимающимся из глубин подземным жаром, который распространяется также на прилежащие мелкие моря. Охладившиеся же участки поверхности планеты превращены процессами выветривания в бесплодные песчаные пустыни. Сильные колебания температуры па этих площадях способствовали этим процессам.

Упомяну еще, что из двух спутников Марса — Фобоса и Деймоса, очень маленьких и близких к планете, мы видели только одного — в виде довольно яркой небольшой луны, которая быстро перемещалась по небу и восходила на западе. Наш астроном сообщил нам, что плотность Марса всего 3,8, т. е. меньше зем-

ной (5,5), и поэтому можно думать, что металлического сплошного ядра эта планета совсем не имеет или же оно очень маленькое. Огромное развитие песчаных площадей соответствует этим особенностям внутреннего строения планеты.

Вечером второго дня, видя нашу Землю перед собой на небосклоне, мы поднялись в обратный перелет, который закончился вполне благополучно.

1950 г.

КОРАЛЛОВЫЙ ОСТРОВ

Повесть

1. Опасный полет

С утра 7 декабря 1941 г. в Сан-Франциско, главном городе штата Калифорния, на берегу Тихого океана, царило большое возбуждение. Радио уже передало тревожное известие о предательском нападении японского флота на гавань Пирл-Харбор на Гавайских островах, хотя представители Японии еще находились в Вашингтоне и продолжали переговоры с правительством Соединенных Штатов. Громкоговорители на улицах сообщали подробности о нападении и о больших потерях военно-морских сил Штатов. Толпы граждан собирались на улицах близ громкоговорителей и выражали свое возмущение дерзостью агрессора.

Вскоре радио сообщило об объявлении мобилизации армии, флота и военно-воздушных сил, а власти штата готовили уже секретный приказ об аресте многочисленных японских рыболовных судов и их экипажей, которые давно уже шныряли по всему побережью Тихого океана в Калифорнии и, кроме рыбной ловли, усердно занимались фотографированием берегов и бухт,

промерами глубин и сбором всяких сведений, необходимых для десанта.

В большом аэропорту Сан-Франциско готовились к вылету несколько самолетов — одни для патрулирования побережья, другие для перелета на Гавайские острова. Из Пирл-Харбора было получено требование срочно прислать хирургов, перевязочные средства и медикаменты ввиду большого количества раненых. На набережной залива возле одного из гидросамолетов средней величины стояло несколько человек, очевидно, собиравшихся в путь. Это были: Натанаэль Форс — пилот, Франк Элиас — штурман, Чарльз Керри — капитан флота, Гарри Смит — хирург и Льюис Кинг — корреспондент газеты «Калифорния Уорлд», получивший разрешение спешно вылететь в Пирл-Харбор. Возле них вертелся юноша лет 16 — Генри, сын хирурга. Другие провожающие уже ушли.

С грузовика, стоявшего вблизи самолета, перегружали большие пакеты с перевязочными материалами, ящики с медикаментами и багаж пассажиров. Механики аэропорта проверяли моторы. Генри то помогал при перегрузке, передавая пакеты человеку, появлявшемуся в люке самолета, то подбегал к пассажирам, чтобы послушать их разговоры о неожиданных событиях и перспективах войны.

Было уже около двух часов, когда механик отрапортовал начальнику аэропорта, что моторы проверены и погрузка заканчивается.

— Прошу занимать места! — пригласил пилот.

Генри подбежал к отцу и обнял его.

— Ты сядешь на грузовик и, когда мы взлетим, поедешь домой и сообщишь Дженни, что мы благополучно улетели, — сказал ему Смит.

Мальчик простился с отцом и остальными пассажирами и отошел к грузовику. В это время к начальнику аэропорта подбежал запыхавшийся клерк метеорологической станции порта и доложил:

— Только что получено срочное сообщение из Нома, что в Берингов пролив ворвался с северо-запада циклон необычайной силы. Он может захватить самолеты по дороге на Гавайские острова.

Пассажиры встревожились, но пилот успокоил их:

— Циклоны Аляски движутся обычно вдоль берега Америки на юго-восток, и мы успеем миновать угрожающую зону прежде, чем этот циклон достигнет нашего маршрута. Прошу занимать места!

Все спустились по лесенке к люку самолета и один за другим исчезли в его недрах. Заревели моторы, гидросамолет, вздымая поплавками волны, поплыл по заливу, мало-помалу отделяясь от воды, потом на высоте 300 м сделал большой круг, как бы проверяя работу моторов, помахал крыльями на прощанье и повер-

нул на запад, навстречу солнцу, проглянувшему между тучами в этот короткий зимний день невысоко над горизонтом.

От Сан-Франциско до Гавайских островов по прямой линии — 4000 км. Самолет обладал скоростью полета почти 400 км в час и должен был прилететь в Пирл-Харбор около полуночи. Первые два часа полета прошли незаметно, пассажиры дремали, утомленные спешными сборами перед совершенно неожиданным выездом, а вид безграничного океана, мерно волновавшегося в тысяче метров под ними, не возбуждал интереса.

Солнце закатилось, проглянув на горизонте на несколько минут из-под темных туч и озарив багровым светом белые гребни волн. В кабинах зажглись лампы. Начался ночной полет по приборам. Прошло еще два часа. Совершенно стемнело. Ветер крепчал. Вдруг самолет качнуло. Крен достиг 60°. Пилот окликнул штурмана:

— Неужели мы все-таки попали в зону циклона?

Еще несколько минут, и в окнах кабин белыми полосками замелькали хлопья снега. Количество их быстро увеличивалось, и скоро они залепили окна.

— Этого еще недоставало! Попали в пургу, словно на севере Канады! — воскликнул Керри, прильнувший к окну кабины.

Ураган усиливался с каждой минутой. Самолет то и дело принимал почти вертикальное положение. Компас показывал, что машину сильно сносит на юг от трассы. В кабинах стало холоднее. Штурман и пилот встревожились. Поверхность моря приблизилась. Альтиметр подтвердил, что летели уже на высоте не более 300 м.

— Самолет обледенел! Еще немного — и мы сядем на волны! — заявил штурман.

— Придется повернуть по ветру и лететь на юг. Там теплее, снег должен прекратиться.

— Куда же мы залетим?

— Полетим с циклоном, пока он не затихнет, а потом повернем на запад.

— Хватит ли горючего?

— Запас взят хороший. Должно хватить!

Пассажиры, закутавшиеся в одеяла, спокойно спали, не догадываясь об опасном положении гидросамолета, попавшего в зону циклона, который вместо обычного направления — вдоль берега Америки — на этот раз мчался прямо через Тихий океан.

Самолет повернул и понесся еще быстрее, подгоняемый циклоном. Сильная качка прекратилась. Прошел час, другой, третий. Курс держали не прямо на юг, по ветру, а на юго-юго-запад, рассчитывая скорее выйти из зоны циклона, чтобы повернуть опять к Гавайским островам. Снег сменился проливным дождем, ледяная корка, покрывавшая крылья и фюзеляж самолета, растаяла, и самолет поднялся выше. Но ветер, казалось, не ослабел

и не позволял еще переменить курс, и самолет все больше удалялся от Гавайских островов.

Минуло еще два часа. Не будь циклона, путешественники были бы уже не так далеко от Пирл-Харбора, где их ждали с нетерпением, получив по радио известие о вылете самолета с заказанным грузом и хирургом. А вместо того самолет несся во власти циклона где-то посередине Тихого океана.

Прошел еще час. И вдруг правый мотор начал сдавать. Он то работал неровно, с перебоями, то замолкал на десяток секунд. Штурман встревожился, пробовал выключить его на короткое время и потом опять включить. Но это не помогло, и после нескольких попыток мотор стал работать еще хуже. Очевидно, произошла поломка, требовавшая исправления.

— Нужно садиться у какого-нибудь острова, — сказал штурман пилоту, — переночевать, починить мотор, определить положение и уже завтра лететь в Пирл-Харбор.

— У берегов островов в зоне циклона сесть невозможно — страшный прибой, нас выбросит на скалы, — возразил Форс. — Летим пока с одним мотором. Тьма такая, что нельзя различить, где можно было бы сесть даже с риском.

Полет продолжался еще полчаса. Стук мотора все чаще прерывался и, наконец, замолк совершенно. Скорость полета резко снизилась. За это время циклон значительно ослабел. Можно было бы повернуть на запад, но с одним мотором пришлось бы лететь всю ночь с риском не попасть на Гавайские острова, так как после полета с циклоном и неполадок в моторе трудно было точно определить положение самолета и вычислить прямой курс в Пирл-Харбор.

Между тяжелыми тучами на небе начали появляться разрывы, через которые по временам проглядывала луна и освещала бушующее море. Штурман и пилот с тревогой вглядывались в даль в поисках какой-нибудь суши, потому что и второй мотор начал сдавать. Посадка становилась неизбежной. Наконец на горизонте, немного левее курса, над морем выдвинулся черный плоский треугольник — очевидно, остров порядочной величины. Пилот направил самолет к нему. Земля быстро приближалась. И пора было: мотор начал захлебываться. Стали снижаться. Берег был близко — большой гористый остров с неровной поверхностью, как будто покрытый густым лесом. А вдоль берега виднелась белая полоса прибоя и ясно слышался рев волн, не заглушаемый хрипящим мотором.

Пилот повернул вдоль берега в поисках наименее опасного места для посадки. Вот как будто подходящее — между белой лентой прибоя и береговыми скалами порядочный спокойный залив. Можно рискнуть. Самолет, описав небольшой круг и задевая поплавками за гребни волн прибоя, опустился на воду залива. Но залив оказался недостаточно длинным. Поплавки

врезались в песок побережья, а нос самолета ударился довольно сильно о береговые скалы. Послышался звон разбитых стекол. Передняя часть поплавков была на суше, а корма — в воде залива. Свет в кабинах погас.

2. Где мы находимся!

Сильный толчок разбудил пассажиров. Капитан Керри с трудом открыл люк пассажирской кабины и выглянул.

— Трудная посадка в такой шторм! Нас здорово тряхнуло, я набил себе шишку на лбу, — послышался сзади голос корреспондента Кинга.

— Но наконец добрались, опоздали часа на два, — проворчал хирург Смит, вынув часы со светящимися стрелками и цифрами.

— Почему такая тьма в гавани? Разве мы не в Пирл-Харборе? — воскликнул в недоумении капитан, высунувший голову из люка. Луна скрывалась за горой острова, и место посадки лежало в глубокой тьме.

— Алло, мистер Форс, где же мы находимся? — спросил Керри. Но никто не ответил. В передних кабинах слышалась возня. Штурман и пилот были немного оглушены ударом самолета о скалы, а осколки стекла поранили лицо штурмана. Пилот старался открыть люк своей кабины, но дверца не поддавалась сразу: от удара что-то случилось с замком. Наконец ему удалось открыть люк, и он вылез.

— В чем дело, мистер Форс? Где мы, почему аэропорт не освещен? Полное затемнение, что ли? И никто не встречает нас! — допытывался Керри.

— Мы очень далеко от Пирл-Харбора, капитан, — ответил пилот. — Из-за циклона мы повернули на юг, чтобы не обледенеть. Один мотор сломан, второй плох. Пришлось сесть на какой-то остров и здесь ночевать. Ночью мы не сможем привести моторы в порядок.

— Какая досада! А нас ждут раненые!

— Утром починим моторы и полетим, надеюсь, капитан! Я много летал по этой трассе, но такого циклона, как в этот раз, мне не пришлось испытать. Это была настоящая сибирская пурга, а скорость ветра, вероятно, превышала сто миль в час. Нос самолета и, кажется, некоторые приборы пострадали от удара о скалы. Залив за полосой прибоя, на который нам удалось сесть, оказался слишком коротким, и мы стукнулись.

— А, вот почему нас так встряхнуло! Где же штурман? Неужели он так крепко уснул после посадки?

— Франк! Элиас! Вы спите, что ли? — крикнул пилот. Но никто не отозвался. — Нужно посмотреть, может быть он так сильно

ударился головой при посадке, что потерял сознание, — прибавил Форс.

Во время этого разговора пассажиры выбрались из своего люка и подошли к пилоту. Последний, сбросив тяжелую летную одежду, достал карманный электрический фонарик и осветил нос самолета, который от удара о скалы несколько сплющился.

— Изрядно помяло нас, как видите. Особенно с правой стороны, где кабина штурмана, — сказал Форс. — Я боюсь, что с ним что-то случилось.

Освещая путь, он обогнул поплавки самолета, врезавшиеся в белый песок побережья, и подошел к люку кабины штурмана. Пассажиры следовали за ним. Дверца была немного погнута, но приоткрылась легко. Штурман сидел, откинувшись в угол; по обеим щекам струйками стекала кровь из порезов; она сочилась также из ноздрей.

— Он, очевидно, потерял сознание от сильного сотрясения, ударившись головой, — сказал Смит, осветив лицо штурмана. — Щеки поранило осколками стекла. Но ничего опасного, по-видимому, нет. Сейчас мы его приведем в чувство.

Он достал из своей полевой сумки комок ваты, вытер кровь под ноздрями и поднес к ним флакон с нашатырным спиртом. Минуту спустя штурман глубоко вздохнул, приоткрыл глаза и зашевелился.

— Что со мной? Где мы? — пробормотал он и отстранил рукой флакон.

— Ол райт! Он жив! — воскликнул Кинг, который по привычке рьяного корреспондента уже царапал что-то в записной книжке — очевидно, впечатления от посадки самолета ночью на каком-то острове Тихого океана.

— Вы можете сами вылезти? — спросил хирург. — Мне нужно еще осмотреть ваши щеки, не остались ли в порезах кусочки стекла.

Франк при помощи пилота вылез из кабины и спустился на землю. При свете фонарика хирург вытер кровь с его щек, осторожно ощупал порезы и смазал их йодом. Порезы были небольшие, стекла в них не оказалось. Сняли шлем и сделали перевязку.

— Я помню только, что сильно ударился лбом, так что из глаз искры посыпались, — сказал штурман.

В это время Форс осмотрел при свете своего фонарика обе кабины, пострадавшие при ударе, и, вернувшись к пассажирам, заявил:

— Некоторые приборы на передней стенке наших кабин, вероятно, повреждены, стекла у них разбиты. Это хуже, чем порча моторов.

— Неужели у вас нет запасных? — вскричал Смит. — Ведь мы должны завтра обязательно прибыть в Пирл-Харбор.

— Некоторые приборы в резерве имеются, но не все. Кроме того, вероятно, пострадала связь с моторами, элеронами, рулями. Выяснение этого и ремонт потребуют времени. Впрочем, до подробного осмотра при дневном свете я не могу составить себе полного представления о размерах аварии, — сказал Форс.

Эти слова поразили пассажиров. Перспектива длительного пребывания на каком-то острове среди Тихого океана, конечно, угнетала их. И еще мелькнула мысль — не захвачен ли этот остров уже японцами и вообще не принадлежит ли он им? Ведь трудно определить, куда циклон занес самолет...

Кинг первый нарушил молчание.

— Так как нам волей-неволей приходится ночевать здесь, я бы предложил сначала подкрепиться, а потом лечь спать. Я голоден, как волк, и думаю, что все вы тоже, в особенности же наши летчики, которым не удалось даже вздремнуть.

— О, да! — подтвердил Форс. — В таком полете не уснешь!

— Расположимся на земле. Это будет удобнее, чем в кабинах, и светлее, — предложил Смит.

Двое полезли с фонариком в кабины за дорожной провизией, а Форс и Смит с другим фонариком пошли осматривать побережье залива, чтобы найти удобное и сухое место. У самого подножия черных скал, на которые наткнулся самолет, но немного левее, где они отступали полукругом, нашлась сухая площадка, усыпанная белым песком. Сюда вода, очевидно, не попадала и при самом сильном приливе. Оба фонарика засунули ручками в трещины скал. Сбросили и расстелили верхние летние одежды. Из дорожных корзиночек появились бутылки, алюминиевые стаканы, термос еще с горячим кофе, сандвичи. Все пятеро уселись в кружок.

— Хотел бы я знать, — сказал Кинг, уплетая сандвич с ветчиной, — как называется остров, на который нас занес этот ужасный циклон.

— Благодаря этому острову мы спаслись от гибели, — прибавил Форс. — Второй мотор уже сдавал. И если бы самолету все-таки удалось сесть в открытом море, что при величине волн было весьма сомнительно, мы бы носились по ним в ожидании, что нас опрокинет и утопит какая-нибудь особенно большая волна при новом порыве ветра. Циклоны не затихают сразу.

— Но теперь нам еще интереснее знать, когда и как нам удастся покинуть этот остров, который спас нас, — вздохнул Смит.

— Это мы узнаем завтра, или, вернее, сегодня утром, потому что уже второй час ночи по западноамериканскому времени, — заявил Керри, взглянув на свои часы.

— Это полухронометр, — пояснил он. — Сегодня в полдень при помощи простого приспособления я определю местное время, а по показанию полухронометра мы узнаем, на какой долготе находится этот остров.

— Мой счетчик расстояния, даже если он цел, не может ответить на этот вопрос, — заявил Форс. — Мы слишком уклонились на юг, уносимые циклоном, а в момент поворота я не догадался взглянуть и узнать, как далеко мы пролетели от Сан-Франциско.

— Но одна долгота еще не покажет нам, где находится остров среди просторов Тихого океана. Нужно бы знать еще географическую широту, — заметил Кинг.

— И это не так трудно, конечно приблизительно, с помощью небольших приспособлений, — ответил Керри. — Мы займемся этим, пока наши летчики будут чинить моторы.

— А кроме того, не мешает обследовать остров, чтобы узнать, нет ли на нем японского отряда или наблюдательного поста, — прибавил Кинг. — Попасть к ним в плен было бы наихудшим завершением нашего приключения.

— Но прежде всего следует утром сообщить по радио в Фриско[1] об этом приключении и о неудаче доставки медикаментов в Пирл-Харбор, чтобы они могли отправить туда поскорее другой самолет, — сказал Смит.

— Я уже думал об этом, — заявил Форс, — как только мы сели. Но, к сожалению, я уже убедился, что наше радио пострадало при посадке и не действует.

— Еще одна неприятность! — воскликнул Смит. — Мы даже не можем сообщить, где находимся, и вызвать из Фриско самолет, если не удастся исправить моторы.

— Может быть, мне удастся починить радио, — вставил Элиас, — я ведь немного радист. Утром увидим, в чем дело.

— Не следует ли нам поочередно дежурить ночью? — заметил Керри. — Если на острове есть японцы, они могут найти самолет при ночном обходе берега и захватить нас спящими.

— Едва ли можно опасаться этого, — заявил Форс. — Залив, на который мы сели, с трех сторон ограничен высокими скалами, а с четвертой — рифами, и ночью пробраться сюда невозможно ни по суше, ни по воде.

Закончив ужин, пассажиры отправились спать на удобных креслах в своей кабине, а летчики расположились на песке у подножия скал. Ночь была совершенно теплая; равномерный шум бурунов на рифах в устье залива убаюкивал.

3. Заяц тоже бывает полезен!

Утомленные долгим перелетом, пассажиры и тем более летчики крепко спали; и первые лучи солнца, поднявшегося на горизонте, осветившие черные скалы вокруг залива и самолет на песчаном побережье, не разбудили их. Солнце сияло уже целый час,

[1] Американцы в разговоре называют так сокращенно Сан-Франциско. — *Прим. авт.*

когда открылся грузовой люк и из него высунулась голова мальчика с растрепанной шевелюрой.

Несколько минут эта голова, поворачиваясь вправо и влево, вверх и вниз, изучала обстановку. Широко открытые глаза и приоткрытый рот выдавали изумление. Потом за головой появилось тело. Обладатель его быстро спустился на песок, постоял немного, обошел поплавки, осмотрел нос самолета, помятый ударом о скалы, и, очевидно, пораженный всей обстановкой, довольно громко свистнул и воскликнул:

— Вот тебе и Пирл-Харбор!

В нескольких шагах от него у подножия скал поднялся Форс, разбуженный свистом и возгласом, посмотрел с изумлением на мальчика и сказал:

— Мистер Генри! Каким образом вы очутились здесь?

— Так же, как и вы, мистер Форс, на этом самолете! — ответил мальчик, подходя к пилоту. — Но скажите, пожалуйста, неужели это называется Пирл-Харбор?

— До Пирл-Харбора отсюда, вероятно, так же далеко, как и до Фриско! — сказал Форс, поднимаясь на ноги. — Но вы объясните мне, пожалуйста, Генри, где вы находились все это время? Я видел, как вы садились на грузовик, чтобы ехать домой. Ваш отец будет очень недоволен вашим присутствием!

— В последнюю минуту, когда вы все занялись разговором с человеком, сообщавшим о каком-то циклоне, — заявил Генри немного смущенно, — я забрался в грузовую кабину. Там был полный мрак, и я скоро заснул. Потом сильная качка разбудила меня, мне стало нехорошо, тошнило. Я долго лежал, преодолевая тошноту, а потом опять заснул и проснулся только что. А где отец и другие пассажиры?

— На своих местах в кабине.

— Где же мы находимся, если это не военная тайна?

— На каком-то острове Тихого океана. Мы попали в сильнейший циклон, и он унес нас далеко на юг, а самолет немного пострадал при посадке ночью.

Во время этого разговора проснулся и Элиас, поднялся, и, увидев мальчика, засмеялся:

— Еще одним жителем больше на необитаемом острове! Доброе утро, Генри. Я вчера видел, как вы забирались в грузовую кабину, но не захотел мешать предприимчивому юноше, который любит приключения. В ваши годы я сам был таким озорным, потому и сделался летчиком.

— Благодарю вас, мистер Элиас! Но я вижу, вы немного пострадали при ночной посадке, судя по бинтам на вашем лице.

— Это пустяки. Я еще счастливо отделался. Но пора за работу! — прибавил Элиас, вскакивая. — Нам нужно выяснить все поломки в самолете и починить моторы. А вы бы, Генри, пока поискали топлива и развели огонек, чтобы вскипятить воду для

чая. Но прежде нужно совершить утренний туалет, вода близко.

— К сожалению, из этой воды чая не сваришь, — буркнул Форс, доставая из саквояжа мыло, щетку и полотенце.

— А хорошо бы выкупаться! Вода, вероятно, теплая, а залив очень спокойный, и солнце уже изрядно греет, — заявил Элиас.

Все трое, подойдя к воде, быстро разделись и бросились в воду. [...]

— Проплывем до рифа! — предложил Форс.

Залив имел метров 50 в длину и немного меньше в ширину. С обеих сторон его окаймляли высокие черные скалы, понижавшиеся к его устью, довольно широкому, в котором уже чувствовался прибой.

Море еще не совсем успокоилось после циклона, и волны докатывались до рифа, который тянулся недалеко от устья залива, опрокидывались на него и разбегались струями с клочьями пены по чуть волновавшейся воде залива.

На обратном пути от рифа Форс захотел определить глубину залива и нырнул вниз головой, но скоро выплыл и закричал, отплевываясь:

— Совсем мелко, только пять-шесть ярдов до дна!

Но в нескольких метрах дальше он захотел повторить этот опыт и выплыл только через 20 секунд.

— Вот здесь почему-то гораздо глубже! В центре залива дно поднимается бугром!

Эти определения припомнились Генри значительно позже, после выяснения других особенностей острова.

Купальщики еще одевались, когда из кабины самолета один за другим вылезли проснувшиеся пассажиры. Кинг сразу заметил, что одевались не два, а три человека, и воскликнул:

— Вы уже кого-то нашли на острове! Узнали, как называется этот остров? Есть ли па нем японцы?

— К сожалению, это только заяц, мистер Кинг, — ответил Форс.

— Что значит заяц? Так зовут этого человека?

— Это бесплатный сверхкомплектный пассажир, прибывший с нами на самолете без разрешения военных властей.

В этот момент Генри спустил рубашку, скрывавшую его лицо, и Смит узнал своего сына.

— Генри! Что это значит, как ты решился? Что подумала Дженни, когда ты не вернулся домой?

— О, папа, мне так хотелось полететь с вами и увидеть Пирл-Харбор и вулканы Гавайских островов! А Дженни я послал с шофером грузовика записку, что полетел с вами, чтобы она не беспокоилась.

— А теперь ты видишь, что получилось? В Фриско, конечно, уже узнали, что самолет не прибыл в Пирл-Харбор, и предполагают аварию.

— Но, папа, в этом я уже не виноват!
— Теперь Дженни будет вдвойне беспокоиться.
— Но зато я с тобой и, может быть, буду чем-нибудь полезен.
— Какая самоуверенность у этого мальчика! — усмехнулся отец.

Хирург Смит был вдовец, его хозяйство вела старая родственница. Поэтому проделка сына его не очень рассердила. Он в сущности был даже рад видеть его возле себя, а не в Сан-Франциско, который со дня на день мог подвергнуться бомбардировке японского флота и авиации.

Кончая одеваться, Генри рассказал, где и как он провел ночь. Кинг уже набрасывал в блокноте утренние впечатления после ночной посадки самолета на неизвестном острове и, видимо, был доволен. Материал для первой корреспонденции собирался интересный.

Летчики, одевшись, направились к самолету, чтобы начать осмотр всех приборов, а пассажиры стали раздеваться для купания.

— Завтрак у нас, к сожалению, будет сухой, — заявил Керри. — Кофе в термосе мы ночью выпили, сварить чай на морской воде как будто нельзя, а другой воды нет.

— А вот Генри пусть докажет пользу своего присутствия, — предложил Кинг. — Пока мы купаемся, он осмотрит окрестности и, может быть, найдет источник пресной воды и топливо для костра.

При ярком свете солнца скалистое окаймление залива казалось не таким мрачным и неприступным, как ночью. Генри, захватив в кабине небольшой металлический кувшин, обошел подножие скал, тянувшихся метров на двадцать в обе стороны от самолета. Местами эти скалы обрывались отвесно, и взобраться по ним вверх было невозможно без лестницы или веревки. Но ближе к южному берегу залива, где от этой стены отделялась гряда скал, ограничивавшая залив с этой стороны, обрыв переходил в крутой склон с уступами, по которым можно было взобраться. На уступах росли кусты и пучки травы.

Генри быстро полез наверх и с изумлением увидел, что на высоте 15—20 м над уровнем моря обрыв переходил в довольно пологий склон, поросший кустами, а немного выше даже густым лесом. Углубиться в лес по тропинке, замеченной в одном месте, мальчик не решился, а пошел по окраине пологого склона над обрывом, с которой хорошо был виден весь залив и пляж с самолетом. Он заметил, что попадаются сухие кусты, годные на топливо, а пройдя немного дальше, за гряду скал, окаймлявших залив с севера, наткнулся на ручеек, выбегавший из чащи леса и падавший каскадами по уступам черных скал в море уже вне залива. Быстро набрав кувшин воды, Генри побежал обратно, собирая по пути топливо.

Когда он спустился на пляж, пассажиры только что расположились на той же песчаной площадке у подножия черных скал, на которой ужинали и раскладывали съестные припасы.

— Вот пресная вода, — заявил Генри, ставя кувшин на песок, — а вот для костра, — прибавил он, сбрасывая охапку сухих веток и сучьев.

— Молодой заяц доказывает свою полезность потерпевшим аварию путешественникам! — воскликнул Кинг.

— Но как же мы согреем эту воду для чая? — спросил Смит.

— Это нетрудно! Я сейчас все устрою! — воскликнул Генри.

У подножия скал он подобрал три одинаковых камня, поставил их треугольником на песке на расстоянии меньше диаметра дна кувшина друг от друга, наложил в промежуток между камнями сухих стеблей и веток, на камни поставил кувшин и сказал:

— Теперь прошу дать мне спички.

— Где вы научились этим приемам, Генри? — спросил Керри, протягивая мальчику спички.

— Во время школьных экскурсий в окрестностях Фриско, на которых нас знакомили с ботаникой, зоологией и геологией. Нам тогда показывали, как ставить палатки, разводить огонь, кипятить чай, — ответил Генри, разжигая костер.

— Если вас обучали геологии, вы, может быть, объясните нам, из чего состоят эти черные скалы, о которые ушибся наш самолет? — спросил Кинг.

— Это нетрудно, я осмотрел их уже, когда лазил наверх, и думаю, что это базальт, молодая вулканическая порода, очень распространенная вообще на островах Тихого океана. Она изливается также из вулканов Килауза и Мауналоа на Гавайских островах, которые мне так хочется увидеть. Мы видели только образцы этой лавы в школьной коллекции.

— Вулканическая порода? — удивился Смит. — Неужели и этот остров представляет вулкан?

— Да! Учитель нам рассказывал, что многие острова Тихого океана представляют собой действующие или потухшие вулканы, так что Гавайские не составляют исключения.

— И благодаря школьным экскурсиям мы получили в лице Генри начинающего геолога, — заявил Кинг. — Я также немного знаком с этой наукой, и это очень пригодилось мне во время моих путешествий по заданиям нашей газеты. Генри прав, я также полагаю, что скалы состоят из базальта и что эта гора на острове, на который мы так неудачно сели, является вулканом.

— Действующим или потухшим? — поинтересовался Керри.

— Это мы узнаем, осмотрев его подробнее.

— Возможно, что этот залив, на который сел наш самолет, судя по его форме и окружающим его скалам, образующим почти кольцо, представляет собой так называемый паразитический кратер у подножия главного вулкана, горы острова, — сказал

Генри. — Наш пилот во время купанья нырял и убедился, что посредине залива имеется неглубокое место — возвышение на его дне. Я думаю, что это — маленький конус, извергавший газы и лаву внутри кратера, превратившегося потом в морской залив.

— Это очень интересно, — заметил Керри. — Но хорошо, что этот конус не поднимается до самой поверхности воды. Иначе самолет при посадке мог наткнуться на этот конус и перевернуться!

— Вода закипает, — воскликнул Генри, — нужно заварить чай, если есть, а то придется пить просто горячую воду.

— Чай у меня всегда имеется в запасе на всякий случай, — заявил Кинг. — Только плиточный, который нужно наскоблить ножиком.

Порывшись в своем саквояже, Кинг достал плитку и протянул ее Генри.

4. Положение усложняется

Когда Генри наскоблил чай и заварил его в кувшине, подошли летчики, молча уселись и принялись за завтрак. Пассажиры, занятые едой, сначала не обратили внимания на их озабоченность, и только немного погодя Смит спросил:

— Ну как, сколько времени понадобится вам, чтобы починить моторы и заменить испорченные приборы?

— Дело гораздо хуже, мистер Смит, — ответил Форс. — С моторами мы бы скоро справились. Но при ударе о скалу очень пострадали летные приборы, которые мы починить не можем, а заменить их нечем.

— И без них улететь с острова, конечно, нельзя? — воскликнул Кинг.

— Вся доска с пилотажными приборами разбита, — отвечал Форс. — Указатели скорости, поворота и крена, вариометр, альтиметр, гирополукомпас, авиагоризонт попорчены довольно сильно. Лететь без них совершенно нельзя, а в запасе имеется не всё. Мы так торопились в этот срочный рейс по давно известной нам трассе, что не успели захватить полный комплект.

Несколько минут все молчали, пораженные этим неприятным сообщением пилота. Наконец Керри сказал:

— Придется сообщить по радио во Фриско, чтобы нам выслали эти приборы на самолете, который увезет нас и срочный груз в Пирл-Харбор, а вы почините, не торопясь, свою машину.

— А вы знаете, где мы находимся? — с усмешкой спросил Кинг.

— Совершенно верно! — воскликнул Смит. — Чтобы вызвать по радио помощь, мы ведь должны сообщить хотя бы приблизительно, где находится этот злополучный остров. Не могут же искать нас по всему простору южной половины Тихого океана!

— На определение нашего местонахождения понадобится не-

которое время, — заявил Керри, — хотя не так много, несколько часов.

— Как же вы сделаете это определение? — спросил Генри.

— Сегодня, если не помешают тучи, мы определим местное время, именно полдень, по длине тени, а по моему полухронометру, который показывает время Фриско, узнаем географическую долготу этого острова с достаточной точностью.

— А широту? — спросил Смит. — Одной долготы мало. Карта Тихого океана у наших летчиков, конечно, есть, но на одной и той же долготе могут находиться несколько островов.

— Широту попробуем определить по высоте солнца над горизонтом в полдень, — продолжал Керри. — Но так как мы, вероятно, находимся недалеко от экватора и солнце в полдень, наверное, близко к зениту, определение его высоты будет трудно и неточно. Придется подождать ночи, чтобы определить широту по высоте некоторых звезд. У меня с собой небольшой карманный секстант.

— Итак, придется ждать ночи и надеяться, что небо будет и ночью более или менее свободно от туч, — заметил Кинг.

— Следовательно, только завтра утром удастся сообщить в Фриско, где мы находимся, — сказал Смит. — Но действует ли радио самолета? Мы могли бы сообщить сначала хотя бы то, что мы живы и сели на какой-то остров.

— К несчастью, радиокомпас на приборной доске также пострадал и молчит, — заметил Элиас.

— Но для радио у нас имеются запасные части, — прибавил Форс, — и я надеюсь скоро восстановить связь с внешним миром.

— Да, это самое главное, единственная возможность вызвать себе помощь. Без радио мы будем сидеть на этом острове до тех пор, пока какой-нибудь из самолетов, высланных из Фриско и с Гавайских островов на поиски, не залетит случайно сюда, — заметил Керри.

— На что трудно рассчитывать, — прибавил Форс. — Циклон унес нас очень далеко на юг.

— А в Фриско скорее предполагают, что мы просто погибли в пути, пробиваясь сквозь циклон, — заметил Элиас.

Завтрак закончился в молчании. Каждый обдумывал последствия аварии применительно к своим личным делам и обязанностям. У Керри и Форса в Сан-Франциско остались жены и дети, у Элиаса — родители. Кинг оставил невесту. Кроме того, его особенно волновали его задачи как корреспондента. Нападение Японии на Пирл-Харбор, несомненно, было началом войны на всем Тихом океане, в которой Англия, а может быть, и Советский Союз должны будут принять участие. Голландия, владеющая крупными островами в Зондском архипелаге, также будет заинтересована в исходе военных действий, а Австралия, входящая в Британскую империю, конечно, не останется безучастной. На

очереди интереснейшие события, а видный корреспондент крупной газеты неожиданно бесследно исчез. Редакция, конечно, пошлет кого-нибудь другого, хотя Кинга заменить трудно. Он побывал уже в Японии, на Филиппинах, в Сингапуре и Гонконге, даже во Владивостоке, на Гавайских и других островах, знает малайский и русский языки, немного японский — и вынужден сидеть на каком-то ничтожном острове, не имея даже возможности дать знать о себе, сообщить, что случилось, и просить о помощи. Возмутительно! Не вовремя разыгрался этот проклятый циклон, словно в помощь японцам!

Спокойнее всех был Смит. Его сын оказался неожиданно при нем, а как хирург он бывал уже свидетелем, иногда даже невольным виновником стольких семейных или житейских драм, что привык относиться к событиям философски. Конечно, в Пирл-Харборе его ждала срочная работа — помощь пострадавшим морякам американского флота и горожанам. Там нужны были также перевязочные средства и медикаменты, которые вез самолет. Но в Сан-Франциско, конечно, уже известно, что их самолет не долетел, вероятно, погиб, и вслед за ним, наверное, уже снаряжались другие с таким же грузом и хирургами, и помощь в Пирл-Харбор придет лишь с небольшим опозданием.

Когда завтрак кончился, Смит сказал:

— Обсудим нашу программу на сегодняшний день.

— Мы оба займемся приборами, — заявил Форс. — Выясним повреждения, возможность починить одни, заменить другие, но, главное, восстановить радиосвязь.

— Я подготовлюсь к определению долготы, — сказал Керри. — Солнце поднялось уже довольно высоко, а наблюдения нужно начать за два, а лучше за три часа до полудня.

— Что для этого нужно? Я могу помочь вам, — предложил Кинг.

— Ровная площадка, прямая палка в два-три ярда длины, несколько деревянных колышков и кусок бечевки — все это мне нетрудно раздобыть самому. Лучше будет, если вы, Смит и Генри, подниметесь на вершину горы и осмотрите оттуда весь остров. Возможно, что на нем есть жители, даже радиостанция.

— Японская или наша, — подхватил Кинг. — Это было бы интересно!

— Об этом мы еще не подумали, занятые нашей аварией, — сказал Смит. — Конечно, очень важно выяснить, что представляет этот остров и нет ли на нем японцев. В последнем случае нужно, возможно, дольше скрывать от них наше присутствие, если только это не маленький наблюдательный пост, который мы сможем захватить силой или хитростью.

— Не мешает взять с собой оружие, — прибавил Керри. — Неизвестно, с кем вы встретитесь на горе. Если это будет японский солдат, — его нужно взять в плен или уничтожить.

— А кроме того, не мешает и поохотиться, — заметил Кинг.

— Немного провианта у нас есть, — заявил Форс, — но, конечно, только сухого, не считая консервов.

— А каким оружием мы располагаем? — спросил Смит. — У меня есть охотничья двустволка с патронами. Я немного охотник и надеялся в Пирл-Харборе поохотиться в свободное время на мелких птиц.

— У меня в багаже легкая винтовка морской пехоты, — заявил Керри.

— У меня — револьвер с сорока патронами, — сказал Кинг.

— Итак, разведочная партия будет достаточно вооружена и для охоты и на случай встречи с двуногими или четвероногими хищниками. План на ближайшие часы составлен, и мы можем приступить к его выполнению, — заключил Смит, вставая.

Керри полез в грузовой люк доставать свою винтовку, Смит вынул из пассажирской кабины свое ружье, Кинг, порывшись в саквояже, вытащил маленький револьвер, зарядил его и сунул в карман. Летчики занялись в своих кабинах демонтажем пострадавших инструментов. Генри наготовил из оставшихся от костра сухих веток и сучков несколько колышков, которые отдал Керри, получившему от летчиков бечевку и довольно длинную палку, которая нашлась в багажном отсеке.

5. Остров — и вулканический, и коралловый

Смит, Кинг и Генри, захватив оружие, отправились на разведку. Мальчик повел старших к тому месту, где он нашел удобный подъем на скалы, обрывавшиеся к заливу. Поднявшись, они вскоре нашли тропинку, углублявшуюся в лес, который покрывал восточный склон горы и состоял из деревьев, большей частью незнакомых путешественникам. Обращало на себя внимание обилие древовидных папоротников нескольких видов, достигавших высоты в несколько метров. Папоротники господствовали и среди кустов, образовавших густой подлесок. Из знакомых деревьев путешественники отметили бананы и кокосовые пальмы. Довольно много видно было миртовых и мимозовых деревьев. [...]

Тропинка, по которой они шли, была хорошо утоптана. Это обратило на себя внимание.

— Эта тропинка доказывает, что на острове теперь имеется или было еще недавно какое-то население, — сказал Кинг.

— Но ее могли проложить и какие-нибудь довольно крупные четвероногие животные вроде буйволов или диких лошадей! — возразил Смит.

— На уединенных островах Тихого океана крупные млекопитающие не водятся, — заявил Кинг, — за исключением тех, кото-

рые привез с собой для разведения человек. Флора и фауна на этих островах состоит из своеобразных форм. Из диких животных встречаются птицы, которые могут перелетать через просторы океана, и черепахи, живущие в море, но вылезающие также на сушу, и, конечно, различные насекомые, занесенные ветрами. Из растений встречаются только те, семена которых переносятся ветром или морскими течениями и выдерживают долгое пребывание в соленой воде, не теряя всхожести, или же те, которые заносят птицы. Человек на своих судах завез на острова, помимо своей воли, крыс, мышей и их паразитов, а также развел свиней, кроликов, собак, кошек, домашнюю птицу, лошадей, рогатый скот. Жители этих островов, — продолжал Кинг, — разводят свиней и разные огородные растения. Эти пришельцы, конечно, дополняют и частью даже вытесняют первобытную фауну и флору, которая в общем небогата семействами, родами и видами. И чем дальше отстоит остров от ближайшего материка, тем беднее его первобытная фауна и флора. Это обнаружил Дарвин сто лет тому назад во время своего кругосветного путешествия на корабле «Бигль». [...]

Поднимаясь по тропинке, разведчики действительно заметили только птиц нескольких видов, перелетавших с дерева на дерево; некоторые пели довольно мелодично, и Кинг заявил по этому поводу:

— Это пение доказывает, что мы находимся уже в южном полушарии, где декабрь — первый летний месяц, и птицы еще поют в период устройства гнезд и кладки яиц.

— Как вы обратили на это внимание! — воскликнул Смит. — Да еще сделали интересный для нас вывод. Я бы не подумал об этом.

— Хороший корреспондент должен быть внимателен ко всему и иметь хорошее образование, — ответил Кинг. — Ведь задача его жизни — узнавать все новое, что творится на земле, правильно объяснять все явления и факты и правильно описывать их, ничего не выдумывая и не преувеличивая.

— Так, конечно, должно бы быть, — заметил Смит. — Но, к сожалению, в нашей периодической печати это мудрое правило соблюдается далеко не всеми. Владельцы газет думают только о своем обогащении, заботятся прежде всего об увеличении тиража и наполняют столбцы информацией о всяких происшествиях, преступлениях, ссорах, модах, возбуждающих любопытство. Они освещают все события с определенной, полезной только для них точки зрения, прибегают к выдумкам, лжи и клевете — и это под покровом принципа «свободы печати», которым мы гордимся.

— Газета, в которой я работаю, — заявил Кинг, — не принадлежит к этой категории, хотя в своих высказываниях по политике иногда также пристрастна.

В одном месте за крутым поворотом тропы путники увидели черное четвероногое, по росту и форме похожее на крупную свинью, животное; заметив людей, оно быстро скрылось в чаще.

— Одичавшая свинья! — воскликнул Кинг. — Нужно приготовить винтовку на случай подобной встречи. Полинезийцы часто предпочитают не заботиться о корме для своих свиней, предоставляют им полную свободу и, когда нужно, охотятся на них.

Тропа привела, наконец, к вершине горы, где лес настолько поредел, что можно было осмотреться. Полукольцом среди деревьев и кустов тянулся гребень из темно-бурых камней, выдававшихся из травы. Он ограничивал с запада плоскую, заросшую травой впадину, в центре которой блестело маленькое озерко, не больше 15—20 м в диаметре.

— Вот и кратер этого вулкана, очевидно, давно уже не действовавшего, — воскликнул Кинг. — Последний поток лавы излился из него на восток и покрыл склон, по которому мы поднимались.

— А порода, кажется, такая же, как в черных скалах вокруг залива, — заметил Генри, поднявший обломок бурого камня, — но только сильно выветрелая.

Из кратера поднялись на гребень, продираясь через кусты. Но высокие деревья, росшие ниже по склону, заслоняли вид вдаль, и только кое-где между их кронами блестели участки моря.

— Необходимо влезть на дерево, чтобы увидеть сверху остальную часть острова, — сказал Смит. — Генри, ты можешь добраться до вершины? В твои годы я любил этим заниматься.

Генри осмотрел ряд деревьев, укрепившихся в промежутках между выветрелыми глыбами базальта, покрытыми лишаями. Он выбрал одно, раскинувшее ветви невысоко над землей и не слишком густо обвитое лианами, которые мешают карабкаться с ветки на ветку.

— Возьми мой бинокль, — посоветовал Смит. — Если остров большой, бинокль поможет рассмотреть даль.

Навесив на плечо бинокль, Генри быстро вскарабкался на вершину. При виде того, как проворно мальчик перебирался по ветвям, Кинг сказал, смеясь:

— Вот заяц опять помогает нам!

А «заяц» уже кричал с вершины, глядя на запад:

— Остров небольшой. Гора полого спускается на запад и с этой стороны тоже покрыта лесом. За лесом внизу видна ровная площадь с низкой зеленью, скорее какой-то огород, а не луг. А еще дальше — большой залив моря, и вокруг — узкое белое кольцо суши, на котором растут пальмы.

— Неужели коралловый атолл? — воскликнул Смит.

— В Тихом океане таких атоллов очень много, — пояснил Кинг. — И очень жаль, что наши летчики не разглядели эту часть острова ночью, ведь она почти рядом, только с другой сто-

роны горы. В этот залив самолет сел бы совершенно спокойно, и мы могли бы сегодня, после починки моторов, улететь в Пирл-Харбор.

— Не видно ли жилищ или людей, Генри? — крикнул Смит.

— По зеленой площадке бродит черный человек, почти голый, и выдергивает какие-то растения. Но хижин или домов не видно, — сообщил Генри, смотревший в бинокль.

— Очевидно, на острове живут полинезийцы. Хижины их всегда строятся в лесу, в тени деревьев, защищающих от жгучего солнца, — заявил Кинг.

— Хорошо, что нет японцев, но плохо, что нет белых людей и радиостанции, — сказал Смит. — Не видно ли еще чего-нибудь, нет ли других островов по соседству? — крикнул он сыну.

— В заливе у берега стоят длинные пустые лодки. В одном месте возле пальм бегают голые дети и собаки. Больше ничего примечательного не видно. Я осмотрел и горизонт, и море — других островов в этой стороне нигде нет.

Спустившись с дерева, Генри сказал:

— Этот остров — коралловый атолл, папа! Я вспомнил, что учитель географии рассказывал про коралловые острова Тихого океана. Они состоят из узкой полосы суши, окружающей участок моря, круглый или овальный, называемый лагуной. На этой полосе растут кокосовые пальмы. Учитель показывал нам фотографии разных атоллов.

— Верно, верно, — подтвердил Кинг. — Я бывал на таких островах. Генри понял, в чем дело.

— И учитель подробно объяснил нам, как образовались эти странные острова. Их видел и дал теорию их происхождения англичанин Дарвин, а дополнил ее наш ученый Дэвис. Дело вот в чем...

— Вечером расскажешь нам всем, в чем дело, — прервал мальчика Смит. — Нам пора вернуться к самолету. Может быть, жители острова обнаружили его, и нашим друзьям нужна помощь: ведь все оружие мы унесли.

— Правильно! — подтвердил Кинг. — Хотя полинезийцы вообще мирный народ, но никто из наших друзей не знает их языка, и возможен какой-нибудь конфликт.

Путешественники по той же тропинке пошли назад. Кинг попросил пустить его вперед и шел осторожно, приготовив винтовку, чтобы не прозевать дикую свинью, если она попадется. Действительно, вскоре он заметил парочку этих черных животных и успел выстрелить прежде, чем они скрылись в чаще.

Одна из них, крупный годовалый поросенок, пала жертвой. Когда подошли Смит и Генри, Кинг передал им винтовку и взвалил добычу себе на плечо.

— Обед и ужин нам обеспечены благодаря вашей зоркости, — заметил Смит.

К самолету спустились без каких-либо приключений; Генри заметил только нескольких кроликов, перебежавших через тропинку в нескольких шагах от него.

— Вот и запасы на будущее, — воскликнул он.

На ровной площадке пляжа Керри уже начал наблюдения. Он вычертил на песке несколько концентрических кругов посредством бечевки и двух колышков, один из которых служил центром, а другой заменял ножку циркуля с карандашом. В центре этих кругов в песок была вертикально воткнута длинная палка. Ее тень при перемещении солнца по небу передвигалась, сокращаясь по мере приближения полудня, и Керри отмечал колышком место конца тени, когда она приходилась на одном из кругов. Внимательно следя за тенью, Керри заметил, что она стала опять немного длиннее, чем была за несколько минут перед тем. Следовательно, полдень миновал. Он тотчас взглянул на свой полухронометр и сказал:

— Во Фриско теперь три часа пополудни, а здесь только что был полдень. На сколько градусов долготы этот остров лежит к западу от Фриско, скажите, Генри?

Последний с интересом следил за работой капитана, но при этом вопросе смутился и промолчал.

— Неужели в вашей школе на уроках географии вам не сказали, что солнце каждые четыре минуты подвигается по небу на один градус?

— Вероятно, говорили, но я забыл, — ответил Генри.

— За один час это составит 15°, а за три часа — 45°. Следовательно, мы находимся на 45° к западу от Фриско. На карте мы потом посмотрим, как называется остров, расположенный на этом градусе долготы.

Прочертив от палки, стоявшей в центре кругов, прямую линию к колышку, обозначившему конец самой короткой тени, Керри спросил Генри:

— А на каком полушарии мы находимся — на северном или южном? Постарайтесь сообразить.

Генри подумал и ответил:

— В северном полушарии мы видим солнце в полдень на южной половине неба, а в южном оно, конечно, должно быть на севере.

— Верно, но как определить, где север, где юг, когда мы не знаем, где находимся?

— Для этого нужно иметь компас.

— Вот тебе компас, — сказал Керри, передавая мальчику карманный компас.

Генри подержал его в руке, глядя то на стрелку, то на солнце, и сказал, наконец:

— Очень трудно решить — солнце почти прямо над головой, а север вот там — он показал на самолет.

— Что же показывает это положенпе солнца?

Генри пожал плечами и промолчал.

— Какой месяц сейчас идет?

— Декабрь, восьмое число.

— Это летний месяц или зимний?

— Конечно зимний. 23 декабря — самый короткий день в году.

— В северном полушарии, а в южном это — самый длинный день и месяц декабрь — первый летний. Вспомни, высоко ли было солнце во Фриско, когда мы вчера вылетали.

— Невысоко, как всегда зимой.

— А здесь оно почти в зените. Что это значит?

— Я думаю, это значит, что мы в южном полушарии, где декабрь — летний месяц.

— И прибавь, что мы должны быть недалеко от экватора, потому что если бы мы были под 40 или 50° широты, солнце не могло бы стоять так высоко.

— А знаете, Кинг уже сказал нам во время прогулки, что мы находимся в южном полушарии. Он определил это по пению птиц — они еще поют, значит, лето только что началось. У нас в декабре птицы не поют.

Во время этого разговора подошли Смит и Кинг, последний спросил:

— Сколько градусов долготы вы определили от Фриско?

— Мистер Керри определил, что остров отстоит на 45° к западу, — сказал Генри.

— Но широта нам еще неизвестна, — прибавил Керри, — приходится подождать до ночи.

— Генри, сбегай к летчикам, они работают в кабине, — сказал Смит, — попроси у них карту Тихого океана.

Генри сбегал, но принес не карту, а книжку и заявил:

— У Форса есть подробная карта только северной половины океана, а в этом справочнике имеется и южная, но очень маленькая, и на ней не все острова найдутся.

Смит нашел карту, отмерил 45° долготы от Сан-Франциско и сказал:

— На этой долготе к югу от экватора показано несколько островов в разных местах, и сказать, на котором мы находимся, нельзя. Подождем определения широты.

— И часть островов на этой карте не имеет названий, — прибавил Керри, — они слишком мелкие.

— Но пора позаботиться о завтраке, — вспомнил Кинг. — Вы разрешите, мистер Смит, командировать Генри за водой и топливом, ведь он уже знает, где их добыть. А я пока займусь подготовкой нашей дичи к столу.

6. Открытие Генри

Керри вернулся к своим солнечным часам, чтобы продолжать наблюдения, уточнить положение полуденной линии и определить склонение магнитной стрелки, которое пилоту необходимо знать, чтобы правильно ориентироваться при полете. Генри, захватив кувшин и кусок веревки, полез на гору. Кинг притащил тушу свиньи к берегу моря, чтобы при помощи Смита выпотрошить и вымыть ее. Хирург при этом научил корреспондента правильным приемам расчленения туши, отделения съедобных частей и удаления внутренностей. Свинья, будучи жительницей тропического климата, почти не имела щетины, так что небольшого огонька из остатков топлива оказалось достаточно, чтобы опалить шерсть. Занятые этой работой, мясники не заметили, что Генри в этот раз отсутствовал значительно дольше, чем утром.

Наконец он вернулся, разжег огонь, поставил на него кувшин, подошел к отцу и сказал:

— Я только что сделал интересное открытие, папа. Я прошел за ручеек, который нашел утром, по пологому склону горы, обращенному уже не к заливу, а прямо к морю, на север. Там, прямо над обрывом скал к пляжу, заливаемому прибоем, я увидел площадку, ограниченную со стороны горы желтоватой стеной с большими нишами и пещерами. Эта стена состоит из беловатого камня, кусок которого я принес. Он весь переполнен обломками кораллов.

Смит и Кинг только что кончили работу и вымыли руки. Осмотрев камень, Кинг пожал плечами, а Смит сказал:

— Это, очевидно, полипняк, известковое сооружение кораллов. В этих маленьких порах, пронизывающих камень, помещались мягкие тела полипов — этих крошечных существ, которые, многими поколениями, сменяя друг друга, постепенно соорудили огромные рифы вокруг островов Тихого океана. Но почему же риф, который ты видел, оказался на суше, а не в море?

— Он находится на высоте не меньше 25—30 м над уровнем моря, — пояснил Генри. — Но он мертвый и легко ломается на кусочки. А это значит, что наш остров не так давно поднялся из моря, риф очутился на суше, и полипы вымерли. Но ведь Дарвин писал, что образование рифов вокруг островов и постепенный рост их обусловлены опусканием островов...

— Вообще да, — пояснил Кинг, — но, насколько я помню, известны острова с рифами, оказавшимися на суше и, конечно мертвыми. Я, кажется, уже видел такой риф на одном из малайских островов.

— Совершенно верно! — воскликнул Генри. — Я вспомнил теперь, что в этом и состоит поправка Дэвиса к теории Дарвина. Дэвис указал, что не все острова Тихого океана, окруженные коралловыми рифами, опускаются; что некоторые из них прежде

опускались, а потом поднялись, живые рифы очутились на суше и, конечно, вымерли!

— Хотя тема о коралловых островах очень интересна, — прервал его Смит, — но пора позаботиться о завтраке, мы все голодны.

— Конечно, — прибавил Кинг, — но как мы приготовим свинину? Варить ее долго, а котла или кастрюли нет, сковороды тоже. Разве прибегнуть к методу кавказских горцев, которые жарят баранину маленькими кусочками, нанизанными на прутья, над огнем и называют это кушанье очень смешно — шаш-лык?

— Индейцы в Канаде также жарят свежую рыбу на прутике, распластав ее, — заметил Керри, закончивший свои наблюдения и подошедший к ним. — Способ обходиться без всякой посуды для приготовления пищи один и тот же у столь отдаленных друг от друга народов и, очевидно, применялся уже первобытным человеком.

— Последуем примеру горцев Кавказа, — сказал Смит. — Генри раздобудет нам прутики, а пока мы нарежем мясо.

Генри быстро нашел несколько прямых прутиков в куче принесенного им топлива, Смит и Кинг нарезали мясо и начали нанизывать его на прутики.

— А есть ли у нас соль? — вспомнил Кинг. — Без соли шашлык не понравится.

Соли в багаже путешественников не нашлось. В их запасах оказалось только несколько сандвичей с сыром, пирожков с вареньем, пара булок и полбутылки коньяка. Они ведь не рассчитывали на посадку на диком острове. Чтобы сдобрить свинину, Кинг предложил подержать прутики с мясом несколько минут в морской воде, прежде чем жарить их.

— Хотя морская вода не только соленая, но и горькая, — заявил он, — но другого выхода нет.

Так и сделали. Пока мясо мокло в море, кувшин с чаем вскипел, огонь прогорел и костер превратился в кучу углей, над которыми на камнях разложили прутики. Все четверо уселись вокруг и следили, чтобы вовремя поворачивать прутики и не дать мясу пригореть.

— Я определил магнитное склонение, — сообщил Керри.

— А как вы сделали это? — поинтересовался Генри. — Научите!

— Я прочертил на песке полуденную линию, т. е. линию тени моей палки в полдень, которую я перед тем проверил, разделив пополам углы; приложил к этой линии свой компас так, чтобы его черта «север-юг» совпадала с полуденной, и отсчитал, на сколько градусов стрелка компаса отклонилась от этой черты и в которую сторону — к западу или к востоку.

— Какие же углы вы делили? — спросил Кинг.

— На каждом круге, который я начертил на песке, у меня были намечены колышками две точки, которые показывали, где находился конец тени от палки за какое-то время до полудня и через столько же времени после полудня. Соединив эти точки линиями с центром кругов, мы получим угол, который полуденная линия должна делить пополам. Уловить точно конец тени ровно в полдень, не имея часов, показывающих местное время, трудно, а деление нескольких углов позволяет нанести полуденную линию достаточно точно.

— Но разве можно проделать все это точно на песке? — спросил Генри.

— Мы можем повторить ту же операцию завтра другим способом, если будем еще здесь, — продолжал Керри. — Возьмем один из наших плоских чемоданов, положим его горизонтально, на него лист бумаги с нарисованными циркулем концентрическими кругами. В центре их воткнем длинную иглу или прямой кусок проволоки и будем следить за перемещением ее тени, отмечая положения ее конца на кругах крестиками. Потом соединим эти точки с центром и получим углы, разделить которые точно пополам можно циркулем, и проведем полуденную линию. Маленькая готовальня у меня есть, а Генри должен уже знать геометрию и проделать всю операцию точно. Нужно только следить, чтобы чемодан или бумага не нем не были сдвинуты во время работы.

Мясо на палочках поджарилось. Позвали летчиков, которые пришли красные, утирая пот.

— В кабинах страшно жарко! — заявил Форс — Солнце накалило металл. Нам нужно немного освежиться.

Они побежали к берегу моря, где помылись и разложили свои рубашки на песке для просушки.

— Что вы сделали за это утро? — спросил Смит, когда они вернулись.

— Элиас починил один мотор и разобрал второй, который оказался в плохом состоянии; придется менять в нем свечи. Я пересмотрел все инструменты и починил радиокомпас. Установив здесь простую антенну, мы скоро сможем принимать передачи и узнаем новости дня. Но передатчик сильно поврежден и сообщить во Фриско о своем положении мы еще не сможем.

— Это крайне неприятно! — воскликнул Смит. — Очевидно, нет надежды вскоре покинуть этот остров!

— И как это ни грустно, но нам нужно подготовиться к довольно долгому пребыванию в положении робинзонов и обдумать необходимые меры! — заявил Керри.

— Верно! Обсудим все по порядку, — предложил Кинг. — Во-первых, жилище. Кабины самолета очень удобны для защиты в случае нападения. Но в них очень жарко, они накаляются днем и едва ли остывают раньше полуночи.

— Кроме того, в случае хорошего шторма, что не редкость на островах Тихого океана между тропиками, — заявил Форс, — наш самолет очень легко может перевернуться.

— Можно построить хижину на этой площадке под защитой утесов, — предложил Генри.

— При шторме с востока всю эту площадку во время прилива должны заливать волны, судя по отсутствию на ней всякой растительности, — заметил Керри.

— Ну, тогда придется построить хижину в лесу, — продолжал Генри, — или, еще лучше, поселиться в нишах и пещерах мертвого рифа, который я сегодня открыл.

— Вот наш заяц опять пригодился! — усмехнулся Кинг. — Конечно, нужно осмотреть этот риф и потом решить вопрос о жилье.

— Принимая при этом во внимание, главным образом, защиту от жары и дождей, которые в этой зоне бывают проливные, а также от штормов, тогда как нападение на нас весьма сомнительно, — добавил Керри.

— Второй вопрос — продовольствие! — продолжал Кинг. Он, как много путешествовавший, был опытнее всех остальных, не исключая и летчиков, которые в воздухе ориентировались лучше, чем на земле.

— С продовольствием дело неважно, — сказал Смит.— С собой у нас почти ничего нет, а в грузе самолета, назначенном для Пирл-Харбора, найдется спирт, вино, сухой бульон, вероятно, белые сухари, не считая лекарств и перевязочных средств.

— Это кое-что, но немного! — заметил Керри. — Нам придется войти в сношения с жителями острова. У них наверно есть овощи, может быть, домашняя птица, яйца.

— А охота! — воскликнул Генри. — Ведь мы сегодня уже добыли дичь.

— Для охоты, кроме ружей, нужны патроны или запас пороха, пуль и дроби, — заявил Смит. — А у меня патронов немного, я не рассчитывал на долгое пребывание в Пирл-Харборе и на свободное время.

— При моей винтовке патронов десятка два-три, не больше, — сказал Керри.

— А для моего револьвера еще меньше, — заметил Кинг. — Итак, охота будет выручать нас только некоторое время, и придется очень экономить патроны, стрелять только наверняка.

— Можно сделать также лук и стрелы, — предложил Генри, — а для кроликов ставить ловушки.

— Пожалуй, легче смастерить удочки и ловить рыбу, — заявил Форс. — Кроме того, в море водятся большие черепахи и иногда вылезают на берег.

— Но без знакомства с населением нельзя будет обойтись, — продолжал Кинг. — Одно мясо или рыба не удовлетворят нас,

мы привыкли к хлебу и овощам. Есть ли у нас какие-нибудь предметы, соблазнительные для полинезийцев, чтобы менять их на овощи, муку, кокосовые орехи? Доллары едва ли им нужны.

— Среди перевязочных средств много марли; полотняные бинты и вата едва ли соблазнят их. [...]

— Не пригодятся ли осколки стекла, стрелки и циферблаты разбитых приборов? — предложил Элиас. — В ожерельях туземцев на Гавайских островах я видел подобные предметы в качестве очень ценных редкостей.

— Словом, кое-что для обмена найдется, — констатировал Кинг. — Третий вопрос — пресная вода. Ее Генри уже нашел.

— Недалеко от поднятого рифа. Порядочный ручей.

— Четвертый вопрос — топливо. Оно в изобилии и близко.

— Пятый вопрос — соль. Ее отсутствие мы уже испытали. Морская вода мало заменила соль в нашем шашлыке, а прибавила некоторую горечь. Найти соль у полинезийцев едва ли удастся, они обходятся без нее.

— Среди медикаментов, вероятно, найдется банка чистой поваренной соли. Но ее хватит не надолго, — заявил Смит.

— И придется организовать добычу соли из морской воды, — что не так просто при отсутствии у нас посуды вроде котлов и ванн для испарения воды, — заключил Кинг. — В общем, наши перспективы довольно удовлетворительны. Нужно сегодня же решить вопрос о жилище, потому что шторм и ливень не заставят себя ждать.

Во время этого разговора завтрак был окончен. Летчики вернулись к своей работе в самолете. Остальные собрались пойти смотреть пещеры на поднятом рифе, но Смит, заметив оставшиеся куски свинины, лежавшие на камне возле места завтрака, воскликнул:

— Мясо так оставить нельзя, оно в такую жару быстро испортится, а кроме того, какая-нибудь хищная птица заметит его и унесет.

— Рано утром над заливом летали крупные чайки, — вспомнил Генри. — Но куда же спрятать мясо или что делать с ним? Соли у нас ведь нет, чтобы его засолить.

— Лучше всего развести огонек возле скал, а мясо развесить над ним, — предложил Кинг. — Оно будет понемногу коптиться, а птицы в дыму его не тронут.

— Но тогда кто-нибудь должен остаться здесь, чтобы поддерживать огонь, — сказал Смит.

— Попросим летчиков делать это время от времени и подбрасывать зеленые ветки в огонь, чтобы было больше дыма.

Так и сделали. Затем отправились осматривать поднятый риф, открытый Генри.

7. Убежище в скалах

Поднявшись на склон горы над скалами, Генри повел спутников вдоль обрыва на север, показал открытый им ручей, за которым склон горы спускался уже прямо к морю. Подойти к воде здесь было невозможно, склон обрывался к морю почти отвесными скалами, подножие которых омывал прибой. Тропа шла по пологому склону выше этих скал среди редкого леса и кустарника и вскоре привела к мертвому рифу, представлявшему собой желтоватую стену в 2—3 м высоты, местами уже поросшую кустами и даже отдельными деревьями. Этот риф тянулся на запад довольно далеко.

Осмотр его показал, что в отдаленное время, когда остров начал подниматься и риф выдвинулся из-под воды, прибой начал его разрушать. Волны выбили в рифе продольный желоб с выдававшимся над ним карнизом, а местами вымыли неглубокие пещеры.

— Вот здесь как будто можно поселиться, — сказал Генри.

— Пожалуй, место подходящее, — заметил Смит. — Пещеры в тени и открыты на север, лес не густой, топливо под руками.

— И вода также, — добавил Кинг. — Но все пещеры небольшие, каждая вместит только одного человека, во всяком случае не более двух. Придется нам разделиться.

Осмотрев весь риф, остановились на группе из пяти пещер, расположенных почти рядом; две из них даже сообщались в глубине друг с другом отверстием в разделявшей их стенке, которое нетрудно было расширить. Здесь решили устроить спальню, в одной пещере поместить Смита с сыном, в другой Керри и Кинга. В нескольких шагах дальше была пещера для летчиков, а почти рядом — другая, побольше, которая могла служить складом для разных запасов, снятых с самолета. Менее ценные вещи можно было поместить еще в одной пещере по соседству. Дно пещер было усыпано пометом диких свиней, вероятно, укрывавшихся здесь от ливней. Входы можно было загородить глыбами камня, лежавшими кое-где у подножия стены рифа, представлявшего собой площадку с почвой из кораллового песка, поросшего редкой травой и мелкими кустами.

С этой площадки открывался вид на северную половину горизонта, занятую только морем, уже успокоившимся после циклона. Путешественники долго всматривались вдаль, в надежде увидеть еще остров, но и при помощи бинокля не обнаружили ничего.

— Западный горизонт Генри осмотрел утром с вершины дерева, — сказал Кинг, — и также не видел нигде другой суши. Остаются еще юг и восток, которые нужно осмотреть завтра.

На обратном пути набрали в ручье воды в кувшин и опустевший большой термос, взятые с собой, и собрали две охапки

топлива. Солнце было уже близко к горизонту, и на площадку у самолета легла густая тень горы. Летчики закончили свою работу, успели уже выкупаться и сидели возле огонька, от которого поднимался столб густого дыма, окутывавший окорока и голову свиньи, подвешенные к скале.

Один окорок сняли, огонь раздули, поставили кувшин для чая, нарезали кусочками мясо и нанизали на прутики. Кинг принес из кабины свой саквояж и, порывшись в нем, воскликнул:

— А вот и соль! Мой милый слуга догадался положить на всякий случай не только соль, но и красный перец и даже мешочек сахарного песку!

И Кинг с торжеством показал всем мешочек сахару и две стеклянные баночки с перцем и солью.

— Соли, конечно, немного, но на несколько дней хватит при умеренном потреблении, конечно, не для варки супа, — заявил он.

— Который все равно варить не в чем, разве в том же кувшине, что и чай, — прибавил Форс, смеясь.

— Со временем мы смастерим и посуду для супа, — сказал Элиас, — если убедимся, что придется долго жить робинзонами.

Кусочки мяса посолили, поперчили и, когда вода в кувшине вскипела, палочки с шашлыком положили на угли прогоревшего костра. За это время сумерки, всегда очень короткие под тропиками, где солнце вертикально уходит за горизонт, сменились темной ночью. На небе засверкали звезды, и созвездие Южного Креста подтвердило путешественникам, что они действительно находятся к югу от экватора. Было совершенно тихо, и даже прибой на рифе в устье залива давал знать о себе только легкими всплесками. В темноте делать было нечего, и, закончив ужин и чай, все сидели вблизи угасающего костра.

— Вопрос о хлебе насущном скоро станет у нас на очередь! — заявил Кинг. — Сегодня мы прикончили все продовольствие, взятое на дорогу в Пирл-Харбор. Наличие белых сухарей в санитарном грузе сомнительно, и во всяком случае их там немного. Следовательно, нам придется вскоре вступить в сношения с обитателями этого острова. Правда, полинезийцы не сеют никаких хлебных злаков и довольствуются корнями ямса, которые заменяют им хлеб.

— Я еще не сказал вам, — доложил Форс, — что мы сегодня проверили наш запас горючего. Порча аэронавигационных приборов так заняла наше внимание, что мы совсем упустили из виду этот не менее важный вопрос.

— Без горючего и при полной исправности самолета улететь отсюда невозможно, — добавил Элиас.

— Запасного горючего было взято из Фриско немного, — продолжал Форс. — Мы рассчитывали для обратного рейса получить его в Пирл-Харборе и предпочли вместо него погрузить больше

перевязочных средств и медикаментов. Полет с попутным ветром циклона позволил нам расходовать меньше горючего. В общем оказалось, что у нас осталось горючего для полета не более, чем на 500 км, а масла и того меньше.

— И долететь отсюда до Гавайских островов даже после починки моторов и приборов никак нельзя, принимая во внимание положение острова к югу от экватора, — заключил Смит.

— Очень важно все-таки определить широту, — заявил Керри. — Может быть, мы недалеко от экватора.

— Наиболее вероятно, что нам придется полететь на какой-нибудь ближайший остров, принадлежащий Соединенным Штатам, — прибавил Элиас, — чтобы пополнить запас горючего.

— Я сейчас займусь определением широты, — заявил Керри, — прежде чем появились тучи.

Он достал из своего ручного чемодана небольшой секстант и направился к скалам, окаймлявшим площадку с юга. Осветив их карманным фонариком, он выбрал удобное место, где можно было поставить секстант на ровной поверхности камня и рядом присесть самому. Поставив и выверив положение секстанта и отметив время по часам, Керри начал наблюдения над одной из звезд Южного Креста.

Остальные продолжали беседу у огонька.

— Завтра займемся разгрузкой самолета, вскроем санитарный груз и перенесем его в пещеры, — сказал Смит.

— Да, это нужно сделать, пока держится хорошая погода, — подтвердил Форс. — В грузовых кабинах, может быть, найдется длинный кусок проволоки для антенны и трос для укрепления самолета на случай шторма.

— А если трос не найдется?

— Придется сделать деревянные подпорки, иначе порыв ветра может перевернуть самолет. А при шторме с востока уровень воды в заливе сильно поднимется, самолет всплывет, и его может разбить о скалы.

— Мы сели сравнительно удачно в заливе, потому что циклон уже затихал, — прибавил Керри.

— А как отражается в заливе суточный прилив?

— Уровень воды в 11 часов утра поднялся на один метр, — ответил Форс, — и вода немного не дошла до площадки, на которой мистер Керри вел свои наблюдения. Следующий прилив будет около 11 часов ночи.

Время шло. Из-за скал на юге залива поднялась луна на ущербе. Немного погодя, закончив наблюдения, подошел Керри и заявил:

— Я определил высоту двух звезд, а завтра при помощи астрономического альманаха сделаю вычисления.

— Можно спросить вас, как определяют широту места, наблюдая высоту звезд, и что такое секстант? — спросил Генри.

— Секстант состоит из штатива и подзорной трубы, вращающейся на горизонтальной оси. На штативе прикреплен полукруг с градусными делениями в вертикальной плоскости. К трубе прикреплена пластина, которая составляет радиус полукруга и перемещается по последнему при вращении трубы. На нижней части полукруга имеется нониус, позволяющий определять части градуса с точностью до пяти минут. На дорожном секстанте большей точности получить нельзя.

Я ставлю секстант горизонтально и направляю его трубу на ту звезду, высоту которой хочу определить. В окуляре трубы натянуты крест-накрест две тонкие нити. Немного поднимая или опуская трубу, я могу уловить момент, когда звезда окажется на их пересечении. Я замечаю время по часам и потом отсчитываю угол наклона трубы по делениям на полукруге и нониусе. Через 10—15 минут я вторично наблюдаю тем же способом ту же звезду, которая за это время немного переместилась по небу, опять определяю время и угол наклона, т. е. высоту звезды над горизонтом. Делаю то же и в третий раз, чтобы не было ошибки и чтобы взять среднее из трех наблюдений.

Затем я навожу трубу на другую хорошо заметную звезду и также определяю три раза ее высоту. Этим можно ограничиться. Небольшое вычисление и справка в альманахе, где указана высота многих наиболее заметных звезд для разных дней года и разных географических широт, позволит мне получить широту места наблюдения с точностью до пяти минут, которую допускает складной секстант. И завтра мы узнаем по карте Тихого океана, на каком острове мы очутились.

— И на какой остров, принадлежащий нам или нашим союзникам, мы сможем перелететь при нашем запасе горючего, — прибавил Смит.

— Если удастся исправить самые необходимые приборы, — заявил Форс.

— И если этот остров еще не захвачен японцами, — дополнил Кинг.

— Эти два «если» уменьшают наши шансы на освобождение, — заметил Смит, — но будем надеяться на лучшее!

8. Ночные гости

Ночь была тихая и теплая, и все решили спать на площадке, так как кабины самолета были еще накалены, как хорошая духовая печь. Расположились рядом на песке у подножия скал, разложив только одеяла. Нападения нечего было бояться. Полинезийцам, обитавшим возле лагуны, не было надобности пробираться ночью через гору к заливу, а хищных зверей на острове не было. Могла забрести собака, но окорока свинины висели высоко на

скале над спящими. Поэтому путешественники рассчитывали на полный покой и крепкий сон на свежем воздухе. Но они немного ошиблись.

Вскоре после того, как все улеглись и затихли обычные разговоры перед сном, над площадкой пляжа появилась крупная птица, пролетела несколько раз взад и вперед и уселась в одном из люков самолета, которые были раскрыты, чтобы проветрить кабины, накалившиеся за день. Птица немного посидела спокойно, но затем испустила громкий и протяжный крик «У-гу-у-гу».

Кинг и Форс, спавшие чутко, проснулись и стали прислушиваться. Тот же крик повторился; казалось, что он раздается над самой головой, так как птица сидела очень близко.

— Что это? — спросил Форс. — Может быть, это какой-нибудь полинезиец наткнулся на самолет и зовет других?

Кинг не успел ответить, когда крик повторился опять, громче и протяжнее, и вслед за ним послышалось тяжелое хлопанье крыльев.

— Это, очевидно, ночная птица, — сказал Кинг, — вероятно, филин.

— А он не нападет на нас? Не попробует стащить мясо?

Как будто в ответ на этот вопрос над головами спящих пронеслось что-то большое, закрывшее на мгновение звезды, а возле самолета послышалось сильное хлопанье крыльев, какая-то возня и шипение.

— Ну, этак нам не дадут спать! — воскликнул Кинг, вскочил и, вытащив из-под подушки карманный фонарик, зажег его и направил свет в сторону самолета.

В одном из раскрытых люков сидели рядышком две крупные серые ушастые птицы, которые затихли, закрыв глаза, как только на них упал свет. Кинг расхохотался. Проснулись остальные.

— Что такое, в чем дело? — спросил Смит, вскакивая и хватая ружье.

— Взгляните на самолет! Филин во время ночного полета увидел открытые люки, очевидно, принял их за удобные дупла, в которых можно устроить гнездо, призвал криком свою подругу, — и вот они сидят рядышком на пороге будущего жилища и обдумывают его устройство.

Все смотрели с удивлением на обеих птиц, освещенных фонарем.

— Суеверный человек мог бы принять это за плохое предзнаменование, — сказал Керри. — Самолет останется здесь навсегда и будет служить совам для гнездования.

— Эти ночные гости не дадут нам спать, — заявил Смит. — Если они выбрали самолет в качестве жилища, то будут летать над нами всю ночь, принося ветки для своего гнезда. Нужно прогнать или подстрелить их.

— А они съедобны? — спросил Элиас.

Вдруг раздался громкий стук по металлу и какой-то крик; самолет качнулся, филины испугались, подпрыгнули, расправили крылья, пролетели над головой наблюдателей и скрылись во тьме ночи. Из-под корпуса самолета вынырнул Форс и подошел к остальным со словами:

— Пока вы разговаривали, я подкрался к самолету, чтобы пугнуть этих нарушителей ночной тишины.

— А мы обсуждали вопрос, не подстрелить ли их в качестве провианта, — сказал Генри.

— Хищных птиц вообще не едят, — заявил Смит. — Но если они прилетят еще раз, будем стрелять.

Все улеглись опять, и водворилась тишина; только Генри шепотом разговаривал с отцом о ночных птицах. И вдруг лежавший поблизости Элиас забормотал:

— Мама! Зачем ты дуешь мне в ухо? Что тебе нужно! Сейчас встану!

Генри расхохотался, но тотчас же вскрикнул:

— Ой, какой-то огромный зверь ползет мимо меня и сдернул с меня одеяло!

Смит вскочил, достал и засветил фонарик. У самого берега в сторону воды двигалось что-то крупное, приземистое и волокло за собой одеяло Генри.

— Черепаха, огромная морская черепаха! — закричал мальчик и схватил одеяло за другой конец, чтобы не дать утащить его в море.

Опять все вскочили.

Кинг закричал:

— Вот это уже солидный и бесспорный провиант, не то что филины. Скорее, нужно ее перевернуть на спину, и она пролежит до утра, когда мы с ней разделаемся. Будет великолепный суп из черепахи!

Черепаха, остановленная в своем движении одеялом, за которое она зацепилась одной из задних ног, испуганная светом фонарей, прижалась к земле, втянув голову и ноги в свой щит, который имел около метра в диаметре.

Кинг, Форс, Керри и Смит ухватились с одной стороны за край щита и с трудом повернули животное на спину. Генри отцепил свое одеяло. Все стояли вокруг черепахи, рассматривая это большое и на суше такое неповоротливое животное, которое притворилось мертвым в надежде, что его оставят в покое.

— Неужели черепаха не может сама перевернуться и убежать? — спросил Генри.

— Нет, лежа на спине, она совершенно беспомощна на суше, — пояснил Кинг, — и полинезийцы так всегда ловят их. Эти морские черепахи ночью любят вылезать из воды на берег, вероятно, едят какие-нибудь растения. В море она прекрасно

плавает и ворочается свободно. Ну, оставим ее до утра, нужно же, наконец, поспать без помехи.

— Площадка пляжа немного наклонена к морю. Это может помочь черепахе перевернуться в ту сторону, — заявил Форс.

— Сделаем подпорки из камней, — предложил Генри.

Притащили несколько крупных кусков базальта и подложили их под щит черепахи со стороны моря.

— Теперь уже совершенно безопасно! Не перевернется! — решил Кинг. Все улеглись, и остальная часть ночи прошла уже без помех.

Когда утреннее солнце осветило черные скалы и лежавших у их подножия путешественников, Кинг и Генри проснулись первыми. Генри приподнялся на своем ложе, осмотрел всю площадку, ярко озаренную солнцем, и воскликнул:

— Черепаха исчезла! Прощай черепаховый суп, мистер Кинг!

Кинг вскочил, обошел весь пляж; камни, которыми подперли щит черепахи с одной стороны, были на месте, но немного сдвинуты, а черепахи не было. Кинг постоял и вдруг, хлопнув себя по лбу, вскричал:

— Ах мы дураки! Мы забыли, что ночью должен был быть прилив, вода поднялась, покрыла эту часть пляжа, черепаха вместе с отступавшей водой была снесена в залив и там свободно перевернулась. Вот что значит не помнить о законах природы! Моряк не забыл бы о приливе.

Когда проснулись остальные, было немало смеха по поводу ночных происшествий — филинов, которые собирались гнездиться в кабине самолета, и уплывшем черепаховом супе. Генри спросил Элиаса, что ему снилось, когда он просил свою мать не дуть ему в ухо.

— У моей матери была привычка сильно дуть мне в лицо, чтобы разбудить утром; я всегда крепко спал, а от дуновения просыпался. Я думаю, что черепаха подползла ко мне ночью и стала обнюхивать мое лицо, а мне тут и приснилось, что это дует моя мать.

9. Переселение в пещеры

Ночные приключения укрепили желание путешественников переселиться на другое, более спокойное место. После купанья и завтрака решили использовать более прохладные утренние часы, и все принялись за работу. Сначала разгрузили кабины: двое вынимали пачки и ящики, двое переносили их на площадку, а Смит с накладной в руках при помощи Генри распределял и проверял груз по сортам. В самолете оказалось:

Гигроскопической ваты . . .	5 тюков
Марлевых бинтов узких . . .	6 »
» » широких . .	3 тюка

Медикаментов разных	4 ящика
Хирургических инструментов	2 »
Дезинфекционных средств . .	2 »
Химикалий	1 ящик
Носилок	10 пар
Лубков, шин и пр.	1 тюк
Съестных припасов	8 ящиков

Последние ящики очень обрадовали всех; в них содержались мука, сухари, крупа, шоколад, сахар, чай, кофе, сгущенный бульон, яичный порошок, сгущенное молоко, бекон, мясные консервы. Но соли, перца и горчицы в списке провианта не было. Впрочем, Смит, просмотрев список химикалий, обнаружил в нем банку хлористого кальция и две банки соды.

— Из этих веществ мы сами приготовим себе поваренную соль, — сказал он. — Каким способом — Генри должен знать, он же учился химии и расскажет нам.

— Растворим хлористый кальций и соду в воде порознь и смешаем растворы. Кальций с углекислотой соды должен дать углекислую известь, слаборастворимую в воде, и она осядет на дно сосуда. Натрий соды соединится с хлором, освобожденным от кальция, и получится хлористый натрий, который останется в растворе; это — поваренная соль. Мы выпарим этот раствор и получим примерно две банки соли, — рассказывал Генри и добавил:

— Я не знаю, верно ли я определил реакции. Я химию не очень люблю. Все эти соли и кислоты, которые то разлагают друг друга, то жадно соединяются, трудно упомнить. А в опытах — переливанье, выпариванье! Настоящая кухня. Иногда взрывы под колпаком или сеткой. Смешиваешь два бесцветных раствора, а получаешь красный или синий — фокусы!

— Ты рассказал правильно, только итог в две банки соли нужно проверить вычислением, — сказал Смит. — Но я вижу, что тебе больше нравится геология и наблюдения в природе.

— Конечно, это интереснее химии! Один раз учитель химии принес нам в класс ящик, наполненный древесным углем, и предложил желающим понюхать, чем он пахнет. Мы засмеялись — уголь ничем не пахнет и, понюхав, так и сказали. А учитель вытащил из ящика дохлую крысу за хвост и сказал, что она лежала в угле уже два месяца и что уголь поглощает все вонючие газы, которые получились при гниении этой крысы. Мальчику па передней парте от запаха крысы сделалось даже дурно.

— Что же, это был очень поучительный для вас опыт! — заметил Кинг.

— А разве мертвые камни интереснее? — спросил Керри.

— О, конечно! Какие красивые кристаллы показывали нам и какой разнообразной формы! Одни длинные и тонкие, как иголки, другие короткие и толстые, как бочонки. Зеленые, красные, желтые, синие! И интересно самим определять, какие грани имеются на них и какой это минерал. Нам показывали также, как растут кристаллы в минеральных растворах, показывали камни, в которых были видны маленькие кристаллы разного цвета, и можно было определить, из каких минералов камень состоит.

— Я вижу, что ты хотел бы сделаться геологом! — сказал Смит.

— О да! И я уже немного разбираюсь и определил, что эта гора состоит из базальта и представляет собой вулкан.

— И хотел объяснить нам, как образовались коралловые острова! — прибавил Кинг.

— Это мы отложим до вечера, — заявил Смит. — Теперь нам пора начать перенос груза к пещерам, пока не так жарко.

— Я предлагаю использовать для этого носилки, которые имеются в составе груза, — сказал Кинг. — Это удобнее, чем тащить ящики и тюки в руках или на спине.

Это предложение понравилось; вынули три пары носилок, нагрузили каждую пару ящиками или тюками и вшестером понесли к пещерам, где оставили и груз и носилки. Путешествие заняло четверть часа.

Так в три приема была перенесена бо́льшая часть груза. На последнюю пару носилок нагрузили саквояжи, чемоданы и теплую одежду, и в этот рейс пошли только вчетвером, так как Форс и Элиас остались у самолета продолжать свою работу.

В пещерах пришлось сначала уничтожить следы, оставленные четвероногими. Нарезали зеленых веток для веников, вымели пол пещер, а также обмели стены и потолки, с которых сыпались кусочки выветрелого кораллового известняка. Из глубины самой большой пещеры выгнали несколько летучих мышей, которые спали, вися вниз головой под сводом. Среди них Кинг узнал вампира, прикончил его и показал Генри:

— Вот эта тварь ночью может присосаться к телу спящего человека, чтобы пить его кровь. Позже нужно будет осмотреть внимательнее все пещеры и истребить эту породу.

— Но разве они не могут жить в дуплах деревьев и прилетать к нам из леса? — спросил Генри.

— Это верно! Поэтому на ночь придется завешивать входы в наши пещеры-спальни, чтобы вампиры и какие-нибудь москиты не могли тревожить нас.

— Но тогда будет очень душно! — заметил Керри.

— В тюках имеется марля, сделаем из нее занавески, они задержат этих ночных гостей, а воздух будет проникать, — сказал Смит.

Распаковали один тюк с широкими бинтами из марли, и Кинг, вооружившись иголкой и ниткой, начал сшивать занавески. [. . .]

За время всех этих работ солнце поднялось довольно высоко, и Керри приступил к вторичному определению полуденной линии. Он взял плоский чемодан, нашел хорошо освещенное солнцем ровное место близ пещер, установил чемодан горизонтально при помощи уровня на линейке секстанта, достал лист белой бумаги, готовальню, вычертил несколько концентрических кругов и в центре их поставил вертикально стрелку, взятую из одного испорченного инструмента. Оставалось следить за перемещением тени по бумаге и отмечать крестиками пересечение кругов ее кончиком.

Смит и Генри занялись устройством пещер. Ящики с провиантом поместили в жилые пещеры, как и тюки с ватой, которые можно было переделать в подушки и матрацы, прибавив часть марлевых бинтов. В самой большой пещере нашлось место и для ящиков с хирургическими инструментами и медикаментами, которые заменили столы.

Когда Керри сообщил, что полдень уже миновал, Генри сходил к ручью за водой и с высоты скал над заливом крикнул летчикам, что скоро можно обедать. Приготовлением обеда он занялся вместе с отцом. Керри, сидя возле своих солнечных часов на чемодане и развернув альманах, вычислял широту по своим наблюдениям звезд. Кинг кончал шитье занавесок. Когда пришли летчики, чай уже вскипел, свинина была поджарена. Из ящика с провиантом добыли сухари, в большой пещере устроили обеденный стол из ящиков и покрыли его даже одной из занавесок. Но чувствовался недостаток посуды, особенно вилок и ножей. Приходилось обходиться перочинными ножами, и только Смит применил хирургические из своего врачебного футляра.

— Придется вскрыть хирургический ящик, — сказал он, — там найдутся инструменты, заменяющие не только ножи, но и вилки и ложки.

— Должны быть и ванны для кипячения инструментов перед операциями, а также чашки для собирания крови. Они заменят нам котелки для варки супа и сковороды для жарения. Алюминиевые или фаянсовые кружки или чашки имеются у всех. Найдем, пожалуй, и посуду, заменяющую тарелки, — предположил Кинг.

— Словом, мы скоро устроимся со всевозможными удобствами, как робинзоны, — сказал Керри.

— И найдем даже Пятницу из числа полинезийцев, — предложил Генри.

— Ну, в этом не будет надобности, — заявил Смит. — Робинзон был один, а нас шестеро и все разных специальностей. Мы обойдемся и уже обходимся своими силами.

После обеда Керри развернул на столе карту Тихого океана и сказал:

— Мои определения и вычисления окончены. Мы находимся под 160° западной долготы от Гринвича, т. е. на 2,5° ближе к Фриско, чем я сказал предварительно вчера. Определение двух звезд дало широту в 19° к югу от экватора. Эти долгота и широта определяют остров Аитутаки, один из островов архипелага Кука, принадлежащего Новой Зеландии, т. е. входящего в Британскую империю. От этого острова до северных берегов Новой Зеландии по прямой линии около 1800 миль. И теперь вдвойне обидно, что мы не можем сообщить по радио во Фриско, где мы находимся и что нам нужна помощь и какая именно, — закончил он.

— И даже не можем узнать, что делается на белом свете, как и чем ответила наша страна на японское предательство, не было ли нападения японцев на Фриско, Лос-Анжелос или другие города на берегу океана, что предприняла Великобритания, что думает Россия, которой очень не нравятся присутствие японцев в Манчжурии и их попытки устраивать вторжения через границы, — сказал Кинг.

— Что делается на белом свете, мы скоро узнаем! — заявил Форс. — При разгрузке кабин и проверке запасных частей самолета мы нашли моток тонкой проволоки, которая годится для антенны. Сейчас начнем ее налаживать, но нужно решить, где ее поставить — внизу у самолета или здесь, у пещер?

— Конечно здесь! — раздалось пять голосов. [...]

— Проволоку, топорик и радиокомпас мы принесли сюда, — заявил Элиас, — а кабины заперли на ключ, чтобы какой-нибудь полинезиец, случайно обнаруживший самолет, не забрался в них и не похитил или не испортил что-нибудь.

— Жаль, что у нас нет громкоговорителя, — сказал Керри. — Придется слушать вести с родины по очереди.

— Слушающий будет записывать все, что успеет, и потом прочитает остальным. А громкоговоритель мы со временем наладим.

— Это будет чудесно! — воскликнул Генри.

После обеда летчики занялись устройством радио. Они выбрали два подходящих дерева на склоне горы над пещерами, обрубили ветви их, направленные друг к другу, срубили несколько деревьев между ними, мешавших протянуть антенну, которая была обращена на север и северо-восток, ибо только оттуда и могли приходить радиоволны из Северной Америки и с Гавайских островов. От антенны протянули провод в одну из пещер, где на ящике прикрепили радиокомпас. Все это заняло время почти до заката солнца.

Смит разобрал ящик с хирургическими инструментами и достал несколько ванн, кружек, ланцетов и пинцетов, которые

могли служить в качестве кухонной и столовой посуды, ножей и вилок. Керри занялся ящиками с провиантом, проверил количество и качество разных припасов и сразу поставил вопрос:

— Имеем ли мы право пользоваться всеми этими продуктами, предназначенными для наших раненых моряков Пирл-Харбора?

— Если бы мы имели возможность перелететь туда сегодня или в ближайшее время, — мы бы их, конечно, не тронули. Но мы знаем, что наш самолет был только первым, наскоро снаряженным для вылета на помощь. На следующее утро был уже назначен отлет в Пирл-Харбор еще пяти самолетов с таким же грузом и хирургами, что, конечно, и было выполнено. И даже если бы уже знали, что наш самолет не прибыл, и подумали, что он подбит или захвачен японцами, — новый транспорт все равно был бы отправлен, но под конвоем истребителей. За этот день были бы также получены более подробные сведения о размерах необходимой помощи. Поэтому нам беспокоиться относительно этих припасов нечего, мы попали сюда не умышленно, не в качестве дезертиров и должны сберечь свои силы до возвращения на родину, чтобы принять участие в войне с Японией.

Так рассудил Смит, и Керри должен был с этим согласиться.

Кинг и Генри пошли познакомиться с местностью на северном склоне горы дальше к западу. Некоторое время еще тянулся поднятый риф, по уже сильнее разрушенный и гуще заросший лесом. Затем он сразу прекратился, и Генри заметил, что среди леса кое-где попадались камни, похожие на выветрелый базальт вершины горы.

— Почему здесь нет кораллового известняка рифа? — спросил Кинг, обратив внимание на то, что Генри, взявший с собой молоток из инструментов летчиков, отбил кусок камня совершенно другого цвета.

— Я думаю, что поднятый риф находится и здесь, но только погребен под потоком лавы, излившейся из кратера вулкана уже после того, как остров поднялся. Эти камни — выветрелый базальт, такой же, как на вершине горы.

— По той же причине не видно породы этого рифа и на склоне горы к заливу, где сел самолет?

— Да, нужно полагать. Но только там поток лавы излился гораздо позже, чем здесь, потому что базальт там очень свежий.

— Следовательно, лава изливалась то в одну сторону, то в другую в разное время?

— Это наблюдается и у действующих вулканов. Лава изливается всегда через самое низкое место окраины кратера; если она заполнит это понижение, то при следующем извержении новый поток вынужден искать себе другое место, чтобы вылиться на склон вулкана.

Пробравшись по малозаметной тропинке через лес, Кинг и Генри очутились на его опушке уже на северо-западном склоне

горы и остановились, чтобы осмотреться до выхода на открытое место. Лес был здесь сильно вырублен, остались кое-где отдельные деревья или маленькие группы их, а в промежутках земля была возделана под поля и огороды. В нескольких местах видны были темнокожие люди, занятые выкапыванием каких-то толстых клубней. В тени рощиц можно было различить хижины с остроконечными крышами из соломы и больших листьев. Оттуда слышались голоса и детский крик.

Этот заселенный склон полого спускался вправо к берегу моря, а влево — к узкой белой полосе кораллового рифа, окаймлявшего лагуну атолла. На этой полосе порознь и группами росли кокосовые пальмы и в одном месте стояла хижина.

— Мы узнали, где живут полинезийцы, — сказал Кинг, — и, судя по площади полей и огородов, их должно быть немного.

— И живут они не так далеко от наших пещер! — прибавил Генри.

— Лесистая гора, по-видимому, мало привлекательна для них. Они заняты своими огородами, а также рыболовством, судя по большой сети, растянутой между пальмами вблизи той хижины. В лесу гуляют их одичавшие свиньи, одну из которых мы подстрелили вчера. В лес полинезийцы, вероятно, заходят только, чтобы поймать несколько свиней, когда нужно.

— Что же, подойдем к ним, познакомимся? — спросил Генри.

— Подождем лучше. Нас только двое, а их, вероятно, несколько десятков, и как они отнесутся к белокожим гостям — неизвестно. Лучше будет встретиться с одним-двумя местными жителями в лесу, поговорить с ними и убедить, что мы не желаем им зла. Или прийти к ним всем вместе и принести какие-нибудь подарки или вещи в обмен на овощи.

— А на каком языке мы будем объясняться с ними?

— Я немного говорю по-малайски, а кроме того, на островах Тихого океана живет довольно много англичан и американцев, и многие полинезийцы понимают английскую речь.

Понаблюдав еще немного за работой местных жителей и заметив, что часть их направилась к хижинам с корзинами овощей, Кинг и Генри пошли назад. Солнце уже склонялось к горизонту, а через лес нужно было пробраться засветло. Вернувшись к пещерам, они увидели, что антенна готова и провод протянут от нее в одну из пещер, возле которой Керри, Смит и Форс с нетерпением ждали, когда Элиас, возившийся в пещере у радиоприемника, заявит, что слышит вести из Фриско. Кинг присоединился к ним, а Генри, заметив, что огонь погас, а кувшин пуст, побежал за водой к ручью. Форс присоединился к нему, чтобы с высоты скал над заливом убедиться, что у самолета нет никого и все в порядке.

Когда они вернулись, все уже собрались у главной пещеры, костер горел и начались приготовления к ужину — поджарива-

ние все той же свинины на палочках. Смит вскрыл банку сгущенного молока и достал печенье. За ужином Кинг рассказал о наблюдениях с опушки леса и закончил словами:

— Скоро нам придется идти в деревню, чтобы купить ямс вместо хлеба и рыбу или сторговать свинью.

— Зачем же покупать свинью? — удивился Смит. — Ведь свиньи все дикие, и мы можем стрелять их, сколько нам нужно.

— Нет! — заявил Кинг. — Я уверен, что свиньи принадлежат местным жителям, которые развели их, но предоставили им свободу добывать себе корм в лесу. Свинину они едят редко, в праздники, перед которыми ловят свиней в лесу и запирают их в клетках возле хижины для откорма.

— Следовательно, мы вчера подстрелили не дикую, а домашнюю свинью и присвоили чужую собственность, — сказал Керри.

— А что такое ямс и зачем он нужен? — спросил Генри.

— Ямс — растение из однодольных. Оно имеет крупные подземные корни, которые содержат крахмал и употребляются в пищу в печеном или вареном виде. Его разводят в тропических и субтропических странах, где он вполне заменяет картофель, — пояснил Кинг.

10. Как растут коралловые рифы

Во время ужина Элиас огорчил остальных сообщением, что по радио слышен только шум и шипенье, так что приемник требует переделки. Так как после ужина делать было нечего, а слабый свет огонька затруднял чтение и даже такую работу, как шитье, Смит предложил Генри рассказать, как образуются коралловые рифы и атоллы.

— Крохотные существа полипы, которые сидят в ячейках коралловых построек, — начал Генри, — могут жить только в теплой воде тропических морей; севернее и южнее, в Тихом и Атлантическом океанах кораллов нет. Но и в тропических морях они живут только в чистой воде, а вблизи устьев рек, выносящих ил, они не живут, потому что ил, оседая из воды, засыпает и душит их. Они не выносят и жара солнечных лучей — высыхают. Поэтому коралловые постройки растут только до уровня самого низкого отлива. И, наконец, они не могут жить и на большой глубине моря, куда солнечный свет уже не проникает. Следовательно, коралловые рифы живут и растут только в пределах от уровня самого низкого отлива вверху и до глубины 40 и не более 60 м вниз от этого уровня.

— Но вы не объяснили, что такое полипы, чем они питаются и как строят рифы? — спросил Форс.

— Полипы выделяют из поглощаемой ими морской воды углекислую известь в виде оболочки — панциря вокруг своего тела.

Эти панцири сидящих по соседству полипов срастаются друг с другом и образуют сплошную массу известняка рифа, в маленьких ячейках которого и сидят эти полипы. Следующее поколение их создает свои оболочки поверх этой массы, наращивая ее и закрывая постепенно ячейки своих предшественников, которые погибают. Так мало-помалу на склоне берега острова, составляющего дно моря, кольцом растет риф. Питаются полипы мельчайшими организмами, которые содержатся в морской воде и составляют так называемый планктон. Большие рифы созданы многими тысячами поколений полипов, сменявших друг друга, и содержат миллионы полипов, но только на поверхности рифа — живых, а в глубине его — уже отмерших.

Рифы бывают береговые, барьерные и атолловые. Береговые развиваются в чистой воде вдоль берега острова или материка, в стороне от устья рек и тянутся на многие километры. Если море у берега мелкое, риф может быть широкий, разрастаясь в сторону моря иногда на целый километр, до тех пор, пока основание этой постройки не достигнет предельной глубины жизни полипов. Если глубина моря вокруг острова быстро увеличивается, риф будет узкий.

Мы сидим здесь на остатке узкого рифа, всего в каких-нибудь 20 м ширины, потому что склон вулкана довольно крутой и глубина моря здесь быстро увеличивалась, когда вокруг этого острова рос еще риф.

Теперь представим себе, что остров, вокруг которого выросли береговые рифы, начал медленно опускаться. Риф при этом продолжает расти вверх, все время от уровня отлива, но нижняя часть его основания, опускаясь ниже предела жизни полипов, отмирает. Между берегом острова и рифом образуется промежуток, называемый лагуной, и полипы на стороне рифа, обращенной к острову, постепенно отмирают, потому что их уже не омывает постоянно свежая морская вода, приносящая с собой их пищу. Так береговой риф мало-помалу превращается в барьерный, отделенный от берега острова или материка более или менее широкой лагуной. Барьерный риф вокруг острова Новая Каледония имеет около 600 км длины и тянется гораздо дальше северного конца острова, доказывая этим, что прежде и сам остров тянулся дальше на север. Барьерные рифы отстоят от берега на разное расстояние: одни на 2—3 км, другие на 10—20 и до 30 км; глубина лагун обычно от 20 до 60 м.

Местами в лагуну через разрывы в барьерном рифе может проникать свежая вода, и там полипы могут жить и возводить рифы. В таких местах вдоль берега может вырасти опять береговой риф, отделенный от барьерного лагуной. Например, вдоль северо-западного берега Австралии тянется на сотни километров барьерный риф и, кроме того, в отдельных местах имеется и береговой.

Наконец, представим себе, что остров, окруженный барьерным рифом, совсем исчез под уровнем моря при опускании. Но риф остается, потому что он все время растет вверх до уровня отлива; полипы на его нижней части, опустившейся ниже предела их жизни, отмерли, но масса кораллового известняка осталась.

Такой риф имеет вид кольца более или менее неправильной формы, окружающего лагуну, которая получилась над погрузившимся островом. Это и будет атолл — странный кольцеобразный остров среди моря, целиком состоящий из известняка, созданного полипами в виде рифа. Таких атоллов в Тихом океане много.

— Почему именно в Тихом океане? — спросил Керри.

— Потому что в этом океане много вулканических островов, каждый из которых дал начало атоллу.

— И потому что, как я слышал, область Тихого океана вообще вулканическая, что связано, как говорят, с медленным опусканием его дна. А это и вызвало рост рифов вокруг островов, — прибавил Кинг.

— Но кораллы ведь образуют только рифы ниже уровня отлива, а не острова выше этого уровня! — заметил Форс.

— Острова уже создаются прибоем, — пояснил Генри. — Волны ломают края рифа, набрасывают его обломки и песок от истирания этого известняка на поверхность рифа. Мало-помалу на каждом рифе образуются сухие площадки, островки, и чем старее риф, тем их больше. А на атоллах они соединяются почти в сплошное кольцо. Течения приносят семена растений, кокосовые орехи, упавшие в море с других островов, прибой выбрасывает их на берег, где из них и вырастают пальмы. Кокосовых пальм потому так много на атоллах, что кокосовые орехи хорошо плавают, скорлупа их очень прочная, а ядро долго сохраняет свою всхожесть. Пальмы же часто растут на берегах и орехи их часто падают в воду и уносятся течениями.

— Что же ты скажешь о нашем острове? — спросил Смит. — Он какой-то особенный — сочетание атолла с вулканической горой.

— Я думаю, он возник так. Сначала на месте атолла был вулканический остров, который опускался, был окружен береговым рифом, превратившимся в барьерный и потом в атолл, когда сам остров исчез. Потом рядом с атоллом и исчезнувшим островом началось подводное извержение и поднялся из моря новый вулканический остров, который долго бездействовал и начал опоясываться береговым рифом, на остатках которого мы сидим. Но затем произошло новое поднятие, и риф очутился на высоте 20—25 м над морем. Конечно, полипы при этом погибли.

— Почему же риф не опоясывает весь остров, а имеется только на северном берегу? На восточном у залива его нет, как мы знаем, — заметил Смит.

— И дальше на запад, куда мы сегодня ходили, риф также исчезает, — прибавил Кинг, — и Генри объяснил мне, почему.

— Потому что там он скрыт под лавой, которая излилась из этого вулкана, но уже давно, судя по ее выветрелости, — сказал Генри.

— И в сторону залива также потекла лава? — спросил Керри.

— Да, но во время другого извержения, гораздо более позднего, так как она свежая и заросла лесом гораздо меньше.

— О заливе ты, кажется, также говорил, что он вулканический? — спросил Смит.

— Да, это, по-видимому, остатки маленького паразитического кратера у подножия большого вулкана, составляющего гору нашего острова. Этот большой вулкан, очевидно, потух, лава закупорила его жерло, но подземные силы проснулись опять и прорвались в другом месте. Черные скалы вокруг залива — части вала этого маленького кратера; в них лава совсем свежая.

— И это следы самого последнего извержения?

— Вероятно. И мистер Форс, плавая в заливе, обнаружил на его дне небольшую глубину в средней части и большую — вокруг нее. Можно думать, что это была последняя вспышка вулканизма, и лава вырвалась в небольшом количестве изнутри кратера, который занят теперь заливом; может быть, это было подводное извержение.

— Ты говорил, что атоллы и барьерные рифы образуются в связи с опусканием островов Тихого океана. А наш остров сначала опускался, превратился в атолл, а потом опять поднялся и даже действовал на нем вулкан. Это как будто противоречие, — заметил Смит.

— Это объясняет нам поправка Дэвиса к теории Дарвина о коралловых островах, — пояснил Генри. — Дарвин не знал, что имеются острова с поднятыми мертвыми рифами. Их открыли позже, и Дэвис указал, что в Тихом океане не везде происходит опускание дна, но местами наблюдается поднятие. Часть действующих вулканов, а может быть, и все они находятся на поднимающихся островах. Наш остров — пример опускания, сменившегося поднятием.

— Этот огромный океан имеет, очевидно, неустойчивое дно, которое местами опускается, местами поднимается, — заметил Кинг.

— Поэтому он так богат вулканами! — прибавил Керри.

— И землетрясениями, — сказал Смит. — Я хорошо помню сильное землятрясение 1906 г. во Фриско, когда город сильно пострадал, а вдоль берега океана образовалась трещина в сотни километров. Я был тогда в школе, и нас водили посмотреть эту трещину в самом городе и в окрестностях его.

— Берега Южной Америки также часто трясутся, и целые города разрушаются, — подтвердил Кинг.

— А с другой стороны океана — Япония, которая славится своими вулканами и землетрясениями, а также Курильские острова и Камчатка тоже с вулканами.

— Завтра следовало бы осмотреть южный берег и склон вулкана, — предложил Кинг. — Мы его еще не знаем. Нет ли там рифа и поселений полинезийцев?

— Что же, пойдем, я охотно присоединюсь к вам, — заявил Форс. — Мне делать нечего, Элиас один справится с починкой радиоприемника.

11. Встреча с полинезийцами

Ночь в пещерах прошла спокойно. Утром на занавесках одной из пещер нашли несколько прежних обитателей — летучих мышей, которые хотели вернуться в свое жилище, но вынуждены были остаться на его пороге. После завтрака Кинг, Смит, Генри и Форс, захватив ружья, ушли, Элиас остался у радио, а Керри, не склонный к дальним прогулкам, особенно в жаркие часы дня, занялся проверкой своих вычислений широты.

В этот день погода, до сих пор солнечная, со слабым ветром, умерявшим зной, с утра начала меняться. Появились облака, все более разраставшиеся, и обилие влаги в воздухе делало его удушливым.

Четыре путешественника прошли по тропе над скалами у залива, убедились, что самолет стоит на месте и вблизи него никого нет, кроме чаек, которые то кружили над спокойной водой моря, высматривая рыбок, то бродили по песку пляжа или нахально садились на крылья самолета.

Миновав спуск на пляж, путешественники углубились в лес по хорошо протоптанной тропе и вскоре вышли на южный склон горы. Здесь лес поредел и появились признаки кораллового рифа, сначала в виде отдельных выветрелых глыб среди кустов, а затем — в виде такого же невысокого обрыва, как на северном склоне, но более заросшего кустами и деревьями. Генри первый заметил желтоватые глыбы среди зелени и обратил на них внимание спутников. Больших пещер в известняке здесь не было, кое-где попадались только небольшие ниши.

— Мы удачно попали сначала на северный склон горы, где нашли удобное жилье! — заметил Кинг.

Пронзительный визг свиньи прервал его речь. Охотники приготовили ружья и осторожно двинулись вперед. За полосой кустов и деревьев, совсем закрывших часть рифа, они увидели полинезийца, нагнувшегося над барахтавшейся на земле крупной свиньей. Он был почти голый, только короткая юбочка из стеблей и листьев охватывала его бедра. Вытащив из-за пояса этой юбочки какие-то длинные волокна, он быстро обвязал ими

морду свиньи, шея которой была придавлена его ногой, затем связал ей передние ноги, а с задних размотал длинный аркан. Это было нечто вроде лассо, которым ковбои Техаса ловят на скаку лошадей и быков. Свернув лассо кольцом, они ловко бросают его на намеченную жертву, лассо охватывает ее ноги, и она падает. [. . .]

Полинезийцы применяли тот же метод ловли к своим бродячим свиньям, чтобы не поранив их, доставить к хижине и посадить в клетку для откорма. Туземец был так занят увязыванием свиньи, что не заметил охотников, стоявших среди кустов в нескольких шагах от него.

— Пойдем, — шепнул Кинг, — он безоружен, но не убежит от своей добычи.

Подошли осторожно сзади, и Кинг сказал по-малайски:

— Не бойся, храбрый старый воин, мы не враги!

Туземец быстро выпрямился. При виде четырех белых вооруженных людей он приготовился бежать. На его лице отражались страх и изумление. А свинья, почувствовав, что ее уже не держат, начала барахтаться и визжать.

— Не бойся, не бойся, — повторил Кинг, — мы не отнимем твою свинью!

— Ты не япон, нет, не япон? — пробормотал туземец, рассмотревший лица и одежду чужеземцев.

— Не япон, мы эмерикен! — сказал Кинг.

— Эмерикен, зачем здесь, как попал остров? — проговорил туземец, успокаиваясь.

— Прилетели на большой железной птице. Знаешь, птица летит высоко, высоко, потом садится на воду. А из птицы вылезают люди.

— Знаю, знаю! — закивал туземец и показал рукой, как планирует гидроплан перед посадкой на воду. — А где твоя птица?

— Там, птица немного заболела, ей нужно отдохнуть. Отдохнет — и мы полетим дальше.

— Там залив, спокойная вода, хорошо! — догадался туземец. — А куда полетит дальше?

— Эмерика, назад, домой. А сколько людей живет на этом острове? Как он называется?

— Туа-еа! Туа-еа! — ответил туземец и быстро показал подряд семь раз обе растопыренные руки.

— Семьдесят человек, если не врет, — сказал Кинг по-английски и продолжал по-малайски:

— Есть у вас ямс, кокосовые орехи, рыба?

Туземец закивал головой.

— Продайте нам. У нас есть товары.

— Какой товар? Платья есть? — он обвел руками вокруг тела сверху вниз, как бы одеваясь. — Ножи есть? — он поскоб-

лил одним пальцем по другому. — Желтые круглые есть? — он показал на потертую золотую монету, которой оканчивалось его ожерелье из белых раковин и красных кораллов.

— Есть, есть! — подтвердил Кинг. — Завтра принеси ямс, орехи туда, где спокойная вода. Или сегодня позже.

— Сегодня нельзя, большой дождь будет! — ответил туземец и показал пальцем на небо.

Путешественники, занятые туземцем, не обратили внимания на сгущавшиеся тучи, обложившие большую часть неба. Издали слышались раскаты грома.

— Поторопимся назад, скоро будет ливень! — воскликнул Кинг и сказал туземцу, указывая на восток: — Завтра принеси туда утром, к спокойной воде.

Туземец кивнул, схватил свинью за передние и задние ноги, взвалил себе на плечи и почти побежал, быть может, все-таки опасаясь, что чужеземцы отнимут у него добычу. [...]

А к пещерам нужно было торопиться. С востока темной стеной надвигалась грозовая туча, которую то и дело прорезали яркие молнии. Скорым шагом, почти бегом, путешественники пошли назад, но успели добраться только до скал у залива, когда начал накрапывать дождь.

— Укроемся в самолете, — предложил Форс.

Быстро сбежали на пляж и едва успели забраться в кабину, как налетел шквал, предшествующий ливню. Заревел прибой на рифе в устье залива, и так как было время прилива и вода в заливе поднялась, в его пределы ворвались волны и затопили почти всю площадку пляжа. Самолет, облегченный от всего груза, начал всплывать. Если бы в нем не было четверых людей, он, наверное, всплыл бы полностью, ветром и волнами его сдвинуло бы с места и начало бы носить по заливу и при этом могло помять крылья о боковые скалы. Но пока он еще упирался поплавками в песок, а носом фюзеляжа — в скалы. В кабине было жутко. Шум от потоков ливня, бивших по металлу корпуса прямо над их головами, свист ветра и рев прибоя сливались с раскатами грома в неописуемый хаос звуков, не позволявший расслышать даже громкий крик.

В окно кабины видна была только сплошная серая пелена дождя, освещавшаяся молниями, и даже близкие черные скалы едва можно было различить.

Ливень продолжался около получаса, а затем быстро ослабел. Форс приоткрыл люк и выглянул.

— Тучи разрядились, скоро кончится, — сказал он. — А я очень боялся, что самолет всплывет.

— А что случилось бы с ним тогда? — спросил Генри.

— Его могло понести по заливу, опять ударить о скалы или даже перевернуть. А нам было бы очень трудно вылезть из люка под водой и при волнении.

— Не мы ли помешали ему всплыть? — спросил Смит. — Другого груза не было.

— Весьма вероятно. И это нам предостережение. Необходимо укрепить самолет, засыпать поплавки поглубже песком, привязать крылья к скалам.

— А тросы у вас есть?

— Один небольшой, как полагается, имеется. Но можно сплести канат из лиан. И этим нужно заняться, не теряя времени. Иначе мы потеряем единственную возможность улететь с этого острова.

— И сделаемся первыми американскими колонистами! — засмеялся Генри.

— Женимся на полинезийках и будем разводить ямс и свиней! — добавил Кинг.

— Нет, я с этим планом не согласен, — заявил Форс. — Это слишком скучное занятие.

Дождь кончился, последние редкие тучи плыли на запад, роняя отдельные капли. Все вылезли из кабины, потянулись и глубоко вздохнули после долгого сидения в тесноте и духоте. На пляж у самолета волны выбросили мелких рыбок, медуз, пряди водорослей, ракушки. Чайки уже кружились над заливом, выжидая ухода людей, чтобы поживиться дарами моря. Со скал сбегал ручей красно-желтой воды. Поднялись наверх и пошли к пещерам. Везде были видны следы бури — оборванные ветром листья и ветки, лужи красной грязной воды и ручейки ее, пересекавшие тропу. Но глубоких свежих рытвин и промоин, созданных ливнем, не было. Почва склона была хорошо скреплена растительностью и сама по себе была тяжелой, богатой глиноземом и железом, представляя собой латерит, получившийся при выветривании базальта в тропическом климате.

Ручей, снабжавший путешественников чистой водой, пришлось перепрыгнуть с разбега, тогда как раньше его перешагивали незаметно. Он вздулся и нес желто-красную грязную воду, при виде которой Смит вскричал:

— Чая к обеду у нас не будет — такую бурду нужно фильтровать, а фильтра нет!

На площадке у пещер также были заметны нанесенные листья, ветки. Но рыхлый коралловый песок и пористая масса рифа уже поглотили воду, которая не успела стечь в море. У пещер застали Керри и Элиаса в хлопотах: они развешивали одежду и марлевые бинты по кустам для просушки, а сами обнажились до пояса.

— Наши пещеры при ливне протекают, — заявил Керри. — Когда начался ливень, с потолка стало сильно капать во многих местах. Пришлось закрыть ящики с инструментами и провизией, подушки и одеяла одеждой, чтобы они не подмокли.

— А вы не попали под дождь? Где вы укрылись? — спросил Элиас.

— Успели добежать до самолета и спрятались в кабине, — ответил Форс.

— Но там было очень душно и такой ужасный шум над самой головой, что мы чуть не оглохли, — прибавил Генри.

— А каковы перспективы насчет обеда? — спросил Смит. — Вода в ручье совершенно грязная, и пить ее нельзя.

— Когда надвинулись тучи и стало ясно, что будет ливень, я успел набрать кувшин и термос чистой воды, — заявил Элиас, — а часть топлива я спрятал в пещеру, и оно мало подмокло.

За обедом рассказали о встрече с местным жителем и о необходимости укрепить самолет. Кроме того, решили насыпать на коралловый известняк над пещерами слой глины и покрыть его широкими листьями, чтобы уменьшить просачивание дождевой воды.

Конец дня и ушел на эти работы — одни копали топором и таскали в хирургических ваннах красную глину; другие нарезали тонкие лианы в лесу и сплели из них два толстых каната, раздобыли также широкие листья банана для укрытия глины над пещерами. Но очистившееся небо не предвещало дождя, и укрепление самолета можно было отложить до утра.

12. Вести с родины

Утром Форс и Элиас потащили к заливу канаты, а Кинг и Генри — предметы для обмена с туземцами, на приход которых надеялись; взяли разные марлевые бинты, несколько ланцетов и золотых монет, нашлись также моток простых ниток и толстые иголки, которые могли соблазнить островитян. Керри и Смит остались у пещер; их нельзя было оставить без охраны ввиду возможного прихода туземцев по этой части горы. Но Элиас обещал скоро сменить Смита: ему хотелось ближе присмотреться к туземцам.

Вышли вскоре после восхода солнца и довольно скоро укрепили самолет стальным тросом и канатами из лиан, привязав их к кольям, забитым в глубокие трещины базальтовых скал. Форс предложил еще нагрузить в кабины тонны две камня, чтобы самолет не мог всплыть при затоплении всей площади пляжа и чтобы увеличить его устойчивость в случае шторма.

Когда эти работы были закончены, Элиас пошел сменить Смита и заняться снова радиоприемником. Едва он ушел, над обрывом показались пять туземцев с корзинами в руках и за плечами. Они некоторое время стояли наверху, осматривали самолет и переговаривались, оживленно жестикулируя. Кинг крикнул им:

— Спускайтесь, не бойтесь, железная птица привязана!

Потихоньку, шаг за шагом, все еще с недоверием, туземцы спустились на пляж, и тот, с которым познакомились накануне, подошел первым и протянул руку Кингу.

— Вот, мы пришли, эмерикен, и принесли корм для большой птицы.

— И мы принесли вам товар, — ответил Кинг, развертывая широкий марлевый бинт, которым можно было обернуть тело человека с головы до ног.

Все туземцы были нагие, только в коротких юбочках из стеблей и листьев, с ожерельями на шее, браслетами разного рода на руках и ногах и украшениями в виде палочек, просунутых в мочки ушей или торчавших из ноздрей в обе стороны. Двое были молодые, двое — пожилые, а пятый, очень старый, сгорбленный и седой, по-видимому, — предводитель. Он что-то крикнул спутникам, все опустили корзины на землю и начали вынимать из них клубни ямса, какие-то зеленые листья и кокосовые орехи. Старик также поставил свою небольшую корзину, закрытую листьями, на землю, но не показал ее содержимое. Это, очевидно, был самый ценный товар, который хотели предложить позже. Туземцы поочередно пощупали марлю и покачали головами, один из них сказал «япон, япон», и прибавил еще пору слов. Кинг перевел:

— Он говорит, что это японская жидкая ткань.

Начали торговаться. За большой марлевый бинт островитяне предлагали 10 кочнов капусты, или шесть корней ямса, или два кокосовых ореха. Путешественники нашли эти условия приемлемыми и скупили за несколько бинтов все содержимое корзин, кроме той, которую старик не открыл. Теперь он открыл ее и достал двух куриц, связанных ногами друг с другом. Они заклохтали и начали бить крыльями, пока старик держал их в руках головами вниз и расхваливал свой товар.

— Он хочет за кур ножик или желтую монету, — перевел Кинг.

Подошедший в это время Смит вынул из кармана один из ланцетов и протянул его старику, который попробовал его отточенность, полюбовался полировкой, но вернул его со словами:

— Дай такой ножик, только большой! — и показал пальцами длину лезвия сантиметров в 20. Но получив ответ, что больших ножей нет, он удовольствовался ланцетом и узким марлевым бинтом в придачу.

Еще купили за большой бинт четыре корзины, в которых туземцы принесли товар, впрочем, довольно грубо и жидко сплетенные из тонких прутьев. Старик свою корзину не отдал — в нее сложили купленные бинты; старик, завернув ланцет в свою половину бинта, держал его в руке. Затем все, словно сговорившись, побежали, как будто опасаясь, что большая птица отнимет

у них покупки. Только поднявшись на обрыв скал над площадкой, они остановились, что-то хором крикнули и скрылись в лесу.

— Они, по-видимому, думают, что мы теперь развяжем нашу птицу и будем кормить ее ямсом и капустой, — пояснил Кинг, — и пожелали ей хорошего аппетита. Они говорили между собой, что вот американцы накормят птицу и улетят на ней. Из разговоров я понял также, что они ненавидят японцев и боятся их. Вероятно, японцы иногда прилетали на остров и забирали у них овощи, требуя пищу для большой птицы.

Нагрузившись корзинами с продуктами, путешественники вернулись к пещерам, где Керри и Элиас встретили их приятным известием, что радиоприемник удалось наладить и что уже слышали военный оркестр из Фриско, а скоро будут передавать последние новости.

Овощи и орехи пришлись кстати, так как остатки полукопченой свинины испортились, и пришлось бы вскрыть банку консервов из скудного запаса. Судьба куриц возбудила разногласия.

— Их нужно сохранить, они могут нести яйца! — предложил Кинг. Генри присоединился к нему.

— Но у нас ведь имеется яичный порошок, — возразил Смит.

— Из порошка яичница получается плохая, — ответил Кинг. — То ли дело свежее яйцо всмятку! Раз в три дня мы будем иметь их для всех.

— Предполагая, что обе курицы будут нестись каждый день, — заметил Керри.

— А весьма возможно, что туземцы потому и продали их, что они старые и перестали нести яйца! — прибавил Форс.

— И кроме того, чтобы куры долго неслись, необходимо найти петуха, — отметил Смит.

Все-таки согласились пощадить пока жизнь обеих куриц и убедиться в их плодовитости, устроив их в одной из свободных пещер.

Кинг занялся очисткой клубней ямса, а Керри резал капусту. Генри сбегал за водой и развел огонь, Форс разбил три кокосовых ореха и вылил из них густой сок, похожий на сливки, который должен был сдобрить кофе, впервые сваренное из запаса провианта. Элиас надел наушники и засел у радиоприемника, чтобы не пропустить последние известия из Фриско. В одной хирургической ванне поставили вариться клубни ямса, в другой — капустный суп с яичным порошком. В ожидании обеда все уселись возле радио, чтобы услышать новости, которые Элиас стенографировал в блокноте. Наконец, он снял наушники и сообщил:

— Последние известия из Фриско, дневная передача. Штаты и Великобритания в состоянии войны с Японией, которая уже высадила десант на Филиппинских островах, обстреливает Гон-

конг, захватила один из островов на полдороге к Гавайским, принадлежащий Англии. У нас полная мобилизация, заводы усиливают выпуск самолетов, орудий, снарядов. Рузвельт заявил, что Соединенные Штаты не сложат оружия, пока дерзость и вероломство Японии не будут наказаны ее безусловной капитуляцией и уничтожением ее военного могущества. Вот и все существенное.

— Очень жаль, что Россия не участвует в войне, — сказал Форс. — Из Владивостока было бы гораздо легче выслать несколько эскадрилий бомбардировщиков па острова Японии и разгромить порты Нагасаки, Хакодате и другие вместе с их флотом.

— Это, конечно, жаль, — заметил Смит. — Без помощи России наша война с Японией затянется; от наших берегов очень далеко до Японии, и в западной части Тихого океана она успеет наделать нам много бед, пока мы отправим туда достаточно крупные силы.

— Но Россия поступила благоразумно, — заявил Кинг. — У нее все силы заняты трудной борьбой с огромной армией Гитлера в Европе, и открывать новый фронт на востоке Азии было бы очень рискованно.

— В ответ на бомбардировку Нагасаки и других портов японцы напали бы на Владивосток и начали бы наступление по всей границе Маньчжурии, — отметил Керри. — Они уже не раз пытались прощупать слабые места на советской границе и совершали, не объявляя войны, без всякого повода, нападения.

— Эта маленькая, но слишком самоуверенная держава — такой же хищник, как Германия и Италия, — продолжал Кинг, — захватила Маньчжурию, чтобы устроить себе большой плацдарм для задуманного завоевания Сибири, четыре года уже завоевывает Китай, забралась в Индокитай и теперь в дополнение ко всему этому напала на нас. Но она подписала свой смертный приговор, подобно тому как Гитлер, напав на Советский Союз, подписал свой. И Россия еще присоединится к нам, когда одолеет Германию. Ей также очень важно избавиться от вероломного соседа на востоке.

— Но как обидно, что мы сидим на этом острове, когда наша страна подверглась большой опасности, — сказал Смит.

— О положении в Пирл-Харборе ничего не сообщалось? — спросил Керри.

— Нет, очевидно, нападение не повторилось, — ответил Элиас.

— О размере убытков и числе жертв, вероятно, не будут сообщать по радио, чтобы японцы не узнали этого, — заявил Кинг.

За обедом, показавшимся очень вкусным по сравнению с прежними трапезами, состоявшими из свинины и чая, продолжался разговор о войне, о неизбежном нападении Японии на американские, английские, вероятно, также голландские и фран-

цузские колонии в Тихом океане и о вероятном успехе агрессоров в первые месяцы или даже целый год войны. По единогласному мнению собеседников, стремясь быстро захватить такие соблазнительные объекты, как Филиппины, оловянные рудники Малакки, нефть Голландской Индии, никель и кобальт Новой Каледонии, не говоря уже о продуктах сельского хозяйства богатой природы всех этих районов, японский флот не решится на такое рискованное и трудное предприятие, как бомбардировка городов на западном берегу Америки, а тем более на высадку десанта.

— Это кончилось бы полным уничтожением десанта и большей части флота, решившегося на такое нападение, — заметил Керри.

— И воздушного флота, участвующего в этой операции. Японцы могли бы доставить к берегам Штатов не так много самолетов, на которые обрушились бы почти все наши воздушные силы, — добавил Форс.

— Нахальное нападение на Пирл-Харбор удалось только потому, что оно было неожиданным и тайно подготовленным, — заявил Смит. — Кроме того, Гавайские острова вдвое ближе к Японии, чем берег Калифорнии.

После обеда решили никуда в этот день не ходить. Слишком заманчиво было услышать еще вести с родины. Элиас засел с наушниками в пещере, остальные занялись разными домашними делами. Кинг по привычке корреспондента записывал впечатления от разговоров с туземцами утром и накануне. Невольное пребывание на коралловом острове, связанное с разными приключениями, могло дать интересный материал для сообщения, тогда как в Пирл-Харборе ввиду необходимости молчать о результатах нападения делать было бы нечего. Конечно, плыть на крейсере к Филиппинам или лететь с эскадрой самолетов, чтобы бомбить Японию, было бы интереснее. Но делать нечего! Приходится довольствоваться коралловым островом и его населением.

13. Неожиданные посетители

В ожидании вечерних новостей по радио из Фриско Смит, Керри и Форс прилегли отдохнуть; Генри искал в лесу по соседству подходящий материал для изготовления лука и стрел; Кинг писал свои заметки в тени дерева у пещер.

И вдруг Генри увидел, что на площадку перед пещерами вышли из лесу десять туземцев, вооруженных копьями. Он быстро сбежал вниз и сказал Кингу:

— К нам идут вооруженные туземцы. Что делать? Спрятаться в пещерах и приготовить оружие?

— Не разводите панику! — засмеялся Кинг. — Туземцы, вероятно, идут на охоту. На нас они могли напасть с большим

успехом этой ночью или утром: во время торговли с одними, другие могли окружить нас у самолета. Разбуди только потихоньку спящих.

Генри прошел в пещеру, а Кинг остался спокойно ожидать гостей, которые скоро появились у пещер и остановились в нескольких шагах от него. Один, в котором Кинг узнал своего первого знакомого, охотившегося на свинью, подошел и, помахав рукой, сказал:

— Мы думали, эмерикен, что вы уже улетели на большой птице, накормив ее ямсом и орехами!

— Птица еще больная и летать не может, ее нужно будет кормить еще целую неделю. А вы идете на охоту?

— Мы думали, что вы улетели, и пошли караулить к заливу. Там вечером на песок вылезают морские черепахи.

— Мы видели только одну, она вылезла не вечером, а ночью.

— Они боятся большой птицы и поэтому не вылезали. А птица все еще сидит там?

— Там, она привязана к скалам.

— Все равно, черепахи не вылезут, будут бояться!

Остальные островитяне также подошли ближе.

— Садитесь на траву, будьте нашими гостями! — пригласил Кинг.

Он заметил, что двое из посетителей вместо юбочек из стеблей и листьев имели нечто вроде пояса стыдливости, сделанного из узкого марлевого бинта, полученного ими накануне. Туземцы уселись полукругом на траву в двух шагах от Кинга. Старший из них вытащил из кожаного мешочка, привешенного к поясу, короткую деревянную трубку, набил ее табаком из того же мешочка и протянул ее Кингу. Последнему очень хотелось курить, так как их запас табака и сигар кончился уже накануне. Он знал, что у полинезийцев, как и у индейцев Северной Америки, закуренная трубка передается из рук в руки в знак дружелюбия. От акта вежливости нельзя было отказаться. Он взял трубку, достал свою зажигалку, зажег огонь и закурил, после чего передал трубку подавшему ее.

Зажигалка вызвала общее внимание туземцев и вопросы:

— Откуда у тебя огонь? Покажи нам это огниво!

Кинг передал зажигалку вожаку, который взял ее очень осторожно, пощупал колесико, огня не получил и передал ее следующему, а сам взял свое огниво, привешенное к поясу, достал из мешочка кусочек древесного трута, высек огонь, закурил трубку, успевшую погаснуть, затянулся и передал соседу.

Кинг объяснил, что колесико зажигалки является кремнем и от искры загорается фитиль, пропитанный маслом, находящимся внутри этого маленького сосуда.

— Нет ли у тебя еще таких огнив? Продай нам! — попросил вожак.

— А горючее масло у тебя есть?
— Кокосовое масло есть.
— Оно гореть от искры не будет. А таких огнив у нас больше нет, это нужно нам, чтобы разводить огонь. Табак у вас для продажи есть? — прибавил Кинг, которому местный табак понравился.
— Табак мы сами разводим и продать эмерикен можем, — заявил вожак.
— Продайте, у нас больше нет, а мы любим курить. Может быть, продадите и трубки, но только новые, чистые?
— Можно. Женщины делают их. Сколько нужно?
Кинг заказал пять, так как Генри не курил.
— Покажи нам эту вещь! — сказал туземец, указывая на записную книжку, лежавшую на коленях Кинга.
Книжка и вложенный в нее карандаш пошли по рукам островитян, но не вызвали желания иметь подобную вещь. Полинезийцы были неграмотны и, очевидно, никогда не видели бумаги и карандашей. Это дало Кингу повод спросить:
— Вы всегда жили на этом острове или приехали сюда по воде с другого острова?
— Мы живем здесь давно! — вожак задумался и потом показал два раза обе руки с растопыренными пальцами. — Вот столько круговоротов солнца прошло с тех пор. Прежде мы жили на большом острове Сана-ару; жили хорошо, там много людей, имели много земли, ямса, свиней, орехов. Приехали япоиы на большой лодке с огнем и дымом, отнимали у нас землю, свиней, взамен ничего не давали. Брали себе наших женщин. Мы все терпели. Потом япон сказал нам: вся земля для япон, мы должен работать, сажать ямс, сахарный стебель, пасти свиней — для япон. Отдай япон девять ямс, — он показал пальцами, — себе оставь один. Япон девять свиней, себе одна. Рыбу лови — отдай япон. Совсем худо стало жить. Работай много, голодай много. Праздник больше нет, колоть свиней, кушать, плясать нельзя.
И все больше стало япон, все плыли на больших лодках, всю землю взяли, а нас погнали в лес, работай на япон или умирай. Начали мы думать, как жить дальше. Жить вместе с япон нельзя. И молодые сказали — уедем от япон далеко, найдем другой остров. Но больших лодок у нас было мало, только три. В каждой могли сесть только сорок мужчин, женщин, детей. Припасы взяли — ямс, орехи, свиньи, куры. Выбрали тихую погоду, море спокойно, поплыли на восход, дальше от япон. Пять дней плыли, увидели остров, только небольшой, а там уже живут малай. Приняли только одну лодку, худая стала, дальше плыть опасно. Две лодки плыли дальше еще два дня, увидели остров, этот самый, тоже маленький, и люди уже жили; нас приняли, больше нельзя, сказали, земли мало. Третья лодка дальше плыла, не знаю, куда доплыла. Сильная буря случилась, могла утонуть.

Живем здесь не совсем хорошо, земли мало, леса много, нет места ямс сажать. Рыбу ловим, черепаху ловим, орех есть, живем спокойно, япон нет.

— Япон сюда не приходил в большой лодке с огнем и дымом? — спросил Кинг.

— Один раз летал большая птица, три япон были, ходили, смотрели, земли мало, остров далеко, плыть долго, не годится. Улетел. Мы тогда первый раз большую птицу видели. Япон взял у нас весь ямс, говорил — не дадите, здесь останемся и еще япон позовем. Ночью птицу кормить надо. Мы дали — уходи скоро. Пять свиней в лесу застрелили — тоже птице мясо нужно.

— А где сидела японская птица? — спросил Кинг.

— На лагуне сидела, на воде плавала, как баклан. А твоя птица земляная, на воде сидеть не может?

— Нет, наша птица тоже водяная. Села ночью на край воды и заболела.

— Долго больна будет? Ямс кормить надо? Весь ямс у нас съест, нам худо будет?

— Не бойтесь, она ямс не ест. Это вас япон обманывал. Птице нужна вода, которая горит. Такая вода у нас есть.

— А почему птица заболела?

— Клюв разбила, в скалу ударилась, когда ночью садилась.

— Лечить надо. У нас старик есть, хорошо лечит, колдун. Он придет, позовите его.

— Нет, такую птицу он лечить не умеет. Мы сами вылечим скоро.

Разговор продолжался еще немного, пока вожак не показал на солнце и не сказал:

— Нам пора, черепаху ловить будем, попробуем, будет бояться вашей птицы или нет.

— Табак завтра принесете? Можно и орехов принести.

— Завтра принесем. Товар у тебя есть еще?

— Товар найдется. Другой раз мы сами придем к вашим хижинам. Можно прийти?

— Приходите, пусть наши женщины, дети посмотрят змерикен.

Туземцы сделали приветственный жест и удалились по тропе к заливу гуськом друг за другом, как и пришли.

Прочие путешественники, сидевшие в пещере, слышали разговор с островитянами. Вывод из него можно было сделать тот, что недалеко на западе имеется еще один небольшой остров, а значительно подальше — другой, большой, но занятый японцами уже давно. Оба они — по-видимому, в пределах достижимости полета на остатках топлива. Известие о наличии табака и обещание принести его обрадовало всех курильщиков.

Вечернее сообщение по радио, записанное Элиасом, гласило, что в Пирл-Харборе спокойно, самолеты туда доставили хирургов, медикаменты, перевязочные средства, что на западный берег Аме-

рики японских налетов не было, что мобилизация армии и флота подвигается быстро. Неутешительно было известие, что японцы заняли еще один остров, принадлежащий Штатам, высадили большой десант на Филиппинах, несмотря на сопротивление местных сил, и продолжают осаду Гонконга, а разведочные самолеты их появились у Сингапура.

— Пока мы соберемся с силами и направим флот и авиацию на помощь нашим и английским владениям на западе Тихого океана, японцы успеют многое захватить, — сказал Керри.

— Несомненно, — прибавил Кинг. — Кроме Филиппин, они, вероятно, успеют завладеть островом Ява с его нефтью и Малаккой с ее оловом.

— И нам придется потом вышибать их отовсюду. Но их дерзость обойдется им дорого. Ведь ясно, что они не смогут долго бороться с соединенными силами Штатов, Британской империи, Китая и, может быть, России.

— Я забыл сообщить, — вставил Элиас, — что Россия пока остается нейтральной в отношении Японии.

— Я предполагал это, как вы помните, уже вчера, — заявил Кинг. — Россия слишком занята на фронте с Германией, и ей сейчас нельзя создавать фронт еще на востоке Азии.

— Все-таки очень жаль, — заметил Керри. — Русские самолеты легко могли бы нанести большой урон самой Японии и отплатить за Пирл-Харбор.

— За это мы сами отплатим со временем, не правда ли, мистер Форс? — сказал Керри.

— Надеюсь на это и очень желал бы поскорее покинуть этот злополучный остров, чтобы принять участие в полете на Японию.

14. Нет худа без добра

Так прошли недели две, в течение которых островитяне не раз приходили к пещерам и приносили ямс, капусту и орехи в обмен на марлю; запасы сухарей, печенья и консервов у путешественников сильно сократились, так что ямс, капуста и орехи играли все бо́льшую роль в их питании. У туземцев оказались даже ананасы, которые они разводили в небольшом количестве и потому ценили дорого. Наши робинзоны также несколько раз ходили к их хижинам и познакомились с условиями жизни полинезийцев, с их семьями. Для детей у Кинга всегда оказывались в кармане конфеты, которые он раздавал, но не очень щедро, ввиду ограниченности запаса. Мало-помалу почти весь запас широких марлевых бинтов перешел к туземцам, и все они, мужчины и женщины, носили юбочки уже не из стеблей и листьев, а из марли, на которой местные художники нанесли простыми красками разные узоры в виде кругов, прямых и ломаных линий, точек и звезд. Золотые доллары украсили не одно ожерелье на шее молодых полинезиек.

Отношения все время были дружелюбные. Туземцы убедились, что американцы их не обижают, не отнимают у них продукты, не заставляют работать на себя, как японцы, а дают в обмен на продукты питания полезные предметы или украшения. Но свиней они не соглашались продать, в лесу их было мало, и они берегли их для большого осеннего праздника, который, по их обычаям, обязательно требовал свинины в разных видах. Поэтому стол робинзонов был преимущественно вегетарианский с небольшой добавкой мясных консервов или мяса кролика, когда Генри, выменявшему у местных жителей лук и стрелы, удавалось подстрелить его в лесу.

Радио передавало вести о дальнейших успехах японцев на Филиппинах, об их высадке на Яве, Суматре, Борнео и Целебесе, об осаде Сингапура, о занятии нескольких островов, принадлежавших европейцам. Эти известия огорчали робинзонов, которые негодовали на медленность перебрасывания сил союзников в Тихий океан. Эта медлительность и позволяла японцам захватывать без больших потерь чужие территории. Пирл-Харбор все еще не был отомщен.

Жизнь на острове начала сильно тяготить робинзонов. Летчики починили моторы и управление, выправили вмятости носа самолета, но главные аэронавигационные приборы починить не удалось, как не удалось и сконструировать радиопередатчик, чтобы вызвать помощь и сообщить о своем местопребывании.

В самом конце декабря, около полудня, к пещерам прибежали два туземца, очень встревоженные, и рассказали:

— Япон опять прилетел на большой птице. Птица села на лагуну. Пять япон с громовыми палками (так полинезийцы называли ружья) пришли к нам. Вот мы опять прилетели сюда, говорят. Этот остров будет наш. У япон большая война с эмерикен и здесь будет наша военная станция. Ходили, смотрели наши поля, велели показать дорогу на вершину горы. Тут, сказали, надо деревья рубить, высокую хижину поставить, кругом смотреть — летит птица эмерикен, плывет большая лодка эмерикен.

Это известие, конечно, очень встревожило робинзонов. Японцы, очевидно, намеревались устроить на острове базу для контроля путей сообщения из Австралии в Южную Америку для нападения на американские корабли и самолеты, направляющиеся к Зондским островам, Новой Гвинее, Австралии.

— Ты не сказал япон, что на острове живут эмерикен? — спросил Кинг.

— Нет, не сказал. Хотел сказать, что остров уже заняли эмерикен, прилетели на большой птице. Потом подумал — большая война япон и эмерикен. Нужно сначала спросить эмерикен, что делать.

— Очень хорошо, что не сказал.

— Ты и твои люди теперь будете воевать с япон. У тебя есть громовая палка, иди убей япон!

— Подожди, мы все подумаем, как лучше сделать.

Форс сразу высказался за уничтожение японцев.

— Их самолет дает нам неожиданную возможность покинуть остров и вернуться на родину, чтобы принять участие в войне с ними, — заявил он.

— Я того же мнения! — сказал Элиас.

— Я бы предложил воздержаться от этого, — сказал Смит.

— И мне это кажется неприемлемым, — заявил Кинг.

— Я присоединяюсь к вам! — прибавил Керри. — Но японцам нужно помешать устроить здесь базу для наблюдения и нападений на наши самолеты и корабли, а нам необходим их самолет. Нужно лишить их свободы.

— Связать и запереть их в какой-нибудь хижине! — предложил Генри.

— В этом все затруднение! — продолжал Кинг. — На острове нет прочных зданий, которые могли бы служить тюрьмой.

— Можно держать их связанными в одной из наших пещер, — сказал Генри.

— И караулить их день и ночь, снабжать пищей и водой! — воскликнул Смит. — Но в таком случае мы улететь не можем и превратимся в тюремщиков — благодарю покорно за эту перспективу!

— Может быть островитяне согласятся запереть их в одной из хижин и караулить? — предложил Керри.

— Спросим их, хотя в успехе я сомневаюсь, — сказал Кинг. Он начал объяснять туземцам, что эмерикен предлагают обезоружить японцев и запереть в одной из хижин как пленников.

— Наша птица все еще больна и лететь не может, — объяснил он, — мы возьмем их птицу, улетим в Америку и оттуда пришлем другую птицу, чтобы увезти япон и избавить вас от них.

— Так возьмите их теперь с собой, — очень логично предложил островитянин.

— На такой птице десять человек не могут лететь, слишком тяжело, — ответил Кинг. — Нужна очень большая птица.

Туземцы, видимо, были смущены предложением взять японцев в плен и заявили, что это нужно обсудить на большом совете всего селения. Они поднялись и уже отошли, когда Кинг догнал их и сказал еще что-то. В ответ они несколько раз подняли правые руки, сжатые в кулак, и удалились бегом.

— Что вы сказали им в напутствие? — спросил Смит.

— Я посоветовал им подождать, пока японцы не начнут обижать их, отнимать ямс, орехи, обижать женщин, и тогда наброситься на них сразу, связать и посадить в хижину под караул.

Путешественники провели этот день в большом беспокойстве. Они боялись разлучаться и отходить далеко от пещер, так как японцы, продолжая осмотр острова, могли встретиться с ними, узнать американцев и попытаться взять их в плен или даже пристрелить.

Но японцы не пожаловали, туземцы также не пришли сообщить о решении большого совета. На всякий случай ружья были заряжены и положены под рукой, а вход в главную пещеру был загорожен глыбами камня, между которыми оставлены бойницы.

Солнце уже садилось, когда со стороны поселка послышался грохот большого барабана, громкие крики и потом два выстрела один за другим. Очевидно, произошло какое-то столкновение местных жителей с японцами. Барабан продолжал еще некоторое время грохотать, но с перерывами, а по временам слышались крики. Чем кончилось столкновение, трудно было решить. Схватили ли японцев или последние успели добежать до своего самолета и укрыться в нем или даже улететь, или они были обезоружены или даже убиты после короткой борьбы с туземцами, которые, конечно, могли одолеть их своим числом, несмотря на отсутствие у них огнестрельного оружия?

Наступила ночь, а туземцы не появлялись. Ночь прошла тревожно, так как можно было опасаться, что все японцы или хотя бы часть их успели скрыться в лесу и ночью выйдут оттуда на разведку. Ночь была лунная, и площадка у пещер хорошо освещена. Все собрались в одну пещеру и по очереди караулили у входа. Но ничто не нарушало ночную тишину. Грохот барабана и крики после полуночи не повторялись.

Вскоре после восхода солнца явились те же два туземца. После приветствия и обмена закуренной трубкой они рассказали:

— Большой совет обсудил твои слова, чтобы отнять у япон громовые палки, связать их, посадить в хижине, караулить, пока ты не прилетишь с большой птицей увезти их. Большой совет решил: хорошо, сделаем это ночью, когда япон будут спать, чтобы они не могли убить наших воинов. Затем япон, связанных в хижине, будем караулить, кормить, а если долго не прилетишь взять их — повезем на лодке далеко, бросим море, акулам кушать. Но ты сказал еще когда мы уходили — если япон начнет нас обижать, отнимать пищу, брать наших женщин — не бояться, всем воинам собраться, вязать их сейчас.

Вечером пять япон опять пришел, говорит: давай нам ямс, орехи, вино. Выгнали одну семью из хижины, стали пировать, принесли себе свое вино. Потом пьяные вышли, стали хватать наших женщин, тащить хижину. Мы уже собрали всех воинов с копьями, стрелами, дубинами и когда япон начал тащить женщин — воины схватили их. Один япон вырвался, убежал хижину, два раза пустил огонь громовой палки, двух людей сильно ранил. Его воины копьями, дубиной кончили.

— А четыре других япон связаны и лежат под караулом? — спросил Кинг.

Туземцы замялись, а потом сказали:

— Большой совет опять собрали, думали, долго думали, решили. Прилетит опять япон, две-три птицы, худо будет, своих

освободит, наших возьмет, свяжет, убивать будет. Лучше сразу кончать этих япон, бросить море, никто не знает, следа нет, птицу эмерикен возьмут, улетят. Япон прилетит — ничего не узнает, никто не был.

— И что же вы сделали? — спросил Кинг. Все слушатели насторожились.

— Ночью взяли четыре япон, лодку положили, повезли далеко море, бросили, акула кушала.

Кинг перевел своим спутникам это неожиданное решение островитян, которое как нельзя лучше устраивало их. А туземцам он сказал:

— Если япон опять прилетят, будут спрашивать, где птица, где пять япон, куда их спрятали, говорите: пять япон были здесь и были шесть эмерикен, тоже птицей прилетели. Эмерикен — япон война, эмерикен япон застрелили, в море бросили, птицу взяли, улетели, свою птицу больную оставили, вот посмотрите. Мы тут не виноваты, эмерикен сделали.

Туземцы очень обрадовались этому предложению, снимавшему с них всякую ответственность перед японцами в случае нового появления их на острове. Они побежали сообщить об этом своему большому совету. Столь же рады были и путешественники, которые неожиданно получили возможность очень скоро покинуть остров на японском самолете. Нужно было выяснить состояние этого самолета, определить запас горючего на нем и по возможности изменить его внешность, уничтожить японские опознавательные знаки, заменив их американскими. Все это нужно было сделать как можно скорее, так как мог прилететь новый японский самолет в подкрепление к первому.

15. Приготовления к вылету

Керри, Кинг, Форс и Элиас немедленно отправились через поселок полинезийцев к лагуне. К ним присоединилось почти все население, желавшее ближе разглядеть большую японскую птицу. Мужчины были еще в военном наряде, в который они облачились накануне, перед столкновением с японцами. Их грудь и лица были покрыты полосами и пятнами красной краски, придававшими им свирепый вид. Волосы, обычно висевшие в беспорядке вокруг головы, были связаны на темени пучком, украшенным красными перьями попугаев, а к копьям привязаны красные кожаные ленты. За двадцать лет их жизни на этом острове более молодым туземцам еще не приходилось принимать участие в боях с каким-нибудь неприятелем, и только немногие пожилые и старые помнили о столкновениях с другими племенами и с японцами на большом острове, с которого они приплыли. Военным нарядом они украшали себя здесь только на некоторых празднествах, во время

которых большую роль играли пляски с копьями и шуточные нападения друг на друга. Короткая свалка с японцами возбудила в них воинственные инстинкты, и им не хотелось так скоро расстаться с военным нарядом. Некоторые, может быть, думали, что представится возможность схватиться по какому-либо поводу и с американцами.

В селении главный вождь, очень древний старик, обратился к Кингу со следующими словами: ты обещал двум нашим воинам, что если япон еще раз прилетят на наш остров, мы можем сказать им, что тех пять япон убили эмерикен, чтобы отнять у них большую птицу и самим улететь на ней домой. Повтори эти слова всем воинам, чтобы никто не сомневался. Если бы япон узнал, что наши воины убили тех пять и отдали птицу вам — они убьют нас всех без пощады. Кинг, конечно, подтвердил перед всеми воинами сказанное. Это вызвало крики одобрения. Он прибавил еще, что американцы оставят на острове свою больную птицу, которую туземцы смогут показать японцам в доказательство своих слов.

Это еще больше усилило радость островитян, которые сразу поняли, что оставленная американцами птица вполне оправдывала их и отклоняла от них всякое подозрение. Туземцы, окружившие путешественников возле поселка, теперь расступились и пропустили их к лагуне.

Эта лагуна доходила до западного подножия вулканической горы острова. Было ясно, что на последнем не было места для устройства сухопутного аэродрома и что японцы могли устроить здесь только базу для гидросамолетов. Кольцо рифа, окружавшее лагуну, было очень узкое, покатое и к лагуне, и к океану и заросшее одиночными пальмами и небольшими группами их. В ближней части лагуны на ее спокойной воде стоял японский двухмоторный гидросамолет, привязанный тросом к пальмам. С берега на поплавок была перекинута доска, а из открытого люка кабины свешивалась веревочная лестница. Форс и Элиас забрались по ней в кабину, Кинг и Керри остались на берегу среди островитян, которые с интересом следили за действиями чужеземцев.

Кинг воспользовался случаем, чтобы по возможности понятно разъяснить полинезийцам, что самолет — не живая птица, которой они считали его, а машина, внутри которой разводят огонь из горючей воды, вызывающий движение птицы. Пришлось повторить это несколько раз и отвечать на самые курьезные вопросы, так как полинезийцы вообще не имели понятия о машинах, а молодые даже никогда не видели ни колесных экипажей, ни таких крупных животных, как лошадь или корова. Только пожилые смутно помнили со времени жизни на большом острове легковой и грузовой автомобиль, привезенные японцами, видели большую лодку с трубой, из которой шел густой дым и которая двигалась без весел и гребцов. Маленький коралловый остров, затерянный в Тихом оке-

ане в стороне от главных линий судоходства и не содержавший никаких богатств, заманчивых для хищных торговцев разных наций, давно уже не посещался кораблями европейцев и американцев.

Через некоторое время Форс высунулся из кабины самолета и сообщил:

— Все в порядке! Я боялся, что у японцев на циферблатах приборов будут не буквы, а иероглифы, а ручки рулей и кнопки будут расположены иначе, чем у нас. Но оказалось, что почти все так же, как у нас, и самолет, вероятно, построен в Англии. В баках горючего много. Я хотел бы испробовать моторы. Нужно бы притянуть самолет к берегу, чтобы можно было повертеть пропеллеры, пока я буду пускать моторы.

Кинг попросил туземцев подтянуть поплавки к берегу, для чего нужно было сделать несколько шагов по мелкой воде лагуны; это, конечно, нетрудно было островитянам, не носившим ни обуви, ни брюк. Эта просьба сначала встретила молчаливое сопротивление — все боялись прикоснуться к птице. Только после разговоров и обещания, что птица не клюнет тех, кто прикоснется к ней, два молодых туземца побрели к поплавкам, несколько раз с опаской трогали их и только убедившись, что птица не подает признаков жизни, они осмелели и погнали поплавки к берегу лагуны. Форс из кабины следил за ними, а Элиас заводил моторы.

Когда нос самолета очутился над берегом лагуны и Кинг и Генри стали крутить пропеллеры, — туземцы отскочили и, глядя на действия американца, выражали свое беспокойство тревожными возгласами.

Но вот моторы застучали, и поплавки стали отодвигаться от берега.

— Птица запела, птица запела! — послышались крики зрителей. — Птица плывет!

Поплавки тронулись в сторону лагуны, самолет помчался, ускоряя свое движение, отделился от воды и полетел.

— Птица взлетела, птица летит! — кричали островитяне и захлопали в ладоши, словно подгоняя самолет.

Поднявшись к другому концу лагуны метров на сто над водой, Форс сделал разворот и, поднимаясь выше, описал несколько кругов над лагуной, потом облетел вокруг всего острова на высоте вершины горы, появился с другой стороны и, планируя, опустился, плавно сел на воду и подрулил к месту старта.

Во время полета туземцы кричали, смеялись. Особенно бесновались мальчишки, которые сначала прятались вместе с женщинами в хижинах, пока шли переговоры с чужеземцами, но постепенно осмелели. К концу полета все местное население острова, около двухсот человек, столпилось на берегу лагуны и громкими криками приветствовало возвращение птицы.

После остановки Форс высунулся из люка и доложил:

— Все в порядке, моторы в исправности, рулевое управление также, самолет нового выпуска и, конечно, не японского, а английского производства. Бросьте опять доску к люку кабины, мы выйдем.

Кинг выполнил это, летчики вылезли и прошли на берег. Островитяне разглядывали их с уважением.

— Эмерикен, вы сейчас все улетите на птице япон? — спросил туземец, чаще всего разговаривавший с Кингом и научившийся понимать его недостаточно правильную малайскую речь.

— Нет, мы пробудем еще день или два. Птицу нужно немного починить и принести наши вещи из пещер, где остались еще два американца.

— Я осмотрел баки и указатели горючего; запас его не так велик, километров на тысячу. Нужно будет забрать все наши остатки, и все-таки ни в Пирл-Харбор, ни тем более во Фриско мы с этим запасом полететь не можем.

— Вечером обсудим, куда нам лететь! — заявил Керри.

Самолет пришвартовали к пальме и отправились к хижинам. Кинг сообщил туземцам, что американцы оставят им весь запас своих товаров, если они помогут спрятать больную птицу так, чтобы японцы с высоты не могли заметить ее на берегу залива и захватить. Туземцы обещали прийти на следующий день к заливу с топорами.

Вернувшись к пещерам, путешественники сообщили Смиту об испытании самолета и близком освобождении из неожиданного плена. Нужно было немедленно начать переносить горючее из своего самолета к японскому, что было не так легко: посуды было мало — кувшин, в котором варили чай, термос и медицинские ванночки для кипячения инструментов, которые имели крышки, что позволяло носить в них бензин, не опасаясь случайной вспышки; кроме того, три освободившиеся бутылки из-под вина. У местных жителей подходящей посуды также не было: ямс они пекли в золе или варили в плоских чугунных котлах без крышек, привезенных еще с большого острова и представлявших для них большую ценность. Воду к хижинам они носили в самодельных, очень грубых и тяжелых горшках без глазури, которые, конечно, впитали бы в себя бензин и были бы испорчены для воды.

Захватив наличную посуду, пятеро отправились к заливу за горючим. Генри остался у пещер. Он был очень огорчен перспективой близкого отъезда. Жизнь на острове с ее небольшими приключениями ему очень нравилась. Он чувствовал себя здесь равноправным членом общества робинзонов, доставлял воду и топливо, охотился усердно и довольно удачно за кроликами и попугаями, бегал к туземцам, учился говорить на их языке, даже подружился с несколькими подростками, которых учил считать и писать, удивляя их умением рисовать птиц, людей, свиней, хижины и деревья, ходил с ними в лес на охоту и узнавал местные названия живот-

ных и растений. А во Фриско его ожидали привычные и скучные условия домашней и школьной жизни.

Взрослые скоро вернулись домой с посудой, наполненной бензином, и Генри сменил Керри, который по своей тучности не мог много ходить и остался у пещер. Отнесли горючее к японскому самолету и проделали это путешествие до вечера несколько раз, в результате чего один из двух баков американского самолета был освобожден. Для обеда сделали перерыв, но чай, сваренный в кувшине, в котором носили бензин, конечно, имел неприятный запах, несмотря на полоскание.

На следующее утро к пещерам пришли 15 туземцев с топорами. Кинг и Генри отправились с ними к заливу. Решили прикрыть свой самолет сверху стеблями лиан и пучками кустов так густо, чтобы с высоты нельзя было рассмотреть, что это такое. Пока островитяне рубили ветки и кусты, робинзоны начали опять переносить бензин из второго бака, который к обеду был очищен. Только после этого можно было начать маскировку. Чтобы зелень не снесло порывами ветра, ее приходилось еще прижимать камнями. Этой работой руководили Форс и Элиас, а остальные в пещерах начали сортировать имущество. Медикаменты и хирургические инструменты, за исключением хинина, слабительного и ланцетов, туземцам не были нужны. Везти их с собой не имело смысла. Поэтому решили их оставить в одной из пещер, заложив вход в нее глыбами камня, чтобы увезти, если удастся вернуться за самолетом. С собой брали, кроме личных вещей, только чай, сахар, остаток консервов. Все марлевые бинты, банки от консервов и химикалии, пустые бутылки, тюки ваты должны были пойти туземцам. Пожилые женщины, прибывшие с большого острова, умели сучить из ваты нитки и изготовлять ткани. На коралловом острове материала для этого не было, и женщины обрадовались, когда Кинг принес им как-то пучок ваты и спросил, знают ли они, что это такое и что можно из нее сделать.

За этими занятиями день кончился, и путешественники, поужинав, намеревались провести последнюю ночь на острове. Но нужно было еще решить, куда лететь на японском самолете с ограниченным запасом горючего. Развернули карту Тихого океана, найденную на самолете, и стали прикидывать расстояния и выяснять возможность полета. Выходило, что на восток до берегов Южной Америки лететь нельзя — до них было 5000—6000 км, до Гавайских островов на севере — около 4000. Приходилось лететь на запад, юго- или северо-запад. На западо-юго-западе лежала Австралия, самый близкий материк и английская колония, так что на помощь можно было смело надеяться, но расстояние почти в 3000 км не позволяло думать о ней. Новая Гвинея отстояла немного дальше, а о Филиппинах, ближайшей стране, подчиненной Штатам, и думать было нечего. Но на пути к Австралии находился большой остров Новая Каледония, принадлежавший Франции; до

него было 1600—1700 км, т. е. он был достижим, и можно было надеяться, что там дадут хотя бы горючее, чтобы лететь дальше.

Таким образом, пришлось остановиться на этом варианте полета.

— А что если Новая Каледония уже занята японцами с разрешения Германии или без него? — спросил Смит.

— Нас, конечно, арестуют как американцев и до конца войны мы будем в плену у японцев, что совершенно неприемлемо для нас, — заметил Керри.

— Ради этого улетать отсюда не стоит! — прибавил Генри.

— Тем более, что мы прилетим на японском самолете. Это, конечно, сразу возбудит подозрения, и очень сильные, — заявил Кинг.

— Очевидно, нужно заменить на самолете японскпе опознавательные знаки другими, — предложил Смит, — но какими?

— Всего лучше русскими, — воскликнул Форс. — Россия с Японией не воюет, и, даже попав к японцам, мы сможем сговориться с ними, купить горючее для полета дальше, выдав себя за русских.

— Не зная ни слова по-русски! — воскликнул Смит.

— Трудно думать, что на Новой Каледонии окажутся японцы, знающие русский язык, — заявил Керри. — На берегах и островах Тихого океана международный язык английский. А кроме того, я немного говорю по-русски, ведь я был несколько лет военно-морским агентом Соединенных Штатов во Владивостоке.

— Вот это хорошо! Следовательно, наша ближайшая задача — заменить на крыльях самолета японские знаки советскими пятиконечными звездами, — заключил Смит.

— И переделать номер самолета! — прибавил Форс.

— А откуда мы возьмем красную краску для звезд? — спросил Керри.

— Вы заметили, как раскрасили себе лица и тело полинезийцы, собираясь бороться с японцами? — спросил Кинг. — У них красная краска наверно найдется.

— С этого и начнем завтра с утра. Но я боюсь, что мы не успеем сделать все за один день и придется ночевать еще раз в нашей пещере.

16. Снова японцы

Утром наскоро сделали из копры, т. е. волокон оболочки кокосовых орехов, несколько кистей для красок и впятером отправились к лагуне, оставив Керри у пещер. В поселке их ждало небольшое разочарование — туземцы израсходовали свой небольшой запас краски на военную размалевку тела и лица, но охотно согласилась показать место, где ее добывали. Оно оказалось довольно высоко, на склоне горы в лесу. Под буро-красной латеритовой почвой, покрывавшей базальтовую лаву вулкана, в выветре-

лом базальте были трещины, заполненные грубой красной глиной. Для получения хорошей краски местные жители эту глину сушили, растирали, а затем отмучивали из нее более тонкие глинисто-охристые частицы. Но это была довольно длительная операция, и путешественники решили удовольствоваться той глиной, которую накопали из трещины и которая должна была дать не суриково-красный цвет, а скорее вишнево-красный. Пришлось только просеивать эту краску через марлю, чтобы отделить гравий и грубые песчинки, а также бобовины окислов железа. Масло довольно плохого качества из семян какого-то бобового растения у туземцев нашлось, а для растирания краски они предоставили свои грубые глиняные тарелки.

Неопытные маляры, среди которых наибольшим усердием отличился Генри, провозились с добычей, переноской, просеиванием и растиранием краски с помощью островитян до полудня. Форс и Элиас были заняты все это время соскабливанием японских опознавательных знаков на нижней стороне крыльев самолета, для чего пришлось подтянуть его к самому берегу и работать на косогоре, лежа на спине под крылом. Перед полуднем надвинулись тучи и прошел сильный дождь, прервавший работы; пришлось отсиживаться в кабинах.

Обедать к пещерам не пошли, а разделили скромную трапезу полинезийцев, состоявшую из вареного ямса без соли, сдобренного молоком кокосовых орехов. После обеда двое продолжали скоблить, двое растирать краски, а Генри побежал к пещерам, чтобы принести линейку с делениями и карандаши, необходимые, чтобы сначала правильно вычертить фигуры звезд на крыльях.

У пещер он с изумлением увидел Керри, беседующего с двумя японцами в военной форме. Они говорили, видимо, по-русски, и Генри ничего не понимал. Он зашел в пещеру и не знал, что предпринять — бежать ли назад, чтобы сообщить остальным о неожиданных гостях, или остаться, чтобы помочь Керри, если японцы затеют с ним драку. Но скоро Керри, обернувшись к нему, сказал по-английски:

— Не беспокойся и оставайся здесь.

Вскоре японцы, вежливо попрощавшись с Керри, ушли. Генри, выглянув из пещеры, заметил, что они пошли по направлению к заливу. Керри рассказал ему следующее.

Японцы прилетели с островов Самоа на разведку. Они снизились с другой стороны горы, сели на залив и отправились через лес на разведку. Возле пещер они увидели Керри. Последний, к счастью, был не в военной форме, а сидел, обнажившись до пояса, и чинил свою рубашку. Японцы подошли и заговорили по-японски, он показал, что не понимает. Тогда один японец спросил его по-русски, это подало ему мысль выдать себя за русского, живущего временно на острове. Этот японец даже вспомнил, что, будучи мальчиком, видел его во Владивостоке на русском крейсере. Пого-

ворили об этом городе, который Керри знал хорошо. Потом Керри рассказал, что вчера на остров прилетало пять американских самолетов, высадили десант, хотят строить на острове наблюдательную базу на путях из Астралии в США. Четыре самолета сегодня улетели, один остался, чинят моторы. Этот рассказ очень встревожил японцев, и они решили поскорее улететь, пока их не обнаружили.

Генри, выслушав этот рассказ, побежал к скалам над заливом и успел еще увидеть, что японский самолет, скользнув по воде, поднялся и улетел на север. Он был одномоторный, небольшой, почему и сел свободно на залив.

Вернувшись к пещерам, Генри спросил Керри:

— Неужели японские летчики не заметили наш самолет?

— Конечно, заметили! — ответил Керри. — Самолет замаскирован только сверху, чтобы его не видно было с воздуха. Сбоку его очень трудно замаскировать, нужно вырубить целую рощу, чтобы закрыть его со стороны залива.

— Они сказали вам, что видели самолет?

— Сказали и спросили, чей он. Я сказал, что самолет прилетел из США и потерпел аварию при посадке. Летчики улетели с американскими самолетами, а часть осталась караулить этот самолет.

— И они поверили?

— По крайней мере, не оспаривали мои слова. А я еще не спросил тебя, почему ты прибежал с лагуны. Как там идут работы?

— Я прибежал за линейкой и карандашом, чтобы рисовать звезды на крыльях. Мы до сих пор были заняты добычей и приготовлением красной краски.

— Очевидно, сегодня еще не вылетим?

— Едва ли успеем закрасить звезды до вечера. А краска должна еще высохнуть.

— Ну, беги туда, расскажи о японцах. Нам необходимо вылетать завтра. Японцы могут опять прилететь для проверки или случайно и задержать нас.

Генри побежал к лагуне, где его уже ждали с нетерпением. Его рассказ о прилете японцев придал больше энергии малярам. Генри быстро нанес контуры первой звезды и перешел ко второй, Форс на память указал их размеры. Потом все четверо взялись за кисти и начали красить. К вечеру звезды были закрашены, хотя идеально точными по форме и цвету назвать их было нельзя. Черной краской, которая нашлась у туземцев, на корпус самолета были нанесены буквы «СССР», хотя Форс не был уверен, что они поставлены точно на том месте, на котором они должны стоять.

Солнце заходило, когда маляры кончили работу, и ночь уже наступила, когда все пришли к пещерам, где Керри уже позаботился о чае и ужине.

Форс принес с собой вещи японских летчиков, которые нашел

в кабине самолета: летные очки, перчатки, газеты и книжки на японском языке и остатки провианта — недопитую бутылку водки, рисовые лепешки и сушеную рыбу. Все это решили оставить в одной из пещер, чтобы жители острова в случае надобности могли сказать, что вещи принесены американцами, убившими японских летчиков.

Вечером окончательно отобрали вещи, которые собирались взять с собой, и пересмотрели все, оставляемое на острове.

17. Неожиданная помощь

Утром, пока кипятили чай, Элиас слушал радиопередачу из Фриско, в которой сообщалось о занятии японцами еще одного острова, принадлежащего Штатам. Он намеревался уже начать разборку антенны, чтобы она не осталась японцам в случае их прилета на остров, как услышал продолжение передачи: «Мы уже несколько раз сообщали, что один из наших самолетов, отправленных 7 декабря в Пирл-Харбор, не прибыл туда. По всей вероятности, он попал в зону сильнейшего циклона, двигавшегося вечером этого дня из Аляски, и был унесен далеко на юг и, может быть, сделал вынужденную посадку на одном из островов Тихого океана. До сих пор от его пассажиров не получено никаких известий, что можно объяснить порчей радиоприборов при посадке. Поэтому на поиски его были посланы два самолета, последовательно осматривающие все острова, не захваченные японцами. Пока поиски не дали еще никаких результатов, но они продолжаются».

Выслушав это, Элиас выскочил из радиопещеры и передал остальным это неожиданное и такое важное для них известие. Все сначала задумались, взволнованные сообщением, которое могло резко изменить их намерения.

Смит первым предложил следующее:

— Нам теперь необходимо обдумать и решить: лететь ли на японском самолете с небольшим запасом горючего и риском попасть на остров, уже занятый японцами, или подождать прилета посланной помощи.

— Странно, что мы в первый раз узнаем об этих поисках, — сказал Кинг. — Неужели мистер Элиас прозевал предыдущие сообщения?

— Я думаю, что причиной этого является наше положение к западу от Фриско, — сказал Элиас. — Мы ведь живем на два с половиной часа позже, чем люди на берегу США. Первая утренняя передача во Фриско бывает в семь часов утра, а на нашем острове в это время — половина пятого ночи, и мы, конечно, спим. А в этой передаче, вероятно, и сообщалось, что самолет в Пирл-Харбор не прибыл, что организованы поиски, что новых сведений о пропавших за прошлые сутки не поступило.

— Пожалуй, что так, — заметил Кинг. — Но что нам делать теперь — лететь или ждать?

— Начнем опрос мнений с младшего, как полагается, чтобы высказывались свободнее, — предложил Смит. — Ну, Генри, что скажешь?

— Я бы полетел на японском самолете, — заявил Генри. — Все уже приготовлено, даже советские звезды и буквы.

— Ну, конечно, — засмеялся Смит, — ты ведь авантюрист, судя по твоему присутствию на этом острове.

— Хотя я не претендую на титул авантюриста, — сказал Элиас, — но тоже высказываюсь за полет на запад. Сидеть на этом острове с наушниками с утра до вечера в пещере, чтобы ловить передачи, ужасно скучно.

— Я предложил бы все-таки подождать дня два с решением этого вопроса, — предложил Форс. — Может быть, по радио узнаем еще что-нибудь. Самолет не улетит без нас.

— Хотя мне как газетному корреспонденту, — заявил Кинг, — было бы гораздо интереснее продолжать наше путешествие на запад на японском самолете, перекрашенном в советский, и выдавая себя за русских, но я высказываюсь за то, чтобы ждать ищущих нас американских разведчиков. Это благоразумнее.

— Я безусловно согласен с вами в этом отношении, — сказал Керри.

— И я, конечно, также, — закончил Смит. — Итак, большинством голосов вопрос решен. Будем ждать. Нас ищут уже две недели, если не больше, и самолеты-разведчики должны быть уже недалеко, где-нибудь па ближайших к северу островах. Но японский самолет пусть остается готовым к отлету с полным грузом горючего, и кто-нибудь должен постоянно дежурить на нем, чтобы в случае появления и посадки японских самолетов мы могли немедленно подняться в воздух.

— А зачем? — спросил Кинг. — Мы ведь решили при полете на запад выдавать себя за русских и можем держаться той же политики, оставаясь на этом острове, предупредив только туземцев, чтобы они не выдавали японцам, что мы американцы.

— Не будем предрешать события! — сказал Керри. — Ведь неизвестно, как они развернутся и будет ли надобность выдавать себя за кого-нибудь другого.

— Я сегодня попытаюсь связаться при помощи японской радиоустановки с Фриско, — заявил Элиас. — О возможности этого мы совсем не подумали. Правда, японцы пользуются другой длиной волны для своих передач, и на нее настроено радио их самолета. Нужно его настроить на нашу волну.

Закончив утренний завтрак, Форс и Элиас отправились на японский самолет, а остальные решили размаскировать свой самолет па берегу залива, чтобы американские разведчики могли заметить его с высоты. Этим занялись Кинг, Смит и Генри, а Керри остался

в пещере у радио в надежде услышать еще какие-нибудь известия из Фриско. Форс обещал зайти по пути к туземцам и прислать несколько человек на помощь.

Вскоре десяток островитян присоединился к работавшим у самолета, с которого общими силами удалили кусты и другую зелень, но оставили лианы и трос, привязавшие его к скалам. Эта работа была быстро закончена, и трое пассажиров вернулись к пещерам, отпустив туземцев.

К обеду вернулся Форс с приятным известием, что Элиасу после ряда попыток удалось установить связь с Фриско и передать туда известие о нахождении пропавшего самолета и его пассажиров на острове, указать точно положение этого острова, определенное Керри, и сообщить, что самолет потерпел аварию и почти лишился приборов, но что пассажирами захвачен самолет японцев, прилетевших на остров, который не имеет достаточного запаса горючего для перелета в США. Поэтому необходима помощь. Остров обладает отличной посадочной площадкой в виде лагуны атолла. Элиас остался в самолете в ожидании распоряжений из Фриско.

Обед еще не кончился, когда прибежал Элиас и сказал:

— Только что получил сообщение из Фриско, что сегодня оттуда вылетают на наш остров два транспортных самолета с запасом горючего, новыми приборами для нашего самолета, механиками для его ремонта и отрядом в десять человек морской пехоты. [...]

— Теперь нам нужно решить вопрос, как устроить приезжих механиков, которые пробудут несколько дней, а также куда поместить морскую пехоту, — сказал Смит.

— О последних заботиться не нужно, — заявил Керри. — У них, наверно, с собой будут палатки и снаряжение; возможно, что то же будут иметь и механики.

— Если так, мы сможем отдать местным жителям все, что наметили, — заметил Кинг, — тюки с ватой, бинты, некоторые хирургические инструменты и лекарства.

— Но, конечно, не сегодня, а после прибытия самолетов, когда мы узнаем, каковы их задачи и снаряжение.

Так как прибытия самолетов, судя по расстоянию до Фриско и скорости их полета, можно было ждать не ранее утра следующего дня, путешественники имели несколько свободных часов до вечера и решили сделать последнюю прогулку по лесу и на вершину горы. У пещер на посту остался Керри, а Элиас вернулся в японский самолет, чтобы не пропустить какое-либо новое сообщение или распоряжение по радио. Остальные четверо направились от пещер вверх по склону. В этот раз, не имея никаких срочных задач, они могли спокойно рассматривать флору и фауну леса, отмечали незнакомые им по США растения, любовались ярко окрашенными попугаями и райскими птицами, переле-

тавшими по деревьям. В чаще временами слышно было хрюканье свиней, через тропу перебегали кролики; но в общем флора и фауна острова, как и других островов Тихого океана, была довольно однообразна. Лес был сравнительно легко проходим; он не был похож на леса тропической Америки и Африки, а также больших островов — Новой Гвинеи, Борнео, Суматры — с их многоэтажным густым подлеском из огромных папоротников, колючих кустов, высоких трав; через него без топора невозможно пробираться во мраке густой тени сплошного покрова крон, через который почти нигде не пробиваются лучи солнца. Здесь в лесу было сравнительно светло и просторно, почему и легко было наблюдать птиц, перелетающих с ветки на ветку.

С вершины горы спустились на южный склон, где в прошлый раз обнаружили выходы известняков поднятого кораллового рифа, но не проследили их дальше на запад, встретив туземца, поймавшего свинью. Оказалось, что здесь риф тянется дальше, чем на северном склоне, где его перекрыл поток лавы, а поверхность его представляет собой ровную, довольно большую площадь, заросшую негустым лесом.

— Вырубив лес, здесь можно было бы устроить аэродром для сухопутных самолетов, — отметил Форс, — если это понадобится в будущем. Западный склон, где находятся огороды островитян, имеет довольно значительный уклон, и посадочная площадка потребовала бы большой работы по выравниванию.

— Есть ли надобность в аэродроме на таком незначительном острове, тем более обладающем большой лагуной для посадки гидросамолетов? — спросил Смит.

Через огороды и поля полинезийцев путешественники повернули на север и поднялись перед закатом солнца к своим пещерам. Вскоре к ним присоединился Элиас и сообщил, что из Фриско было только подтверждение о вылете двух самолетов и просьба уведомить об их прибытии.

На следующее утро, когда солнце было еще невысоко над горизонтом, а путешественники только что кончили свой скромный завтрак и шли уже к хижинам, на севере послышалось гудение моторов и затем показались два самолета, летевшие прямо к острову. Описав над ним большой круг, они спустились в лагуну. Пока самолеты подруливали к берегу, путешественники успели подойти к лагуне вместе с островитянами, которые узнали о прилете американских птиц и, конечно, также собрались к месту причала.

С одного самолета высадились десять солдат морской пехоты во главе с лейтенантом, с другого — два механика аэропорта Сан-Франциско, хорошо знакомые Форсу и Элиасу. Лейтенант представился Керри и доложил, что маленькому десанту под его начальством поручено организовать наблюдательный пост на острове во избежание захвата его японцами. [. . .]

— Как же вы намерены устроиться здесь? — спросил Керри. — Привезли ли вы палатки? Занимать хижины полинезийцев было бы неблагоразумно. Население острова отнеслось к нам хорошо, снабжало овощами, орехами и рыбой в обмен на нужные им вещи, и я надеюсь, что ваш отряд будет поддерживать с ними добрые отношения.

— Конечно! Палатки мы привезли и поставим их недалеко от лагуны, на окраине леса, в тени деревьев, чтобы они не видны были с воздуха, но подальше от хижин местных жителей.

— Какие распоряжения относительно нас?

— Просьба вылететь сегодня после полудня, чтобы завтра утром быть во Фриско. Вы полетите на одном из прибывших самолетов, но ваши летчики останутся здесь для помощи в ремонте пострадавшего самолета, который останется на острове. Они вернутся в США на самолете, взятом у японцев, который во Фриско желают подробно осмотреть и сохранить в качестве первого трофея.

У лагуны началась разгрузка имущества военного поста, а путешественники вернулись к пещерам за своими вещами. Летчикам, которые хотели остаться в пещерах поближе к месту ремонта, а также механикам, которых удобнее было поселить там же, пришлось оставить в качестве постелей вату и марлевые бинты, предназначенные для раздачи полинезийцам, и отложить эту раздачу до окончания ремонта, поручив ее Форсу и Элиасу.

Вскоре после обеда разгрузка была окончена, и один из прибывших самолетов был готов к старту. Провожать четырех путешественников пришли все островитяне, а также остававшиеся на острове американцы. Кинг обратился к полинезийцам с маленькой речью, в которой благодарил их за дружелюбное отношение, за взятие в плен японцев и просил их относиться так же хорошо к вновь прибывшим, которые будут охранять остров от японцев и не позволят последним высадиться. Эту речь оратор потом перевел для сведения солдатам отряда, также провожавшим уезжающих.

Старый вождь в коротком ответе сказал, что островитяне будут поддерживать добрые отношения с американцами и надеются, что последние не будут обижать их, как не обижали и уезжающие, которым он желает благополучного возвращения на родину.

После крепких рукопожатий, которыми уезжающие обменялись с Форсом и Элиасом, они поднялись в кабину самолета, бросили последний взгляд на покрытую лесом вулканическую гору, поля и огороды на нижней части ее склона, ряд кокосовых пальм вокруг лагуны. Самолет поднялся над лагуной, обогнул остров с южной и восточной сторон, где можно было различить на берегу залива, казавшегося уже крошечным, корпус и крылья сломанного самолета, и взял курс на восток, к острову Пасхи, где находилась станция для пополнения запаса горючего.

Генри, прильнув к окошку, долго смотрел назад, пока вершина вулканической горы не скрылась за горизонтом, и прошептал:

— До свидания, милый коралловый остров! Удастся ли мне увидеть тебя еще когда-нибудь?

Керри, Кинг и Смит смотрели на удалявшийся силуэт острова с другими чувствами: они были рады, что вырвались, наконец, из непредвиденного плена, который так неожиданно помешал им принять участие в защите своей родины.

Май—июнь 1947 г.

ТЕПЛОВАЯ ШАХТА

Повесть

От редактора

В бумагах Владимира Афанасьевича Обручева сохранилась рукопись — черновик научно-фантастической повести «Тепловая шахта». Повесть эта была начата еще в 20-х годах, и автор несколько раз возвращался к ней, переделывал и дописывал некоторые главы, но так и не закончил ее. В общем вполне законченной можно считать главную тематическую линию — проведение глубокой тепловой шахты. Но Владимир Афанасьевич хотел прибавить еще ряд глав о жизни обитателей города Безмятежного. Он хотел ввести еще ряд действующих лиц, подробнее обрисовать их взаимоотношения, но все это осталось незавершенным.

Здесь мы печатаем главную часть повести. В обычной для его фантастических романов точной форме, с обилием научно-технических подробностей, автор рассказывает о проведении глубочайшей шахты так убедительно, что читатель ни на минуту не сомневается в возможности такого предприятия.

И действительно, теперь уже проведены в разных частях земного шара шахты, более глубокие, чем шахта города Безмятежного, но пока еще не в таких высокотемпературных условиях.

Вопросом об использовании тепла недр Земли Владимир Афанасьевич продолжал интересоваться и позднее. Перед Великой Отечественной войной редакция газеты «Правда» разослала крупнейшим советским ученым анкету, в которой был вопрос и о том, как они представляют себе область своей работы через пять-десять лет. Владимир Афанасьевич ответил, что «через пять-десять лет будет практически разрешен вопрос об использовании тепла земных недр в качестве неистощимого источника энергии, и в приполярном поясе Союза будут строиться города, заводы и теплицы, обслуживаемые этой энергией».

1. Специалист по глубоким шахтам

Василий Павлович Путилин, крупный финансист и директор Русско-Японского банка, только что пообедал и находился в прекрасном расположении духа. Не только потому, что обед был отменный, — это было обычное явление — нет, причина была более серьезная.

Сегодня состоялось годичное собрание акционеров банка. Правление доложило отчет с блестящими итогами; операции с хлебом, хлопком, сахаром и т. п., несмотря на войну или, вернее, благодаря войне принесли огромные прибыли; все отделения работали как никогда. Акционеры должны были получить прекрасный дивиденд и, благодушно настроенные, утвердили крупные наградные членам правления.

Правда, один из акционеров попытался испортить мед ложкой дегтя. Он начал говорить, что банк на ложной дороге, что все эти операции с хлебом, сахаром, хлопком — просто спекуляция, увеличивающая дороговизну в стране, что жирные дивиденды немногих оплачиваются из тощих карманов многих и так далее в том же духе.

Но ему не дали закончить. Поднялся шум, протесты — и он сел. Удивительный субъект! Ему предлагают выдать на акцию вместо прошлогодних 35 рублей целых 80. А он говорит, что это грабеж. Вероятно, владелец каких-нибудь пяти акций, дающих право голоса, так что разница для него не велика. Но ведь акции-то как пойдут в гору на бирже! Этого он не понимает очевидно.

Путилин, как и другие директора, знавшие годовые итоги раньше их оглашения, потихоньку уже скупал на бирже акции банка, поступавшие в продажу, чтобы продать их с хорошим барышом после собрания. Сидя в мягком кресле своего кабинета и покуривая дорогую сигару, Василий Павлович мысленно уже слышал шелест тысячерублевых билетов, которые окажутся плодом этого прекрасного года.

Легкий стук в дверь прервал нить размышлений Путилина. Появился камердинер Петр и, почтительно склонившись, подал на подносике визитную карточку.

— Очень просят принять их по делу.

Василий Павлович протянул руку с карточкой просителя к лампе, стоявшей поодаль на столе, и прочитал:

АРКАДИЙ ЕГОРОВИЧЪ
ЕЛЬНИКОВЪ

Горный инженеръ

Специальность: глубокия шахты

Русско-Японский банк угольными и вообще горными делами до сих пор не занимался. Но Путилин привык встречаться по делам со всевозможными специалистами, и эта новая, неизвестная ему специальность не удивила его. Он спросил только:

— Приличный человек?

— Вполне-с. Хорошо одет, высокого роста, брюнет, под сорок, деловой.

Петр имел определенную инструкцию в отношении посетителей банкира и наметал глаз, оценивая их социальное положение и причину прихода. Разных просителей, искателей места он сразу различал если не по костюму, то по тону разговора, даже не спрашивая, зачем они пришли, и прямо заявлял им, что господина директора нет дома, а по делам принимают они в банке в такие-то часы.

— Ну, проси. Только намекни, что у меня сегодня еще заседание.

Путилин не любил сам обрывать разговор и выпроваживать посетителя, слишком засидевшегося. Он предпочитал предупреждать через Петра, что его время дорого. Если это не помогало, то почва для прекращения визита была все-таки подготовлена.

Отворилась дверь, и в кабинет вошел человек высокого роста, плечистый, в безукоризненном костюме, с портфелем в руке. Путилин приподнялся ему навстречу и, быстро окинув его взглядом, увидел резкие черты лица, коротко остриженную бородку клином, умные глаза под густыми бровями и почти незаметный шрам поперек высокого лба над левым глазом.

Усевшись в кресло, предложенное хозяином, посетитель заговорил резким голосом, короткими фразами, словно командуя:

— Я один из ваших акционеров. Был сегодня на собрании. Слышал, что банк обладает крупными свободными средствами и намерен расширить свои операции. Могу предложить вам крупное и очень выгодное дело.

«По проведению глубоких шахт?» — подумал Путилин. И тут же он вспомнил, что утром, просматривая список акционеров, представивших свои акции для получения права голоса на собрании, он обратил внимание на фамилию Ельников, раньше не попадавшуюся ему, против которой стояло: 500 акций. «Не из мелких, и приобрел недавно! Имеет нюх или друзей в банке», — подумал Василий Павлович и произнес:

— Я к вашим услугам.

— Я не задержу вас долго, — сказал Ельников. — И изложу только суть. Если вы заинтересуетесь, — расчеты, сметы, все детали здесь, — он слегка хлопнул рукой, крупной и мускулистой, по портфелю.

— Я слушаю вас.

— Вам, конечно, известно, что горючие материалы дорожают с каждым годом. Уголь, нефть, торф, дрова становятся предметами роскоши. Леса вырубаются, залежи угля и нефти истощаются. Пора подумать о новых источниках тепла для промышленности и для отопления жилищ.

Путилин поднял брови. О кризисе топлива он еще не думал. Если это верно, то на топливе можно хорошо заработать. «Проверим и займемся скупкой лесосек и копей!», — мелькнула у него мысль.

— Интересно, — заметил он, — какие новые источники тепла вы имеете в виду?

— Я думаю, вам известно также, — продолжал Ельников, — что недра нашей Земли хранят еще массы тепла?

Путилин кивнул головой, хотя о подземном тепле он помнил только очень смутно.

— Вы имеете в виду вулканы? — спросил он удивленно.

— В России действующих вулканов нет, если не считать далекую Камчатку, — ответил Ельников. — Кроме того, вулканы работают очень неправильно. С ними никакие технические расчеты невозможны. Опасно и ненадежно. Моя идея проще. Я хочу взять источник тепла верный, огромный и действующий непрерывно и равномерно.

«Какой-то фантазер!» — подумал Путилин и нахмурился. Но посетитель заинтересовал его, и он не протянул руку к часам, чтобы положить конец разговору.

— Наблюдения в глубоких шахтах («Ага!», — мелькнула мысль у Василия Павловича) и буровых скважинах доказали, безусловно, что запасы тепла под нами везде. Напомню вам, что такое геотермическая ступень (Путилин кивнул, хотя впервые услыхал этот термин). Это линейная величина, на которую нужно углубиться в землю, чтобы температура повысилась на 1°С. Наблюдения показали, что в среднем эта величина составляет 30 м. Итак, если мы углубимся на 100 м, температура повысится на 3,3°. Углубимся на 1000 м — получим повышение на 33°. Углубимся на

3000 м — будем иметь 99°. А так как на поверхности Земли, откуда мы начали углубляться, средняя годовая температура также дает хоть 2—3° тепла даже здесь, в холодном Петрограде, то на глубине 3000 м будет 100° с лишним. Вы понимаете, что это значит?

Путилин поднял глаза к потолку, чтобы избежать пронзительного взора инженера, так и впивавшегося в его лицо, и произнес глубокомысленно:

— Собственно говоря, 100° — это еще немного. Вот если бы 500—600°...

— Немного? — прервал его Ельников. — 100° — это точка кипения воды, образования пара! И этого вполне достаточно. Поставьте на такой глубине котлы — и в них вода будет постоянно кипеть. Без малейшей затраты топлива!

Василий Павлович поднял брови.

— Да, это верно. Но что же дальше?

— Дальше? Поднимите этот пар на поверхность, проведите его здесь в паровые машины. Вы сможете обслуживать почти даровой силой огромные фабрики, целый город фабрик! Почти даровой, говорю, потому что некоторые затраты на уход, смазку, ремонт будут. Но это пустяки в сравнении с главным расходом на топливо, который отпадает. Земля будет греть котлы день и ночь! Без кочегаров, без перерывов, из года в год!

— Это интересно! — воскликнул Путилин, очень оживившийся. — Но если все это так просто, то почему инженеры передовых стран, Америки, Англии что ли, давно уже не воспользовались теплотой Земли? Ведь она уже давно известна и геометрическая ступень определена?

— Геотермическая ступень, — поправил его Ельников, — конечно, выдумана и определена не мной. Но все гениальные идеи просты, как яйцо Колумба, когда до них додумаешься. Очевидно не додумались. В Америке, Англии много угля, в Америке еще нефть, в Канаде — леса и торф. Топливо пока дешево — не то что у нас теперь. Поэтому и не додумались.

— Допустим, что так! — с некоторым недоверием сказал Путилин. — Но как добраться до этих колоссальных запасов тепла на глубине?

— Это не так трудно, как кажется. Проводим глубокую шахту. . .

— Вот оно что! — не удержался Путилин и подумал: «Теперь я понимаю — специалист по глубоким шахтам!»

— Да, глубокую шахту, — и это моя специальность, как вы изволили видеть, — заметил Ельников, словно угадав мысли собеседника и указывая на свою карточку, лежавшую на столе под лампой. — Со дна шахты проводим штреки — горизонтальные ходы, — пояснил он, заметив, как поднялись брови банкира при этом горном термине. — В штреки помещаем котлы, прямо замуровываем их в горячий утес. И дело в шляпе. Остальное — пустяки.

— Гм! — произнес Путилин. — Вы сказали, кажется, что необходимая глубина составляет 3000 м? Это около трех верст?

— Да, почти три версты.

— А такие глубокие шахты уже есть?

— Нет, до сих пор не было. Наибольшая глубина, достигнутая шахтами в Западной Европе и Америке, 1500—1800 м. Но из этого не следует, что нельзя вести и глубже.

— Не додумались еще? — съехидничал банкир.

— Нет, додумались бы, если бы была надобность, — возразил Ельников, не обращая внимания на шпильку собеседника. — До сих пор еще не приходилось углубляться так далеко в землю из-за какой-нибудь руды или угля. Работа на такой глубине очень тяжела и стоит дорого. Извлечение груза также очень удорожается.

— Итак, если я вас понял, такая глубокая шахта обойдется очень дорого? Тогда стоит ли игра свеч?

— Безусловно стоит. Мы ведь не будем вытаскивать уголь или руду с этой глубины. Мы будем спускать туда воду — она сама польется вниз. Бесплатно. И извлекать оттуда только пар. А он сам пойдет вверх. Тоже бесплатно. Спускать и поднимать придется только смену машинистов и смазчиков 3—4 раза в сутки — и только. Расходы на подъем и спуск — минимальные. И работать будет тот же пар — бесплатно.

Путилин задумался. Предложение Ельникова начинало интересовать его уже не только с теоретической, но и с практической точки зрения. В самом деле: получить вечный и даровой источник тепла и энергии и обслуживать целый промышленный город! Затратить только крупный капитал на шахту, а потом получать громадные барыши! А если еще купить заблаговременно землю вокруг шахты на большое расстояние по низкой цене и по десятинам, а потом продавать ее по саженям и дорого, то можно вернуть весь капитал, затраченный на шахту! И доход будет не с этого капитала, а прямо даровой. Целый фонтан денег из земли!

— Ваша идея мне нравится, — произнес он после минутного размышления. — Если только она осуществима с технической стороны. Впрочем, это вам как специалисту лучше знать. Но скажите, проведение шахты в три версты глубины потребует колоссальных средств?

— Да, не малых, — спокойно ответил инженер. — Но расходы можно значительно уменьшить. . .

— Неужели? — обрадовался Василий Павлович. — Каким же образом?

— Очень просто. Я доложил вам, что средняя величина геотермической ступени — 30 м. И подсчитал необходимую глубину шахты сообразно этому. Но есть места, где эта ступень больше, доходит даже до 50 и 70 м. Там глубина шахты была бы 5000 или 7000 м. Зато есть и такие места, где ступень меньше, например 25 или 20, даже 17 м. Заложив шахту в таком месте, мы

должны углубить ее только на 2500 м, или на 2000, или даже на 1700 м. А это уже вовсе не так много. И несравненно дешевле, чем 3000 м.

— Великолепно! — воскликнул Путилин. — Неужели есть такие места на земле? Где же они находятся?

— В этом и состоит мой секрет. Я предложил вам идею, план предприятия. А выполнимость его без чрезмерных затрат и технических трудностей зависит от выбора места. Если вы согласны финансировать предприятие и заключите со мной договор, — я укажу вам место. И не одно, а несколько. На выбор, любое. Я давно интересуюсь этим делом. И годами собирал материалы о величине ступени в разных странах и местах. Сам делал разведки и наблюдения. И хочу осуществить свою идею. На благо человечества, которому грозит холод в недалеком будущем. И мое первое условие — я буду во главе технической части предприятия. Как директор-распорядитель.

— Вполне естественно, — согласился Путилин, — что вы хотите не только продать вашу гениальную идею, а сами осуществить ее, воплотить. Но, скажите, во что примерно обойдется такая шахта?

— Я предполагаю глубину в 2000 м и породы средней твердости. Умеренный приток воды до известной глубины. Замечу, что на большой глубине породы земной коры становятся сухими. При этих условиях стоимость шахты с полным оборудованием составит примерно 5 млн. рублей. Накинем еще миллион на более твердые породы и сильный приток воды. И еще миллион на непредвиденные расходы — мало ли что бывает в новом деле. И, скажем, — нужно капитал в 7 млн. А затем на постройку промышленного города. Ну, здесь все зависит от размаха, который вы захотите дать. Подсчитать нетрудно, получив соответствующие задания и выбрав место. Последнее, вы понимаете, очень важно для расчета. Стоимость рабочих рук, материалов, доставка их. Будем ли мы строить в России, Туркестане или Сибири — разница большая.

— Конечно, место очень много значит, — согласился банкир. — Что же касается расходов, то 7 млн. — это не так много. У вас, вы сказали, все подсчеты и планы готовы — относительно самой шахты?

— Все здесь! — ответил инженер и стал открывать портфель.

— Превосходно! — остановил его Путилин. — Но я в технике мало смыслю. Нужно пригласить нашего консультанта. Какой срок вы можете дать мне на переговоры с некоторыми лицами — с условием, что за это время вы к другим капиталистам не будете обращаться?

— Недели вам будет достаточно? Или две?

— Много! Я люблю делать дела быстро. Сегодня у нас, — он взглянул на календарь, — четверг. Завтра и послезавтра я по-

видаюсь с некоторыми приятелями и поговорю со своими коллегами по правлению — не выдавая деталей вашей идеи, а только суть. Хотите, в воскресенье в 11 часов утра в помещении нашего банка устроим ваш доклад перед узким кругом лиц, которые заинтересуются предприятием? Со сметами и планами, как следует. А в понедельник, если сойдемся, заключим договор, если нет — вы свободны предлагать ваши проекты другим лицам.

— Прекрасно. К воскресенью приготовлюсь. И думаю, что мы сойдемся. Идея слишком хороша, а средства не так велики. И мои требования также не чрезмерны.

— Очень рад слышать. Итак, воскресенье, 11 часов утра, в банке. Банк закрыт, но вы звоните — и прямо ко мне в кабинет. Адрес банка: Невский, 15.

— Знаю! — кивнул Ельников. — Буду аккуратен. Мое почтение.

Он поднялся, пожал руку банкира и крупными шагами пошел к двери. Путилин, нажав кнопку звонка, проводил его до прихожей. Это было большое внимание с его стороны. Специалист по глубоким шахтам произвел благоприятное впечатление.

2. Судьба проекта решается

В назначенный день и час в большом кабинете Путилина, выходившем окнами на Мойку, собралось десять представителей плутократии северной столицы, сумма личных капиталов которых наверное превышала 500 млн. Эти деньги были вложены во всевозможные предприятия, так что дать сразу 7 млн. на новое дело они бы не могли. Зато при их содействии можно было пустить в ход любое предприятие, хотя бы железную дорогу к Северному полюсу или фабрику для превращения воздуха в топливо. В их руках были главные банки страны, столичные биржи, реклама, несколько газет, связи в различных правительственных учреждениях, от которых зависело разрешение предприятия. Противодействие одного из этих финансистов могло бы сильно повредить успеху дела, поэтому все они были приглашены Путилиным. Одиннадцатым членом собрания был инженер Фролов, технический консультант одного из банков, занимавшегося горными предприятиями, а двенадцатым — виновник всего, Ельников. Последний раскладывал на большом столе, за которым обычно заседало правление банка, свои чертежи, планы и сметы.

Когда все разместились вокруг стола на массивных дубовых креслах, Ельников, стоявший между Путилиным и Фроловым, начал свой доклад. Он предпослал ему несколько цифр о стоимости различных родов топлива, ложащейся тяжелым бременем на всякого рода технические предприятия, указал на малую вероятность понижения цен на горючие материалы в ближайшие годы, затем

познакомил собрание в общих чертах с гипотезами о внутреннем состоянии Земли, законами повышения температуры при углублении в земную кору и, наконец, изложил план предлагаемого предприятия, закончив справками о его стоимости и вероятной доходности.

Банкиры слушали сначала рассеянно, затем заинтересовались, и конец доклада Ельникова, для них наиболее важный, был выслушан с полным вниманием. Некоторые делали заметки на бумаге, лежавшей перед каждым, или в своих блокнотах.

Когда Ельников кончил, Путилин сделал короткое резюме и предложил собранию высказаться. Сидевший напротив него Зегевольд, русский голландец неимоверной толщины, не помещавшийся в кресле и расположившийся на двух стульях, спросил жирным басом:

— А скажите, пожалуйста, почему такую простую идею, обещающую такие выгоды, давно уже не осуществили американцы или англичане? Не говорит ли это о том, что ваше предприятие технически слишком трудно?

— Я думаю, — возразил Ельников, — что многие изобретения кажутся нам простыми, когда они уже осуществлены. И мы удивляемся, как это люди не додумались раньше! Например, электрическая лампочка — что может быть проще? Или телефон, кинематограф, аэроплан. Когда изобретение становится своевременным, необходимым, так сказать, носится в воздухе, — оно и является. Аэроплан изобрел еще Леонардо да Винчи, но это было несвоевременно, и только 400 лет спустя мы увидели его в воздухе. Вспомните, с каким недоверием были встречены первые пароходы, локомотивы! Идея использования земной теплоты, наверно, приходила в голову инженерам XIX в. Но топливо было дешево, запасы его казались огромными, и эта идея являлась несвоевременной. А теперь везде ищут уже белый уголь, т. е. силу падающей воды, чтобы заменить им черный уголь, который становится все дороже. Запасы истощаются, требования растут. А теплота Земли имеется везде, даже под этим столом. И на глубине, доступной для современной техники. Я уверен, что если не у нас, то в Америке в ближайшие годы моя идея будет осуществлена кем-нибудь другим.

Пудерман, маленький и тощий, за 15 лет выдвинувшийся из биржевых зайцев в финансовые тузы, задал другой ехидный вопрос:

— Положим, шахту выкопали, котлы поставили. Но если извлекать из Земли тепло из года в год в одном месте, разве оно, наконец, не израсходуется? А тогда вода в котлах уже кипеть не будет, ваше предприятие лопнет, как мыльный пузырь.

— Сравнительно с величиной наших котлов запасы тепла в Земле можно считать неисчерпаемыми. К охлаждаемому месту тепло будет притекать со всех сторон из глубин и будет возмещать

потерю. Но допустим, через много лет наступит даже охлаждение. За это время предприятие вполне окупится. Затем нужно будет углубить ту же шахту еще на 200—300 м и переставить котлы вниз. Только и всего.

Другие попросили еще некоторых разъяснений. Затем Фролов поставил ряд вопросов технического характера. Он интересовался, между прочим, тем, не будет ли пар, проводимый из шахты, слишком охлаждаться, проходя 2000 м по трубам вверх, даже если трубы будут хорошо изолированы.

Ельников заметил, что можно поставить в промежутках подогреватели, но лучше всего устроить силовую станцию не на поверхности земли, а в большой камере возле шахты, недалеко от котлов, и подавать вверх уже не пар, а электрический ток, который и будет приводить все машины промышленного города в движение. Это будет самое простое. Он разъяснил также, как люди будут работать при высокой температуре на дне шахты, когда последняя достигнет уже значительной глубины, а также при надзоре за котлами и машинами, когда все будет готово.

Наконец вопросы были исчерпаны. Фролов дал заключение, что предприятие осуществимо. Финансисты углубились в просмотр смет, некоторые передавали их друг другу, обмениваясь замечаниями. Выгодность дела казалась бесспорной. [. . .]

— Аркадий Егорович, — обратился Путилин к Ельникову, — имеете ли вы в виду место, пригодное для вашей шахты, вне русских пределов, где-нибудь в Азии, и притом подходящее для города-сада, не в пустыне или какой-нибудь тундре?

— К счастью для проекта, такое место имеется, — ответил инженер. — И даже не одно, а два, недалеко от русской границы.

— Великолепно! Я думаю, господа, выбор одного из этих мест мы предоставим нашей комиссии, которая также выяснит с Аркадием Егоровичем все условия передачи им своего проекта в наше распоряжение?

— Конечно, конечно! Разумеется! — послышались голоса.

— А в комиссию пусть войдут все желающие посвятить некоторое время разработке плана, не так ли?

С этим предложением все также согласились, и в комиссии пожелали принять участие Путилин, Зегевольд, Функельштейн и еще один из банкиров, а Фролов вошел в нее в качестве консультанта. Лист предварительной подписки, пущенный Путилиным по столу, сразу дал 4 млн. с небольшим.

Когда лист вернулся к нему, Василий Павлович подсчитал и объявил результат, затем закрыл собрание, предупредив, что следующее будет созвано, как только комиссия разработает план. Члены комиссии решили собраться в тот же вечер на квартире Путилина, чтобы приступить к работе.

3. Основание города Безмятежного

В течение недели комиссия выполнила свою задачу. Из двух мест, которые предлагал Ельников, первое, находившееся в долине реки Или вблизи китайского города Кульджи, было забраковано из-за своей отдаленности от железных дорог и дороговизны доставки туда как людей, так и материалов. Второе место находилось на берегу Тихого океана в 120 км к югу от Владивостока у устья реки Тумень-ула, где близко сходились границы трех государств: с севера — русских владений, с юга — Кореи, в то время находившейся во власти Японии, а узкий промежуток между той и другой границами вдоль самой реки принадлежал Китаю. Можно было рассчитывать, что одно из двух правительств — японское или китайское — согласится продать достаточный участок земли. Благодаря близости моря можно было получить все нужные машины и материалы из Японии, Америки и Владивостока, судоходная река Тумень-ула обеспечивала сообщение с Маньчжурией для подвоза леса, хлеба и рабочих. Место имело мягкий климат и живописное положение в горной долине, открытой к морю. Словом, оно точно было создано специально для замышляемого экстерриториального города, приюта людей, ищущих спасения от политических бурь.

Через два дня Ельников, Фролов и юристы Черепанов и Шендль выехали с сибирским экспрессом во Владивосток. Досуг двухнедельного переезда они употребили на разработку целого ряда технических и юридических вопросов, связанных с осуществлением предприятия. Бухта Владивостока, куда они прибыли в половине марта, оказалась еще покрытой льдом. Пришлось переехать по льду на западный берег Амурского залива и следовать далее на лошадях по тракту вдоль морского берега до устья Тумень-улы. Остановившись в русском поселке на самой границе, разведчики осмотрели местность, которая им понравилась. На левом берегу реки, в Маньчжурии, располагалась высоким уступом плоская возвышенность, защищенная от северо-восточных ветров лесистыми склонами хребта Чанбошань и достигавшая 3 км в ширину и 10 км в длину. Она являлась прекрасным местом для предполагаемого города, который, в случае надобности, мог растянуться еще по склонам хребта и в боковых долинах. Правый берег реки был менее удобен: он представлял собой низменность, частью занятую полями и огородами корейцев, селения которых виднелись у подножия гор и в боковых долинах. Эту низменность также необходимо было купить, чтобы осушить ее и занять разными складами, а со временем превратить в сады.

Объехав местность и определив площадь участка, необходимого для предприятия, Фролов и Шендль вернулись во Владивосток и оттуда по железной дороге поехали в Пекин. При содействии русского посольства, заинтересовавшегося постройкой этого города, в течение десяти дней удалось приобрести у китайского правитель-

ства участок земли по левому берегу реки площадью в 80 кв. км — за 1 млн. рублей, немедленно выплаченный отделением Русско-Японского банка. Китайское правительство разрешило основать вольный город на проданной территории, но взяло с покупателей обязательство не возводить никаких укреплений, не держать в городе постоянного войска и оплачивать таможенную стражу, необходимую для предупреждения провоза беспошлинных товаров через вольный город в глубь Маньчжурии.

За это время Ельников и Черепанов скупили у корейских селений низменность правого берега реки, около 20 кв. км, за 100 тыс. рублей, а потом юрист отправился в Японию, чтобы правительство микадо санкционировало эту покупку и разрешило присоединить ее к вольному городу. Последнее удалось не без труда и только под условием не возводить на купленной земле никаких долговременных сооружений.

Вскоре на берегах Тумень-улы, недавно еще совершенно пустынных, кипела работа. На низменном правом берегу проводились осушительные канавы и строились склады и рельсовые пути. В устье реки пыхтела землечерпалка и скрежетала своими черпаками, прокладывая фарватер через бар, чтобы морские суда могли входить в реку к пристаням. На возвышенности левого берега проводились просеки будущих улиц, нарезались участки, рылись канавы для водопроводных и канализационных труб, телефонных и электрических кабелей, для фундаментов домов. На склонах Чанбошаня против будущего города были найдены толщи базальта и песчаника, годные для построек, и в разных местах стучали молотки каменотесов, а по утрам гремели взрывы, рвавшие скалы. Тысячами рабочих — корейцев, китайцев и японцев — руководили техники и инженеры: мерили, снимали планы, нивелировали. В боковых долинах пыхтели лесопилки, к которым со склонов подвозили стволы из разрежаемых лесов, превращаемых в парки.

В центре возвышенности была огорожена большая площадь, совершенно очищенная от леса. Среди нее возвышалось наскоро воздвигнутое из досок здание над шахтой, к углублению которой уже приступили. Внутри его устраивали фундаменты для подъемных машин, заказанных экстренно в Америке и ожидавшихся уже в мае с первыми пароходами. В середине чернела огромная яма в 8 м диаметром; на дне ее при свете калильного фонаря копошились люди; слышались глухие удары кайл и скрежет лопат о гальку. За первые две недели шахта углубилась на 25 м по наносам — пескам и галечникам, очень древним отложениям Тумень-улы на поверхности уступа; благодаря их высокому положению над современным уровнем реки и рыхлости вода в наносе еще не появлялась, и работа подвигалась быстро. Она шла безостановочно днем и ночью, в три смены. Два ворота, установленные с разных сторон шахты, беспрерывно вертелись, поднимая железные бадьи с добытой землей и спуская пустые. В мастерской, расположенной

по соседству, собирались звенья временной деревянной крепи, которая была необходима ввиду рыхлости наносов; ее должна была заменить каменная, как только шахта дойдет до твердых пород, способных выдержать тяжесть обмуровки. Звенья крепи постепенно спускали в шахту по мере ее углубления и подвешивали посредством железных скоб к ранее укрепленным; так крепь нарастала книзу, ряд за рядом, по мере того как шло углубление.

Вокруг временного деревянного здания над шахтой уже началось возведение постоянного каменного; оно состояло из стального «скелета», промежутки которого закладывались бетоном; части этого скелета также были заказаны в Японии и должны были прибыть с первыми пароходами; пока же клали фундамент и готовили бетон.

По соседству с огороженной площадью вытянулся ряд бараков, образовавших уже длинную улицу, шедшую от шахты к реке; в них помещались рабочие. Днем, когда все были на работе, а ночная смена спала, здесь было тихо и пустынно. Только в полдень, когда протяжные свистки лесопилок и землечерпалки возвещали об обеденном перерыве, сюда стекались со всех сторон ручейки и ручьи рабочих, спешивших в бараки; гортанный говор, смех и возгласы висели в воздухе, пока вся толпа не исчезала в дверях. Через открытые окна доносился шум разговоров, стук ложек; затем на некоторое время гул замирал — рабочие ложились на нары поспать полчаса, пока вторичные свистки не вызывали опять поток людей на улицу. Но на работу ручейки текли медленно, часто запруживаясь в озера. Под вечер из бараков выползали на улицу рабочие, собиравшиеся идти на ночную смёну; их было значительно меньше, так как многие работы — на канавах, в лесах, в каменоломнях — производились только днем. На некоторых спешных постройках, где на небольшой площади сосредоточивалось много людей, были поставлены керосинокалильные фонари, здесь работали и ночью. В ожидании свистка ночная смена собиралась на улице в кучки; усевшись на корточках в кружок, рабочие курили свои длинные трубочки и обменивались новостями.

После свистка улица опять наполнялась гулом и говором, в многочисленных окнах загорались огни, но толпа не так спешила на ужин, и шум продолжался все время. После ужина через открытые окна еще долго доносились разговоры, монотонные песни, звуки струнных инструментов, а на улице сновали, бродили, стояли или сидели на корточках люди, отдыхавшие после трудового дня.

В шахте работали исключительно горнорабочие, выписанные из Японии; они сменялись 3 раза в сутки — в восемь часов утра, в четыре часа дня и в полночь — и работали без перерывов. Им был отведен отдельный барак, возле которого всегда были люди из отдыхавших смен; но их было немного, и они не нарушали общей картины жизни улицы.

С другой стороны огороженной площади, по направлению к склону гор, были расположены бараки служащих и дома инженеров, также вытянувшиеся в улицу. Утром, в обед и вечером, когда служащие шли на работу или возвращались домой, эта улица значительно оживлялась. С третьей стороны площади находилась главная контора постройки и позади нее несколько больших складов. Здесь всегда было шумно и оживленно; приходили и уходили люди, привозили тюки и ящики, разгружали, нагружали, толпились нанимавшиеся или рассчитывавшиеся рабочие, сновали служащие, артельщики, подрядчики. В конторе щелкали счеты, стучали пишущие машинки, шли разговоры на различных языках.

Местность, еще в последних числах марта совершенно пустынная, в конце апреля, когда весна была в полном разгаре, представляла собой уже целое селение с несколькими тысячами жителей, росшее с каждым днем по мере развития работ.

4. В чистилище

К середине мая шахта достигла уже 100 м глубины и врезалась на 50 м в скалу, залегавшую под толщей древних наносов речной террасы.

За каждые 20 м рабочим выдавалась премия, чтобы побудить их к наиболее интенсивному труду. Получив сведения, что сотый метр закончен, Ельников предложил Фролову спуститься вместе с ним в шахту. Последняя уже не была открытой зияющей ямой, как в начале работ. Она была скрыта под железным колпаком с тремя дверьми, открывавшимися в различные отделения — подъемных клетей, насосов и вентиляционное; в последнем были также лестницы. Рядом с колпаком расположилась, поблескивая гигантскими стальными шатунами, кривошипами и цилиндрами, огромная подъемная машина, установка которой только что была закончена. До сих пор подъем добытой из шахты породы производился посредством конного ворота, а люди спускались и поднимались по лестницам, что с увеличивавшейся глубиной становилось все более утомительным и отнимало часть рабочего времени. Ночью ворот был убран, подъемная клеть, в которой помещалось два вагончика, заменила железные бадьи, и ждали только прибытия Ельникова, чтобы привести в движение части гиганта, покоившегося еще безмолвно на своем прочном фундаменте. Два стальных каната поднимались прямо вверх над колпаком шахты, перекидывались через большие шкивы, висевшие под крышей надшахтного здания, и спускались к огромному барабану, находившемуся в стороне, рядом с машиной; они навивались на барабан, словно кольца змей, блестевшие мелкой чешуей.

Ельников и Фролов осмотрели машину и затем, сопровождаемые дежурным инженером, направились к колпаку; перед ними открылась железная дверь, и они вступили на площадку клети, освещенную электрической лампочкой; вслед за ними рабочий вкатил по рельсам пустой вагончик, двери захлопнулись, инженер нажал кнопку звонка к машинисту, клеть слегка вздрогнула и стала падать вниз, бесшумно скользя по хорошо смазанным направляющим брусьям.

— Ух! — произнес Фролов, не привыкший спускаться в шахты и никогда не пользовавшийся лифтами из-за неприятного ощущения в сердце при стремительном движении вниз.

— Что, сердце обрывается? — засмеялся Ельников. — А между тем нас спускают со скоростью не более 2 м в секунду. Когда шахта достигнет 1000 м глубины, придется увеличить скорость до 5—6 м в секунду, чтобы не тратить слишком много времени на спуск и подъем.

— А что если клеть оборвется?

— На этот случай у нее есть автоматические тормоза, которые впиваются в направляющие брусья и останавливают клеть на протяжении 1—2 м. Но толчок, конечно, будет чувствительный. Впрочем, при правильном уходе и тщательном надзоре за исправностью канатов это не может случиться.

Между тем клеть летела вниз, и через густую сетку, окружавшую ее и не позволявшую высунуть даже палец, можно было различить, как с одной стороны мелькают кольца чугунной крепи шахты, а с другой — листы обшивки вентиляционного отделения. Во избежание пожара, грозившего самыми пагубными последствиями и для людей и для успеха работы, внутри шахты совершенно не было дерева, за исключением обшивки направляющих брусьев, где оно было необходимо для успешного действия тормозов клети.

По мере спуска глухой шум, доносившийся снизу, становился все сильнее и наконец достиг таких размеров, что Фролов, хотевший что-то спросить, не расслышал собственного голоса.

— Мы прибыли! — прокричал ему на ухо Ельников. — Спуск продолжался ровно одну минуту.

Инженер отворил дверцы клети. Одновременно открылись двери железного ящика, внутри которого клеть остановилась.

— С благополучным прибытием! — поздравил штейгер, показываясь в дверях.

Все трое вышли и очутились на железной платформе, подвешенной на высоте 6 м над дном шахты; она играла роль щита, защищавшего клети, обшивку шахты и ее отделений от повреждения осколками камня, которые взлетали при взрывах со дна. По мере углубления шахты она опускалась вниз, а над ней наращивали крепь, насосные и вентиляционные трубы, так что работа

шла одновременно и на дне шахты и над платформой. Возле люка в платформе стояла лебедка, посредством которой глыбы камня, добытые на дне шахты, поднимали вверх и нагружали в вагончики клети. Дуговой фонарь ярко освещал платформу и поднимавшиеся вверх брусья направляющих, которые вскоре, впрочем, исчезали во мраке ствола шахты. Вдоль стен два десятка слесарей заканчивали сборку звеньев недавно поставленного кольца крепи, соединяя их болтами.

Толстый резиновый шланг насоса и вентиляционная труба проходили сквозь пол платформы вниз. Лебедка вертелась взад и вперед, и то и дело в люке возле нее появлялись небольшие железные бадьи, из которых щебень и глыбы горной породы высыпались прямо в вагончик.

Когда поданный вагончик был заполнен и отведен в клеть, инженер нажал кнопку, и клеть поднялась на два метра; в уровень с платформой стало нижнее отделение ее, в котором также помещался вагончик. По заполнении его кнопку нажали 2 раза, клеть быстро взвилась вверх и исчезла в темноте, унося свой первый груз из недр земли на поверхность.

Фролов хотел было посетовать, что пуск в ход новой машины не был обставлен более торжественно; он любил званые обеды и тосты. Но не было никакой возможности объясниться с Ельниковым, потому что грохот, раздававшийся из-под платформы, заглушал не только слова, но и стук камней, сыпавшихся в вагончик, визг лебедки и лязганье ее цепей.

Проводив взглядом клеть, уносившуюся вверх, Ельников сделал какой-то знак инженеру, а последний — рабочему у вагончика. Тот нагнулся и поднял крышку второго люка, в отверстии которого оказалась лестница, ведшая на дно шахты. Инженеры один за другим спустились вниз.

Здесь также было светло и сравнительно просторно. Кругом поднимались стены шахты, еще свободные от крепи и состоявшие из чередующихся толстых и тонких пластов различных песчаников красно-бурого и грязно-зеленого цвета, лежавших горизонтально друг на друге, словно гигантские листы разноцветного картона. Местами их пронизывали белые жилки известкового шпата и кварца, то разбегавшиеся сетью, то сливавшиеся в одно целое. По стенам каплями и целыми струйками стекала вода, блестевшая, словно кристаллы алмаза, под лучами электрического фонаря, подвешенного к платформе. На дне шахты в трех местах стояли какие-то железные ящики, к которым сверху спускались провода электрического тока. Это были буры, неустанно сверлившие горную породу дна своими стальными наконечниками, выдалбливая в камне глубокие скважины — «шпуры» для закладки динамитных патронов, взрывавших затем скалу. Вот эти-то три бура и производили тот ужасающий стук, который заглушал все остальные звуки в шахте.

Возле каждого ящика стояли двое рабочих и следили за работой бура: время от времени останавливали его, вынимали стержень и заменяли иступившийся наконечник новым. Между ящиками валялись груды обломков, которые рабочие лопатами или руками нагружали в бадью лебедки для подъема наверх. Вдоль стен шахты несколько человек зубилами и молотками отбивали выдающиеся углы скалы, выравнивая ее до установленного диаметра. Вода, стекавшая со стен, сбегала в большую яму, откуда ее высасывал шланг насоса, спускавшийся сверху, словно поперечно-кольчатое туловище исполинской змеи. В другой шланг, не доходивший до пола, со свистом всасывался испорченный воздух, тогда как свежий поступал пока через люк лебедки прямо из ствола шахты. Со временем, при дальнейшем углублении шахты и повышении температуры горных пород, предполагалось нагнетать и свежий холодный воздух по трубе, которая устанавливалась рядом с высасывающей.

Углубление шахты подвигалось с точностью хорошо налаженного механизма. Каждая смена начинала с уборки породы, раздробленной предшествовавшими взрывами; когда рабочие спускались на дно шахты, оно представляло собой груды набросанных друг на друга крупных и мелких обломков, между которыми зияли ямы, отчасти заполненные водой. В течение первых двух часов все эти груды исчезали, поднятые лебедкой наверх, дно шахты становилось более или менее ровным, и на нем устанавливались перфораторы, которые в течение остального времени выбуривали необходимое количество шпуров, пока остальные рабочие доканчивали уборку обломков и выравнивание стен. Затем перфораторы поднимались на платформу, шпуры заряжались динамитом, и рабочие, закончив свою смену, выходили из шахты. В это время патроны взрывали посредством электричества, и когда следующая смена спускалась на дно шахты, густой дым от взрывов был уже высосан, воздух очищен, и все повторялось сначала. Каждая смена углублялась приблизительно на метр, так что в сутки шахта становилась глубже на 3 м.

Ельников и инженер Киото, ближайший руководитель по работам в шахте, обошли мастеров, стоявших у буров, и обменялись с ними рукопожатием; это было молчаливое поздравление с окончанием сотого метра, который был отмечен белой краской на песчанике стены.

Понаблюдав работу перфораторов, посетители опять поднялись на платформу, вошли в клеть подъемника, где уже стоял вагончик с породой, и в одну минуту очутились на поверхности.

— Ух, как хорошо наверху! — воскликнул Фролов, выходя из надшахтного здания и вдыхая полной грудью теплый весенний воздух. — После грохота в шахте мне кажется, что здесь могильная тишина. Там настоящий ад!

— Пока еще далеко до ада! — рассмеялся Ельников. — Это только чистилище, если хотите. Вот когда внизу будет 50—60° тепла и вода станет горячей, тогда это будет настоящий ад, и придется сменять рабочих каждый час.

— Но как у них не лопается барабанная перепонка от стука этих проклятых машин? Мне кажется, что я уже наполовину оглох, хотя пробыл там только не больше десяти минут.

— Привыкают! Кроме того, уши у них забиты ватой. Конечно, в конце концов слух у них притупляется.

— Кстати, я хотел спросить, почему вы не обставили более торжественно пуск подъемной машины?

— Что вы, Семен Петрович! Если мы будем праздновать все подобные случаи, которых будет еще много, мы не поспеем к сроку. Мы ведь чуть не каждый день пускаем в ход какую-нибудь машину или закладываем новое здание. Все наше время приходило бы в молебнах и тостах! Вот когда выстроим первую очередь зданий или когда пройдем первую тысячу метров в шахте, тогда можно и отдохнуть денек и попировать. А сегодня старший механик и инженер, которые сопровождали нас в шахту, будут у нас обедать — вот и все торжество.

5. Первые неприятности

В начале июня сооружением города Безмятежного был занят уже полный штат инженеров, техников и рабочих, и прибывавшим еще из Китая и Кореи приходилось отказывать. Появилась возможность делать выбор.

К середине месяца город уже значительно изменил свой облик; большая часть деревянных домов подводилась под крышу, а в каменных заканчивался второй этаж; здания росли на глазах, и правильные, широкие улицы города уже не выглядели только просеками в лесу, как месяц тому назад; среди зелени оставленных деревьев и кустов повсюду желтели, краснели, серели или чернели дома.

На песчаной косе в устье реки уже поднимался временный деревянный маяк, а рядом возводился постоянный — из железа и бетона. Этой работой и улучшением фарватера заведовал инженер, производивший также наблюдения над приливом и отливом. Он жил в маленьком домике на берегу моря, возле которого стояла также станция радиотелеграфа для сношений с Японией.

Шахта в середине июня достигла уже 200 м глубины, и работа в ней шла тем же темпом. Температура на дне ее достигала 20° С, что оправдывало предположения Ельникова, выбравшего эту местность, и позволяло надеяться, что глубина шахты, необ-

ходимая для достижения температуры кипения воды, окажется не более 2000 м.

Еще в начале июня было получено известие, что из столицы выезжают два члена правления акционерного общества, соорудившего город, и комиссия из нескольких акционеров, выбранная общим собранием, чтобы убедиться, что город действительно существует, а не является грандиозным блефом в американском стиле, на что намекали некоторые газеты, пытавшиеся дискредитировать эту затею.

Хотя акционеры общества и не читали этих газет, но слухи доползали до их ушей и несколько встревожили одних, поколебали доверие других. И чтобы положить раз навсегда конец сомнениям, директора правления предложили собранию акционеров выбрать комиссию и послать ее на место работ. Выбрали трех человек, к которым из членов правления присоединились сам Путилин как главный организатор предприятия и Баранов — первоначальный противник его и вообще большой скептик, желавший увидеть все своими глазами.

В середине июня комиссия прибыла на пароход из Владивостока, уже подготовленная к тому, что на Тумень-уле она увидит не пустое место, а нечто чрезвычайное. По мере того, как комиссия продвигалась по Сибири, рассказы о волшебном городе, растущем со сказочной быстротой, становились все более определенными; конечно, в них было много неверного, фантастического, нараставшего по мере передачи рассказов из уст в уста. Поэтому члены комиссии относились с известным недоверием к этим рассказам, сильно возбуждавшим их любопытство, и стремились узнать, наконец, истину.

Во Владивостоке Путилин купил географическое описание края и с этой книгой в руках вышел на палубу, когда пароход подплывал к устью Тумень-улы. Комиссия не сообщила о дне своего приезда, чтобы нагрянуть неожиданно и увидеть город в качестве простых туристов, а затем уже показаться в конторе. Поэтому пароход никем не был встречен и причалил к пристани, как любой грузовой.

Уже увидев маяк в устье реки, землечерпалку, пыхтевшую на баре, фарватер, обставленный белыми и красными бакенами, члены комиссии поняли, что после диких и пустынных уссурийских берегов они приблизились к культурному центру. Затем перед ними развернулась грандиозная картина пристаней с их лихорадочной деятельностью, с разгружаемыми судами, огромными штабелями леса, кирпича, угля, ящиков, бочек, с плотами, лесопилками, складами. Город, раскинувшийся на высокой террасе, не был виден с берега реки, и путешественники, оставив багаж на пароходе, возбужденные всем виденным, поспешили наверх вместе с другими пассажирами. Они побродили по улицам, вскоре заблудились и увидели, что без проводника им не обой-

тись. Но все, что они успели рассмотреть, совершенно успокоило их, и они поспешили к конторе, чтобы заявить о своем приезде.

Они застали только Фролова. Ельников был вызван в шахту, где в этот день случилось несчастье: после взрывов, в промежутке между двумя сменами насосы внезапно перестали работать и шахту затопило.

— Но я уверен, что скоро все будет исправлено и Аркадий Егорович вернется. Здесь его ждут спешные вопросы и люди, приехавшие из Владивостока по делам, — прибавил Фролов, приглашая прибывших в приготовленное для них помещение.

— А не сходим ли мы к шахте, господа? — предложил Баранов не без ехидной мысли застать главного директора в затруднительную минуту и понаблюдать его распорядительность.

Хотя все были утомлены переездом по морю и ходьбой по городу, желание увидеть знаменитую шахту перевесило усталость, и вся комиссия в сопровождении Фролова направилась через площадь к надшахтному зданию, которое прибывшие приняли, было, за балаган цирка. Возле здания толпились рабочие смены, не спустившейся из-за воды, и любопытные; все оживленно обсуждали происшествие.

— Аркадий Егорович в шахте, — доложил дежурный машинист. — Мы пытались уже пустить в ход запасный насос, но он работает впустую и воду не подает, хотя на днях еще был исправен.

— А зачем же директор спустился в шахту? — спросил Баранов. — Это ведь дело слесарей починить насосы.

— Аркадий Егорович там вместе с инженером Киото. Сами пожелали узнать, в чем дело, потому что слесаря не понимают, где порча, — ответил машинист.

— Странно! — заметил Фролов. — Но как же он спустился, если шахту затопило?

— Платформа еще не затоплена, Семен Петрович, вода поднимается медленно.

— Не желаете ли спуститься, господа? — спросил Фролов. — Увидите, кстати, шахту в спокойную минуту, когда там нет адского шума, от которого можно оглохнуть.

— А это не опасно? — спросил один из акционеров.

— Думаю, что нет. Впрочем, можно спросить самого Аркадия Егоровича.

Фролов подошел к телефону, соединявшему надшахтное здание с платформой, и позвонил; некоторое время ответа не было, но затем послышался звонок. Семен Петрович задал вопрос и получил ответ.

— Аркадий Егорович сообщает, что можно спуститься, но только немедленно, потому что вода поднимается и скоро затопит платформу, — сказал Фролов, возвратившись к остальным. —

Он просит спустить вместе с нами два новых шланга для насосов, — обратился он к машинисту.

Последний отдал приказ принести запасные шланги и пустить машину, чтобы поднять клети, находившиеся внизу. Плавно заработали шатуны, завертелись кривошипы, стальной канат побежал, наматываясь на барабан, и через минуту верхнее отделение клети появилось над колпаком шахты. Открыли дверцу, и из нижнего отделения вышел инженер Киото в брезентовой куртке, запачканной грязью и смазочным маслом. Фролов представил его посетителям.

— Ну, как дела? Что там случилось? — обратился к нему Путилин.

— Мы уже вскрыли камеры обоих насосов, — ответил Киото. — Они исправны, и единственное объяснение несчастия — внезапное засорение шлангов; поэтому мы хотим переменить их.

— Как же они могли засориться оба сразу! — вскрикнул Фролов. — Ведь запасный насос не работал.

— Это-то и непонятно! Понимаете ли, не подают ни капли воды.

В это время рабочие притащили два толстых шланга и сложили их в клеть.

— Пожалуйте! — предложил Киото. — Но поторопимся, иначе придется вам промочить ноги, — прибавил он, заметив нерешительность столичных гостей, никогда не бывавших под землей.

Фролов, подавая пример, вошел в клеть, за ним последовали другие. Инженер запер дверцу, нажал кнопку, и клеть понеслась вниз.

— Работает, как хороший лифт! — заметил Путилин. — А какая глубина достигнута?

— Вчера, кажется, прошли 195 м, — сказал Фролов.

— Вы не совсем в курсе дела! — улыбнулся Киото. — Если бы не случилась неприятность с насосами, мы сегодня к вечеру отпраздновали бы вторую сотню. Вчера было уже 198,5 м.

— Они идут так быстро, что трудно уследить за ними. Каждые сутки прибавляют 3 м, — пояснил Фролов.

— Иногда немного меньше, часто больше, в зависимости от твердости породы, — сказал Киото. — Вчера с утра начался очень рыхлый песчаник, и мы подвинулись почти на 6 м. Но зато и воды прибавилось, и, может быть, рыхлостью песчаника и прослойками глины в нем объясняется быстрое засорение насосов. [. . .]

Остановка клети прервала беседу. Ельников встретил их вопросом:

— Привезли шланги? Вода уже вышла на платформу. Каждая минута дорога.

Все поторопились выйти из клети, и слесари вытащили шланги.

— Старые уже отвинчены и утонули, — заметил Ельников, обмениваясь торопливым рукопожатием с гостями. — Их нельзя было вытащить — вероятно, придавило породой. Если новые не помогут — будет большая задержка. Шахту сильно затопит, прежде чем мы установим новый насос на более высоком уровне. Вы приехали в трудную минуту. Извините, что я не мог встретить вас наверху.

— Какие тут извинения! — прервал его Путилин. — Но я очень рад, что представители акционеров собственными глазами увидят, с какими затруднениями вам приходится бороться. Я надеюсь, что шахта не погибнет?

— Конечно, нет! С водой всегда можно справиться. Вся неприятность в задержке. До сих пор все шло как по маслу.

Ельников говорил отрывистыми фразами, как всегда в минуты волнения.

— Вода прибывает быстро! — сказал Фролов, указывая на окраины платформы, несколько выпуклой к середине; по краям под лучами фонаря уже широкой полосой блестела мутная вода; с каждой минутой полоса расширялась. В отделении насосов слышалась возня и сдавленные голоса, но когда они замолкали, в шахте водворялась жуткая тишина, так что слышно было зловещее журчание воды по стенкам за крепью.

— Один шланг привинтили! — раздался голос слесаря.

— Спустите сопло под платформу! — скомандовал Ельников, подошел к телефону и дал сигнал наверх.

— Пустите запасный насос! — прокричал он в телефон, когда конец шланга, окруженный густой сеткой, препятствовавшей проникновению обломков породы и грубого сора внутрь, был просунут в отверстие платформы. В отделении насосов что-то загудело, и все взоры в трепетном ожидании стали следить за краем полосы воды — будет ли он наступать по-прежнему или остановится.

— Берет, берет! — послышалось из насосной.

Действительно, приток воды прекратился, и полоса вскоре стала отступать, медленно, но неизменно.

— Ну, слава богу! — сказал Фролов, а Ельников облегченно вздохнул, — опасность затопления была устранена.

— Навинчивайте-ка новый шланг на второй насос! — распорядился он. — Нужно пустить и его, чтобы поскорее откачать всю воду и возобновить работу. И так уже два часа потеряли, — прибавил он, взглянув на часы.

— А сколько времени продолжится откачка? — спросил Путилин.

— Около получаса, я думаю. А до тех пор нам здесь делать нечего, господа, — обратился Ельников к посетителям. — Поднимемся наверх, и пока я вам покажу машины и объясню все.

— Когда откачаете воду, выдайте старые шланги наверх, мы там расследуем порчу, — прибавил он, обращаясь к Киото, который остался руководить работой, тогда как остальные вошли в клеть.

Когда они поднялись, был пущен второй насос. Немного погодя все смогли убедиться, что и из второй трубы широкой мутной струей полилась вода.

— Сердечно поздравляю! — сказал Путилин, пожимая руку Ельникова.

— Благодарю! Теперь я могу спокойно объяснить вам, что засорение насоса случалось и ранее. На то и поставлен второй, чтобы откачка воды не прерывалась. Вся опасность этого случая состояла в том, что и второй неожиданно отказал.

Он повел посетителей по надшахтному зданию, объясняя им устройство подъемной машины, насосов и вентилятора; рядом с последним шла установка огромного компрессора, новой машины, которая должна была вскоре заменить вентиляторы и нагнетать в шахту охлажденный воздух, чтобы понижать температуру. Затем посетили соседнюю мастерскую, где подготовляли звенья кольцевой чугунной крепи, тщательно подгоняя их друг к другу, чтобы внизу оставалось только ставить их на место и соединять болтами. Здесь визжали электрические напильники и сверла, стучали молотки; клещи небольшого крана подхватывали готовые звенья и складывали на вагончики, которые должны были везти их к клети.

Незаметно минул назначенный срок, и когда посетители вернулись к шахте, из клети как раз вытаскивали старые шланги.

— Откачали воду? — спросил Ельников подошедшего Киото.

— Не совсем. Но очередная смена уже спустилась и начала уборку породы. Теперь подаем крепь.

Действительно, к клети уже подкатывали два вагончика с звеньями крепи. Один насос был уже остановлен, а из второго вода лилась небольшой струей — откачка кончалась.

— Ну-ка, исследуем шланги! — распорядился Ельников.

Рабочие отвязали сетки с сопл — в них было только немного мелкого сора, который не мог препятствовать воде подниматься в камеру насоса. Отвинтили и внутренние стенки — и здесь ничего. Шланги казались исправными.

— Что за черт! — воскликнул Ельников. — Принесите-ка длинный прут. Нет ли чего-нибудь внутри шланга? Я начинаю подозревать злой умысел, — прибавил он вполголоса, обращаясь к Фролову.

Шланги растянули на полу и стали вводить в них железный прут. Недалеко от верхнего конца шланга он наткнулся на препятствие.

— Там что-то твердое, гладкое, вроде камня! — сказал рабочий.

— А ну, попробуйте вытащить его рукой, он близко, — приказал Киото.

Рабочий засунул руку в шланг.

— Не поддается, должно быть, круглый валун, застрял крепко, — говорил он, стараясь вытащить препятствие.

— Теперь все ясно! — воскликнул Ельников. — Естественным путем такой камень не мог попасть в шланг ни снизу через сопло, ни сверху из камеры насоса. Кто-то нарочно засунул его туда. Очевидно, и в другом шланге будет то же.

Прут и во втором шланге нащупал препятствие. Рабочий с трудом вытащил круглый валун, хорошо подобранный по диаметру трубы и загнанный в нее не без усилий. Злой умысел становился несомненным.

— Негодяй мог засунуть камень в шланг действовавшего насоса только сегодня во время взрывов породы, когда шланг поднимают и насос минут десять не работает. Запасный насос могли испортить и ночью, — сказал возмущенный Киото.

— Злоумышленник был не один, — заметил Ельников, побледневший от гнева. — Нужно по крайней мере два человека, чтобы отвинтить шланг и, придерживая эту тяжесть, забить туда валун. Они надеялись, что мы не сразу спохватимся переменить шланги, так что вода успеет затопить камеры насосов и проделка будет открыта спустя много часов, в течение которых они успеют скрыться.

— Так, так! — подтвердил Киото.

— Шланги еще и порезаны! — воскликнул Фролов, указывая на незаметные на первый взгляд разрезы, сделанные, очевидно, острым ножом в нескольких местах обоих шлангов.

Ельников отвел Киото в сторону и спросил у него тихо:

— Кого можно заподозрить в этой пакости? Это, скорее всего, кто-нибудь из слесарей при насосах, понимающих дело.

— Не думаю, слесари у меня надежные... А вот что! Вчера рассчитаны два крепильщика — Федорин и Долганов. Они раньше были при насосах, но переведены за небрежность и грубость на менее ответственную работу. Но сегодня в шахте я их уже не видел.

— Они могли спуститься по лестницам и притаиться в отделении насосов, пока все рабочие смены не ушли.

— А обратно тоже по лестницам? Почти 200 м! Впрочем, это возможно для молодых людей. И скрыться могли во время начавшейся суматохи.

— Сообщите полиции, чтобы их поискали по городу. И чтобы допросили рабочих второй смены, не видел ли кто-нибудь этих молодчиков сегодня возле шахты. А затем последите за слесарями. При малейшем подозрении, неаккуратности переводите из шахты на другую работу. В шахте должен быть народ абсолютно надежный. Иначе мы можем жестоко поплатиться. Пусть

сегодняшний случай, кончившийся благополучно, послужит нам предостережением.

Во время этого разговора из первого шланга удалось, наконец, вытащить не один, а два валуна, которые оказались обмазанными каким-то липким веществом. Очевидно, это был шланг запасного насоса, над порчей которого злоумышленники могли поработать без помехи подольше. У Ельникова мелькнула мысль, что проделка была слишком хорошо задумана и что если уволенные рабочие и явились исполнителями, то руководил ими кто-то другой. Если эта догадка была верна, то можно было ожидать в будущем новых неприятностей и приходилось все время быть настороже. Поэтому он сказал Киото, прощаясь с ним:

— Обратите также внимание на мастеров, занятых в шахте, на штейгеров. Даже на инженеров, ваших помощников. Нет ли среди них человека, желающего вредить нам исподтишка? Я боюсь, что инициатива сегодняшнего случая исходила не от уволенных слесарей.

Киото кивнул головой и направился к клети. Ельников, Фролов и гости покинули место происшествия после того, как первый распорядился отправить шланги и вынутые из них валуны в контору.

Комиссия провела целую неделю в городе Безмятежном и детально познакомилась со всем, побывала вторично в шахте во время работы, посетила пристани, склады, даже маяк и радиостанцию. Ее вполне благоприятное заключение было передано в Петербург и положило конец кривотолкам.

К середине июля шахта достигла уже 300 м глубины, и температура на дне ее дошла до 26° С. Это было уже довольно тепло, и пришлось пустить в ход компрессор, вдувавший свежий воздух, который понижал температуру рабочего пространства до 18°. На глубине 298 м свита песчаников, которую проходили все время после древних речных насосов террасы, кончилась, и под ней, совершенно неожиданно для Ельникова, оказался твердый базальт. Суточное углубление в нем сразу понизилось с 4—3 до 2 м. Чтобы поднять его хотя бы до 3 м, пришлось разделить сутки вместо трех на четыре смены, по шесть часов каждая; этим достигалась большая интенсивность труда. Зато базальт оказался не водоносным; вода проникала сверху, из свиты песчаников, только в верхние слои базальта, а через 4 м порода стала почти сухой. Поэтому, пройдя еще 4 м в сухом базальте, на этом пространстве плотно забетонировали промежуток между железной крепью шахты и ее базальтовыми стенками, чтобы остановить приток воды сверху из свиты песчаников. После этого в шахте стало почти сухо — вода просачивалась только кое-где через незаметные скважины в крепи, и насос работал не более четверти часа в каждую смену.

Глыбы базальта, вынутого из шахты, обтесывались тут же на площади, так как они должны были пойти на постройку больших домов, предназначенных для служебного персонала города, и для общественных зданий. Но к постройке их, первоначально предполагавшейся зимой, пришлось приступить немедленно. [...]

6. Раньше срока

В середине августа дожди кончились, засияло яркое солнце, и работа вокруг шахты закипела. Глубина шахты в это время достигала 480 м, и температура на дне повысилась до 38°. Геотермическая ступень в толще базальта постепенно уменьшилась с 20 до 16 м. Ельников ликовал: если бы удержалась величина в 16 м, то шахта вместо 2000 м могла бы иметь всего 1500 м глубины.

Электрическая станция вблизи шахты, построенная с самого начала, теперь была расширена, чтобы обслуживать все дома первой очереди, а на окраине города возведен был газовый завод. Готова была и гостиница на 300 комнат, в которой приезжающие акционеры могли найти приют на короткое время, пока закончат постройку для них особняков и квартир.

Первые акционеры прибыли в конце августа, а с начала сентября стали приезжать уже ежедневно большими партиями на специально нанятых японских пароходах, которые установили регулярное сообщение между Владивостоком и Безмятежным. Город в своей достроенной части сразу оживился.

Шахта в это время углубилась уже до 580 м, прорезала весь базальт, окончившийся на глубине 550 м, и шла теперь по древним сланцам, очень трещиноватым, крошившимся в мелкий щебень на первых саженях, но глубже становившимся все более твердым. Если пласты пройденных ранее песчаников и толща базальта залегали горизонтально, то эти древние сланцы были смяты в сложные складки и пересечены поясами смятия и раздробления по трещинам сбросов и сдвигов. Из этих поясов в изобилии вытекала вода, уже довольно горячая, так как температура на достигнутой глубине дошла до 45°. Работа становилась более трудной и без вентиляции была бы совершенно невозможной. Атмосфера в нижнем отделении шахты уже напоминала хорошую баню и была наполнена парами воды с сернистым запахом. Насосы опять работали непрерывно, компрессор вдувал холодный воздух, и тем не менее температура держалась около 27°. Во время взрывов от стенок шахты нередко отделялись большие глыбы сланцев по поясам смятия, поэтому приходилось заполнять бетоном пустоты, остававшиеся за крепью. Взрывчатые вещества действовали в трещиноватых сланцах менее успешно. В общем, несмотря на меньшую твердость породы, суточное углубление редко превышало 3 м.

Ельников вынужден был раньше времени объявить о сюрпризе, который они готовили акционерам, и сообщить, что их жилища будут готовы не к декабрю, а к концу октября. Это стало возможным благодаря постройке домов этой очереди не с фундамента, а с крыши. Теперь, когда все было налажено, можно было рассчитывать, что третья очередь будет закончена уже к Новому году, а четвертая — к началу весны. Ускорив постройку новых гостиниц, Ельников и Фролов надеялись, что уже в начале ноября в них найдут приют еще 4000 акционеров третьей очереди, о чем и телеграфировали правлению.

— Вы с Семеном Петровичем удивительные люди! — воскликнул Путилин, встретившись с Ельниковым. — Все у вас поспевает не то что к сроку, но много раньше. Я удивляюсь вашей энергии. Пожалуй, что и шахта будет готова раньше назначенного двухлетнего срока?

— Надеюсь, Василий Павлович, но не очень. При постройке города нам благодаря опыту, который учит нас ежедневно, становится все легче, так как внешние условия почти не меняются. Но в шахте условия становятся все труднее и труднее с каждой новой сотней метров, обнаруживаются неожиданные препятствия, и быстрота углубления может не увеличиться, а скорее уменьшиться.

— Какая глубина достигнута сейчас?

— Сегодня утром закончен 709-й метр, а за последний месяц пройдено всего 88 м, против 100 м за предыдущий. Древние сланцы, сквозь которые шахта проходит и сейчас, оказались хуже твердого базальта. Все трещины, сбросы, сдвиги, вода.

— Воды все больше и больше?

— Этого нельзя сказать. Мы в сланцах бетонируем через каждые 10 м весь промежуток между стенками шахты и крепью, так что бóльшая часть воды из пройденных толщ в шахту уже не попадает. Но открываются все новые водоносные трещины.

— А какова температура у дна шахты?

— Вчера наблюдение показало 49°. В сланцах геотермическая ступень стала опять увеличиваться и дошла до 25 м.

— На какую же глубину шахты вы теперь надеетесь?

— Если удержится ступень в 25 м, то глубина шахты должна быть около 1980 м.

— Значит, опять те же две тысячи! — разочарованно воскликнул Путилин. — А в августе, помнится, вы надеялись сбавить несколько сотен.

— Да, надеялся. В толще базальта ступень так уменьшилась, что я был в восторге. А в сланцах опять стала возрастать.

— Чем же можно объяснить это?

— Тем, что базальт — порода, излившаяся некогда в расплавленном виде на поверхность земли. Она до сих пор сохранила немного своего прежнего тепла и подогрела как вышележащие, так

и подстилающие породы. Но чем больше мы уходим вглубь от базальта, тем слабее становится его влияние.

— Может быть, глубже встретится еще какой-нибудь базальт?

— Возможно, что встретим если не базальт, то какую-нибудь другую изверженную породу, и она опять улучшит наши шансы. Благодаря пройденному базальту ступень для достигнутой глубины шахты в среднем составила только 18 м.

— Как вы рассчитали это?

— Глубина шахты 709 м, температура на дне 49°; средняя годовая температура этой местности около 20°. Вычитаем ее из 49 и на оставшиеся 39 делим 709, получим около 18,18 м.

— Работать на дне, должно быть, трудненько?

— Да, нелегко. Скоро нам придется прибегнуть к охлаждающим смесям или к жидкому воздуху, чтобы понизить температуру рабочего пространства. Пока еще достаточно сильной струи холодного воздуха.

— Кстати, нашли ли виновников порчи насосов, помните, во время моего прошлого приезда?

— Одного из них, Федорина, арестовали, когда он собирался сесть на пароход, увозивший вас во Владивосток. Другой скрылся. Но инициатор порчи, если таковой был, остался неизвестен.

— Новых попыток не было?

— Пока нет.

Один Ельников не разделял общей радости по случаю успешной постройки города и был озабочен своей шахтой. Сооружение города всегда было для него на втором плане, тогда как шахта, ради которой он затеял все предприятие, поглощала все его внимание. Благополучное ее окончание, осуществление грандиозной идеи, которая должна была дать человечеству новый и неистощимый источник тепла и энергии, заботило его прежде всего. Сооружение города давало средства для проведения шахты, и только поэтому он занимался им. Если бы ему сказали, что акционерное общество удовлетворено успехом города и решило прекратить углубление шахты, — он бы немедленно подал правлению заявление о своем отказе продолжать службу и отправился бы куда-нибудь в другое место, чтобы искать средства для осуществления идеи, которая преследовала его уже 20 лет, со времен студенчества, когда он на лекциях по геологии услышал о жаре земных недр. Найти способ использовать это тепло — сделалось задачей его жизни.

А шахта начала его сильно заботить потому, что в середине ноября на глубине в 750 м температура оказалась всего 52°. Пройденные за месяц 85 м повысили ее только на 3°, и геотермическая ступень определилась на этом протяжении уже почти в 30 м. С тех пор как кончился базальт, эта ступень неуклонно увеличивалась. Даже если бы она удержалась на достигнутой те-

перь величине в 30 м, глубина шахты должна была получиться 2300 м, уже на 300 м глубже, чем Ельников надеялся при составлении своего проекта. Но можно было с полным основанием опасаться, что ступень увеличится еще и что придется углубляться до 2500, 2700, даже 3000 м. С каждой лишней сотней метров затруднения и опасности должны были возрастать, стоимость работы страшно увеличиваться, окончание оттягиваться, и можно было опасаться, что акционерам, уже нажившим огромные барыши па сооружении города, наконец, надоест давать деньги на эту шахту, в успехе которой они начнут сомневаться.

В шахте все еще шли древние сланцы, раздробленные и смятые сбросами и сдвигами, богатые водой, борьба с которой становилась все труднее. Теперь уже беспрерывно действовали два насоса, выбрасывавшие каждый по 7 тыс. ведер в час. В течение суток 336 тыс. ведер высасывались из недр земли, образуя целый ручей, стекавший в Тумень-улу. На случай порчи насосов были поставлены еще два, потому что при таком притоке шахту могло бы затопить в короткое время. Это обилие воды также было непредвиденным; на основании данных из истории горного дела Ельников рассчитывал, что на более значительной глубине породы сделаются все менее и менее водоносными и, наконец, совсем сухими. Страшное давление вышележащих масс должно было не допускать существования многочисленных трещин, препятствуя проникновению воды сверху. Но эти сухие недра, очевидно, были еще впереди, может быть, очень глубоко!

20 ноября Ельников поднялся из шахты особенно озабоченный; в этот день закончили 766-й метр, и температура на протяжении последних 16 м повысилась не более, чем на четверть градуса. Ступень возрастала еще больше. [...]

7. Опасения рассеиваются

К середине декабря шахта достигла уже 894 м глубины, но температура горных пород на этом уровне повысилась только до 54°, всего на два градуса за месяц; геотермическая ступень для 90 м, пройденных за этот месяц, определилась уже в 47,8 м. Положение становилось тревожным, так как даже если бы ступень только удержалась на достигнутой величине, глубина шахты, необходимая для того, чтобы она соответствовала своему назначению, оказывалась уже около 3200 м. Таким образом, достигнув в течение восьми месяцев глубины в 894 м, приходилось еще углубляться на 2300 м. Двухлетний срок, назначенный для окончания шахты, казался при таких условиях слишком коротким, стоимость сооружения с каждой лишней сотней метров возрастала в геометрической прогрессии, и расходы могли поглотить все колоссальные барыши общества. Кроме того, на такой огром-

пой глубине, которой не достигала еще даже ни одна буровая скважина в мире, можно было ожидать таких препятствий и сюрпризов, что борьба с ними оказалась бы непосильной при современной технике.

Ельников стал плохо спать, похудел и осунулся. Его репутация была под угрозой, а грандиозная идея, осуществления которой он добивался столько лет, могла быть надолго дискредитирована.

Еженедельно он докладывал правлению о ходе работ в шахте и о перспективах, выяснявшихся при этом. С середины ноября он не мог уже скрывать своих опасений и в середине декабря был вынужден предложить правлению пригласить опытного геолога для консультации, так как сам не мог выяснить причину этого чрезмерного возрастания ступени на протяжении последних 200 м.

— Лучше остановить теперь же углубление шахты, если мы признаем поставленную задачу недостижимой, — заключил он свой доклад, — чем затрачивать огромные средства без надежды на успех. Пока еще шахта стоила не так дорого и уже может быть использована для получения горячей воды свыше 50°. Подогревание этой воды до точки кипения в котлах на земной поверхности потребует уже значительно меньше топлива, чем нагревание холодной воды, так что шахта окупится и всегда будет служить дешевым источником тепла и энергии, хотя и не в такой степени, как я рассчитывал.

Финансовый успех города сделал правление несколько равнодушным к осуществлению идеи Ельникова, и интерес к шахте ослабел. Скептик Баранов первый выразил это:

— Если так, то зачем нам тратиться на приглашение консультанта? Остановим углубление и приступим к немедленному использованию шахты, как предлагает Аркадий Егорович.

— С этим я не могу согласиться, — горячо возразил Ельников. — Это означало бы спасовать перед первым серьезным затруднением. Это слишком задевает мою честь как инженера, добившегося после многолетних усилий возможности осуществить идею, которая должна принести столько пользы человечеству. Специалист лучше сумеет выяснить это и, я надеюсь, все-таки докажет, что увеличение ступени временное; он объяснит его причины, для меня непонятные. Напомню вам еще раз, какие выгоды сулит нам осуществление шахты, если глубина ее не превысит или немного превысит 2000 м. Расход на консультацию — пустяки в сравнении с остальным.

После некоторых споров правление согласилось пригласить геолога. В ожидании решения вопроса постановили шахту углублять безостановочно, так как Ельников сумел убедить своих слушателей, что каждый лишний достигнутый градус дает большую экономию топлива.

В конце декабря приехал из Токио известный геолог Терияма, директор японского геологического бюро. Последнее с самого начала заинтересовалось шахтой Ельникова, который регулярно сообщал ему результаты наблюдения и посылал образчики горных пород, проходимых шахтой. Терияма ознакомился подробно с собранными данными; изучил коллекцию пород, в которой были представлены все пласты, пересеченные шахтой, рассмотрел детальный разрез этих пластов, составленный Ельниковым в масштабе 1 : 100, так что бумажная лента разреза имела уже более 9 м в длину; несколько раз побывал в шахте и сам произвел измерения температуры; наконец он тщательно исследовал местность вокруг города в радиусе 20—25 км. Все это заняло время до середины января. Шахта к этому сроку достигла 997 м; температура повысилась до 57°, и геотермическая ступень для пройденных за месяц 103 м определилась в 34,1 м. Это было уже значительное улучшение против того, что наблюдалось месяц назад; Ельников начал оживать и надеяться, что заключение будет благоприятным.

Закончив свои работы промерами глубины моря против устья Тумень-улы, Терияма представил правлению общества подробный доклад, сущность которого сводилась к следующему. Шахта прошла сначала свиту меловых песчаников и затем мощный покров базальта; влиянию этой породы, излившейся в расплавленном состоянии на дно неглубокого мелового моря, можно приписать ту небольшую величину ступени, которая наблюдалась на первых порах в шахте. Но затем последняя врезалась в свиту триасовых сланцев, в которых влияние базальта на поднятие температуры уже все более слабело при удалении вниз от границы этого покрова. Ненормально большая величина ступени в триасовых сланцах объяснялась тем, что они выходят и на дне современного моря, на значительных глубинах в 800—1000 м, наблюдаемых сравнительно близко от берега; дно круто опускается к этим глубинам, а обилие трещин в свите сланцев позволяет холодной морской воде просачиваться вглубь; хотя в районе шахты, довольно далеко от берега, эта вода уже согрета внутренним жаром Земли до 50—60° С, но, поглощая много тепла на это согревание, она тем самым влияет на ненормальное увеличение ступени в пределах этой водопроницаемой толщи. В шахте вода становится все более и более солоноватой по мере углубления в толщу сланцев, что подтверждает высказанное предположение о проникновении и влиянии морской воды. Последняя все-таки смешивается с пресной, идущей, вероятно, снизу, иначе вода в шахте была бы горько-соленой и охлаждающее влияние ее было бы еще больше.

На вопрос, насколько глубоко может еще продолжаться это вредное для успеха шахты влияние соседнего моря, Терияма ответил определенно. С углублением шахты более чем на 1000 м, т. е. с достижением ею большей глубины, чем дно соседнего

моря, вредное влияние последнего должно ослабевать все больше и больше, и геотермическая ступень должна приближаться к своей нормальной средней величине. Но есть основание думать, что это улучшение положения наступит и раньше, так как на дне шахты породы уже начали изменяться — триасовые сланцы приобретают признаки пород, измененных контактом с изверженной породой, например гранитом. Если это изменение будет усиливаться, то шахта почти несомненно вскоре врежется в гранит, в котором геотермическая ступень может даже очень быстро уменьшиться благодаря запасам тепла, сохранившимся в этой породе, которая некогда проникла в расплавленном виде из недр Земли в толщу сланцев. Поэтому весьма возможно, что глубина шахты окажется даже значительно меньше предположенных 2000 м. Эти выводы подтверждаются последними наблюдениями температуры на дне шахты — ступень на протяжении последних ста метров уже значительно уменьшилась.

Этот доклад, поясненный геологической картой и профилями, на которых наглядно обнаруживалось влияние базальта и водопроницаемых сланцев на колебание величины ступени, вполне успокоил членов правления, косившихся все это время на Ельшкова за его упрямство, вызывавшее бесполезную, как им казалось, трату денег. На заседании, где был сделан доклад, решили, безусловно, продолжать шахту еще метров на 500, на протяжении которых должно было выясниться, справедливы ли соображения эксперта.

В день доклада Терияма шахта достигла глубины 1001 м, и по случаю окончания первой тысячи метров правление устроило торжественный обед строителям шахты и эксперту. На обеде были произнесены речи; Терияма указал на громадное значение этой первой попытки использовать безграничные запасы тепла, таящиеся в недрах Земли. Он отметил, что как ни велики запасы других видов топлива — дров, каменного и бурого углей, нефти, торфа, но все они при возрастающем спросе со стороны техники, при сооружении все новых и новых железных дорог, фабрик и заводов, сильном развитии автотранспорта и авиации, истощаются и в недалеком будущем должны кончиться. Белый уголь, т. е. сила горных потоков, имеется только в гористых странах, и количество энергии, которое он может дать, ограниченно и недостаточно для удовлетворения всех потребностей человечества. Пора уже думать об использовании таких источников энергии, как солнечные лучи, сила морских волн, сила ветра; но первые во многих странах имеются в изобилии только летом и вообще распределяются на земном шаре очень неравномерно, так что околополярные страны почти лишены этого возможного источника энергии. Волны и ветер капризны и непостоянны и поэтому до сих пор используются

недостаточно. В сравнении с этими источниками энергии тот, который находится в недрах Земли, имеет большое преимущество, так как является постоянным и доступным в любом пункте суши. Нужно выработать только наиболее дешевые способы достижения этого скрытого на глубине источника. Поэтому предприятие, задуманное Ельниковым и осуществляемое обществом постройки города Безмятежного, имеет громадное значение как первый опыт использования этого источника. И даже если бы этот опыт оказался неудачным, он все-таки принесет огромную пользу, так как научит технику многому, позволит выработать новые приемы и проложит путь для дальнейших опытов, которые уже увенчаются успехом.

Ельников со своей стороны пожелал японским ученым и инженерам первыми использовать опыт данного предприятия, отметив, что обилие вулканов на островах Японии указывает на близость могущественных источников тепла к земной поверхности, так что шахты должны иметь сравнительно небольшую глубину. Он выразил надежду, что в недалеком будущем использование тепла земных недр получит широкое распространение.

После обеда Ельников предложил всем присутствовавшим спуститься в шахту, где в этот день, по случаю праздника, не было адского шума: действовали только насосы и вентиляции. Некоторые члены правления еще не бывали в шахте, а другие были в ней в самом начале, когда она имела меньше 200 м глубины. Побывать на глубине тысячи метров под землей и осмотреть шахту без всякой помехи показалось всем очень интересным.

Было уже 11 часов ночи, и электрические фонари освещали совершенно безлюдную площадь, через которую направились участники обеда. Небо было покрыто тучами, сквозь них по временам проглядывала почти полная луна; с моря тянул легкий ветер и приносил шум прибоя. Многие дома, окружавшие площадь, уже погрузились в сон, в других еще виднелись освещенные окна. Надшахтное здание было освещено слабо. Из него доносились шум воды, лившейся из насосов, равномерное дыхание паровой машины и тяжелые вздохи компрессора, гнавшего в шахту мощную струю воздуха, охлажденного в особых холодильниках до —25°. Временное деревянное надшахтное здание уже с начала осени было заменено постоянным, выстроенным из железа, камня и бетона и вполне застрахованным от пожара; оно было увенчано высоким куполом, который делал его похожим на собор, и вмещало все машины, обслуживавшие шахту, тогда как в более низких крыльях помещались с одной стороны сборочные мастерские, с другой — паровые котлы. У входа в здание стоял часовой; эта предосторожность строго соблюдалась, так как вредители, проникнув внутрь, могли испор-

тить машины и погубить шахту. Часовой пропустил посетителей, только спросив у них пароль, который назвал Ельников.

Внутри был полумрак; электрические лампочки горели только над машинами, возле которых сидели дежурный машинист и его помощник, поднимаясь время от времени, чтобы подлить масла в подшипники. Подъемная машина отдыхала; стальной канат, окутывавший своими изгибами ее огромный барабан, поднимался к большому шкиву, черневшему в полумраке купола, и спускался к кожуху шахты.

По знаку Ельникова здание осветилось всеми огнями, и посетители обошли машины, выслушивая объяснения инженера. Потом все подошли к входу в шахту.

— Через четверть часа должны спуститься запальщики, потому что в полночь первая смена начинает работу, — доложил машинист.

— Ну хорошо, спустите нас, а клеть поднимите. Если угодно, мы посмотрим, как будут заряжать шпуры, — обратился инженер к гостям, — и поднимемся назад с запальщиками.

Посетители разместились в обоих отделениях клети, и машина заработала.

8. Зловещий замысел

Старшим инженером, помощником Ельникова по сооружению шахты, был японец Киото; но несмотря на свою преданность делу, он не мог лично следить за всем и проводить в шахте целые сутки. Поэтому у него было три помощника-инженера, дежурившие в шахте поочередно, и четыре штейгера — по одному на каждую смену рабочих. Инженеры наблюдали за всем ходом работ, проверяли исправность канатов, клетей, насосов и машин, штейгеры находились безотлучно внизу вместе со своей сменой, производившей бурение шпуров, уборку взорванной породы и крепление шахты.

Среди помощников Киото был инженер Борский, поступивший с самого начала работ по рекомендации одного из членов правления общества. Это был человек ограниченный и озлобленный. Будучи студентом, он выделялся крайне правыми убеждениями и потому подвергался насмешкам и преследованиям своих товарищей, настроенных в большинстве противоположно; эти преследования вызывали его на различные выходки. По окончании курса он служил в Донецком бассейне, где пользовался репутацией инженера, сурово относившегося к рабочим. Поэтому он и был рекомендован правлению как человек, не сочувствующий никакой революции. Он претендовал на должность старшего помощника Ельникова, но вместо того попал в помощники к Киото; это страшно задело его самолюбие. Мысль о возможности исполь-

зования тепла земных недр он лелеял сам, и теперь его возмущало, что эту идею предвосхитил и осуществляет другой инженер, да еще с помощью японца. Мало-помалу он возненавидел обоих своих начальников и желал провала их предприятию. Он подговорил в самом начале работ двух слесарей испортить насосы и дал им указания в надежде на то, что после этого случая, который произошел во время дежурства японского инженера, последний вместе с Киото будет удален, а он займет место главного помощника. Попытка не удалась, и после нее Борский убедился, что за ним неустанно следят. Это еще больше озлобило его. Он затаил злобу в глубине души, внешне добросовестно исполняя свои обязанности и откладывая месть до удобного случая.

Проверяя по службе состояние склада взрывчатых веществ, он похищал их малыми количествами, сам изготовил жестяные коробки и приготовил разрывные снаряды. Прекращение работ на целые сутки по случаю прохождения тысячи метров, о котором говорили давно, давало ему возможность беспрепятственно исполнить свой замысел — испортить насосы, затопить надолго шахту и дискредитировать все предприятие в глазах акционеров. Он знал о неблагоприятном отношении членов правления к делу, знал, что Ельникову с трудом удалось добиться приглашения эксперта и разрешения продолжать шахту в ожидании его заключения. Но он не знал, что эксперт закончил уже работы и сделал благоприятное заключение; плохо понимая по-английски, он из разговора с Терияма во время посещения шахты последним вынес впечатление, будто эксперт пришел к выводам не особенно отрадным. Поэтому Борский надеялся, что внезапное затопление шахты будет приписано прорыву подземного потока воды и ввиду огромных расходов на борьбу с ней предприятие будет остановлено, что Ельников будет дискредитирован окончательно, а Киото уволен. Таким образом, он будет отомщен.

Заблаговременно, день за днем, Борский стал приносить в кармане наполненные взрывчаткой жестянки в шахту, пряча их за толстыми воздухопроводными трубами на несколько пролетов выше камеры насосов, так как туда контролю незачем было заглядывать. Накануне праздника он после своего дежурства не вышел на поверхность, а остался ночевать в шахте, захватив себе пищу и питье, так как боялся, что Киото распорядится запереть шахту на время остановки работ и проникнуть в нее будет невозможно.

Когда последние рабочие поднялись, Борский хотел тотчас же заняться приготовлениями к взрыву, но затем отложил свое намерение. Он сообразил, что если шахта заперта, то выйти из нее незаметно после взрыва будет невозможно. Взрыв, несомненно, услышат дежурные машинисты наверху, и если после него насосы перестанут работать, то злой умысел сразу обна-

ружится, выход из шахты будет строго охраняться, спустившиеся люди начнут осматривать отделение насосов сверху донизу и его поймают; последнее ему не улыбалось. Если же шахта не заперта, то положение после взрыва не становилось лучше, так как будут приняты срочные меры и он все равно будет пойман; подняться в клети, оставшись незамеченным, было невозможно; вылезать же с глубины 1000 м по лестницам превышало человеческие силы и во всяком случае потребовало бы столько времени, что нельзя было рассчитывать не встретиться с людьми, осматривающими насосное отделение для выяснения причин порчи. Но даже если бы ему удалось выйти незаметно, он был бы настолько разбит этим подъемом по лестницам, что не смог бы скрыться из города.

Обдумав все это, Борский решил отложить выполнение своего замысла до конца перерыва. Он знал, что первыми спустятся запальщики, чтобы зарядить приготовленные шпуры на дне шахты, и затем поднимутся опять наверх. Только через полчаса после этого спустится первая смена рабочих. Поэтому всего разумнее было подготовить взрыв насосов так, чтобы он совпал с взрывами на дне шахты и сначала остался незамеченным. С уходящими запальщиками можно было подняться наверх, не возбуждая ничьего подозрения, и немедленно скрыться из города. Для последней цели Борским был нанят человек с верховыми лошадьми, который должен был провести его ночью до первого русского селения, где можно было нанять экипаж и укатить во Владивосток.

Итак, ему приходилось ждать в шахте почти сутки, что при высокой температуре, господствовавшей внизу, было очень тягостно. Поэтому он поднялся по лестницам на 100 м вверх и расположился возле самой воздухопроводной трубы на полу отделения насосов; так как эта труба проводила воздух, охлажденный до —25°, то около нее было не так жарко; местами даже влага, осаждавшаяся из воздуха шахты на холодной трубе, сгущалась в виде инея. Разложив на железном полу свою брезентовую куртку, Борский уселся; кроме электрического фонарика, у него с собой были свечи. Зажечь электрическую лампочку, имевшуюся возле каждой лестницы, он боялся, чтобы не привлечь внимания кого-нибудь из спускающихся в шахту. Борский знал, что время от времени дежурные слесари должны осматривать все камеры насосов для смазки и контроля; спускаясь в клети, они могли обратить внимание на свет, горящий в одном из ярусов, и открыть его убежище. Поэтому свечу он заслонил, а при всяком подозрительном звуке тушил.

Было около часа ночи, когда Борский устроился в своем убежище, которое занимало около трети поперечного сечения шахты, имея в плане вид сегмента круга с хордой около 6 м

длины и высотой в 3 м. Один угол сегмента был занят двумя воздухопроводными трубами, одна из которых всасывала горячий воздух из шахты, а другая нагнетала холодный. В противоположном углу проходили четыре менее толстые трубы насосов — двух постоянно действующих и двух запасных. В промежутке между теми и другими, т. е. в самой широкой части сегмента, в железном полу был люк, ведущий вниз, в следующий ярус, а над ним поднималась наискось вверх железная лестница в следующий верхний ярус; ярус от яруса находился на расстоянии 10 м. По стенке, отделявшей сегмент от остального пространства шахты, в котором двигалась клеть, проходили кабели телефона, электрического освещения и тока для перфораторов и электромоторов. В каждом пятом ярусе, т. е. через 50 м, находились камеры насосов и была дверца, через которую слесари входили в отделение для контроля и смазки, остановив клеть на этом уровне; это производилось 4 раза в сутки, в течение последнего часа каждой смены, когда уборка породы со дна шахты и спуск крепей оканчивались и клети освобождались. Для своего убежища Борский выбрал, конечно, ярус без камер, так как они посещались для контроля труб только раз в неделю и можно было думать, что в праздничный день этого обхода не будет.

Расположившись на полу, Борский подкрепил свои силы закуской и несколькими глотками коньяка. Он был совершенно один на протяжении целого километра, но мертвой тишины в шахте никогда не было; в трубах, возле которых он сидел, глухо шумел воздух, а в противоположных трубах еще отчетливее шумела вода, поднимавшаяся непрерывным потоком вверх; кроме того, по трубам передавалось из камер мягкое жужжание моторов. Прислонившись головой к железной крепи шахты, можно было слышать, как за ней журчала вода, выходившая из горных пород.

Борский смотрел на желтый огонек свечи, еле освещавший ближайшие предметы, тогда как остальное пространство терялось в полумраке; он думал о том, что в этот раз никто не помешает выполнению его замысла. Загорится, шипя, зажигательный шнур, потом, когда он будет уже наверху, с грохотом взорвутся снаряды, разбрасывая осколки чугуна и железа, обрывки проволоки; остановятся насосы, и со дна шахты все выше и выше будет подниматься вода. Теперь приток не такой, какой был при первой попытке, а гораздо больше; за полчаса вода затопит не только платформу, но и взорванную камеру, которая станет недоступной; запасные насосы также будут испорчены. Пока установят новые — пройдут многие часы или даже дни и шахта будет затоплена на сотни метров, так что откачивание воды продолжится недели. Ельников и Киото будут думать, что вода прорвалась со дна шахты из какого-то подземного резервуара. Правление, удовлетворенное успехом города, не захочет тратить деньги

на восстановление шахты, окончание которой становится сомнительным и слишком дорогим.

«Если все удастся выполнить по плану беспрепятственно и так, что меня никто не сможет заподозрить, — думал Борский, — то, пожалуй, незачем бежать во Владивосток. Такое бегство сразу вызовет подозрение. Конечно, лучше остаться как ни в чем не бывало и наблюдать с удовольствием за Ельниковым и Киото, за их хлопотами. Бежать я всегда успею, если решат откачивать воду, и то только тогда, когда уровень ее понизится почти до взорванных камер. Только в случае неудачи взрыва или если кто-нибудь из инженеров увидит меня теперь в шахте, — нужно бежать немедленно».

Размышляя так, Борский задремал под однообразный шум в трубах, прислонившись к стенке шахты; неудобное положение вызвало беспокойный сон с кошмарными сновидениями. Один кошмар сменялся другим, и после каждого Борский просыпался наполовину, беспокойно ворочался и опять засыпал. Услышав над своей головой топот ног по железным листам, он в ужасе проснулся окончательно.

«Накрыли!» — пронеслось в его голове. Он потушил огарок свечи, тихонько поднялся и притаился, прислушиваясь.

Ходили в ярусе с камерой насосов, находившемся в 20 м над его головой; через два люка оттуда проникал отблеск света, зажженного вошедшими слесарями.

Борский колебался между страхом и надеждой, прислушиваясь с тревогой к тому, что делалось наверху. Там возились у камер насосов — наливали масло в масленки и разговаривали. Он с тревогой вслушивался в разговор, но шум воздуха и воды в трубах мешал ему разобрать слова.

«Должно быть, не заметили света! А если с ними Киото и он потихоньку крадется вниз по лестницам, чтобы выяснить причину сразу погасшего света?»

Мурашки пробежали по спине Борского, и он нащупал в кармане револьвер, а затем, крадучись, чтобы не стучать сапогами по плитам железного пола, подошел к лестнице и взглянул наверх через люк, над которым виднелась следующая лестница, уже достаточно освещенная лампочкой, прикрепленной к стенке над ее концом. На лестницах не было никого.

«Уехали, слава богу! Но, значит, я проспал то время, когда они были в нижних камерах. Оттуда они тоже могли бы заметить свет. Впрочем, снизу он еще менее заметен, чем сверху». Он зажег свечу и посмотрел на часы. Была половина седьмого.

«Ну, теперь до двенадцати можно быть спокойным и поспать еще. А если Киото вздумает проверять насосы в промежутке? Если спать, то без свечи, чтобы не нарваться!»

Он снял куртку, свернул ее и положил себе в изголовье, хлебнув предварительно несколько хороших глотков коньяку;

револьвер, спички и фонарик положил возле себя и лег, задув свечу. Сначала в абсолютной темноте шахты было немного жутко, но скоро действие коньяка и однообразный шум в трубах убаюкали его, и он спокойно заснул на своем жестком ложе. В этот раз кошмары не преследовали его.

Проснувшись от чувства голода после нескольких часов крепкого сна, Борский не сразу понял, где он, почему не в своей кровати, почему так темно, что за шум кругом. Наконец, очнувшись, он зажег спичку, взглянул на часы; было почти одиннадцать.

«Есть время спокойно позавтракать при свете, а потом переждать в темноте посетителей», — подумал он, зажег свечу, достал сверток с бутербродами, флягу с коньяком и начал есть. Голова его совсем одурела от жары, в горле пересохло, и сухая еда проглатывалась с трудом.

9. Ужасы темной шахты

Легкий шум за стеной, отделявшей Борского от подъемного отделения шахты, прервал его мечты и заставил вздрогнуть. Он быстро потушил свечу, надел куртку, чтобы приготовиться на всякий случай к бегству по лестницам вверх или вниз, и стал прислушиваться. Приложив руку к стене, он ощутил легкое дрожание, постепенно усиливавшееся; клеть спускалась вниз; когда она проходила мимо него за стеной, он расслышал разговор и различил голос Киото.

— Японец спускается на ревизию! — прошептал Борский. — Но не станет же он подниматься по всем лестницам и заглядывать в каждом ярусе за все трубы! Это заняло бы у него целый день.

Дрожание прекратилось; клеть остановилась у нижней платформы. Чуть слышно донеслись снизу шаги тяжелых сапог по железным плитам, стук открываемой двери. Нагнувшись к люку, Борский различал далеко внизу свет загоревшейся лампочки. Он с тревогой следил за ним; если Киото вздумает подняться на три лестницы вверх и заглянет за трубы, он увидит жестянки и зажигательный шнур и поймет, в чем дело. Катастрофа будет предотвращена, начнутся поиски, придется спасаться.

— Живым я им не дамся! — прошептал Борский. — Если настигнут — буду стрелять. Два револьвера и две обоймы, две дюжины пуль — достаточно, чтобы свалить нескольких человек. Потом вызову клеть, поднимусь, сообщу, что в шахте несчастье, и в суматохе скроюсь.

В тревожном ожидании минуты протекали ужасно медленно, а страх возрастал. Борскому уже казалось, что осматривают ярусы выше камеры и вот-вот обнаружат снаряды; он инстинктивно сжал в кармане револьвер.

Но вот свет погас, хлопнула дверь, возобновилось дрожание стенки. Клеть поднималась к следующему ярусу с камерами, под самым его убежищем.

— Слава богу! Снарядов не нашли! — прошептал Борский. — Теперь могут случайно накрыть только меня.

Опять хлопнула дверь, зажегся огонь — уже гораздо ближе, всего в 30 м под ним; зазвенели шаги. Слышны были и голоса, но слов нельзя было разобрать из-за шума в трубах. Нагнувшись к люку, Борский смотрел и слушал, затаив дыхание, готовый бежать вверх, если японцы вздумают подниматься по лестницам.

Его опасения были не напрасны. Пока слесари осматривали камеры насосов и наливали масло, Киото с нижнего яруса поднимался с фонариком в руках на два пролета вверх, осматривал площадку, заглядывал за трубы. И теперь, пока слесари были заняты у камер, Киото с фонариком полез, но не наверх, а вниз и осмотрел еще два яруса; не найдя ничего подозрительного в первом, он удовольствовался общим осмотром второго и не заглянул за трубы, за которыми как раз и лежали снаряды. Борский был на волосок от неудачи. Он задрожал, когда увидел через люки, что японец полез вниз, сначала на одну лестницу, потом на вторую. Сердце замерло в ожидании, что вот-вот Киото крикнет слесарей или подбежит к телефону, имевшемуся в каждом ярусе, чтобы поднять тревогу.

Но Киото спокойно поднялся обратно и вышел со слесарями; свет погас, клеть опять пошла вверх и остановилась на 20 м выше убежища Борского. Хлопнула дверь, зажглась лампочка, теперь совсем близко вверху.

«Если этот проклятый японец опять полезет вниз, — он накроет меня!» — подумал Борский, подхватил свою брезентовую куртку, валявшуюся на полу, и подошел к люку, чтобы при появлении Киото сверху заблаговременно уйти на ярус вниз. Но в этот раз Киото полез наверх и осмотрел только один ярус, ближайший к камере.

Когда он со слесарями поднялся в клети выше, Борский облегченно вздохнул; опасность миновала, и теперь можно было успокоиться до следующего посещения — через шесть часов, а за это время заняться окончательной подготовкой снарядов. Забрав свое имущество, он осторожно спустился к своему складу, зажег свечу, достал из-за труб восемь жестянок, сверток зажигательного шнура, а из кармана — коробочку с пистонами и маленькие клещи. Расположившись на полу, он осторожно открывал у каждой жестянки крышку с маленьким круглым отверстием; отрезав кусочек зажигательного шнура, он вставил его одним концом в пистон, тщательно и осторожно зажал клещами края последнего, чтобы он не мог соскочить со шнура, затем вдавил пистон во взрывчатую массу внутри жестянки, продел второй

конец шнура через отверстие в крышке и закрыл жестянку. Оставалось положить жестянку куда следует и зажечь конец шнура, чтобы через некоторое время, в зависимости от длины шнура, последовал взрыв. Эта работа заняла около двух часов. Закончив ее, Борский опять запрятал приготовленные жестянки за трубы, так как опасался, что Киото при следующем посещении снова будет шарить по ярусам. Но потом ему пришло в голову, что лучше найти другое место, подальше, так как один раз Киото чуть-чуть не обнаружил склад, а во второй раз мог его найти. Поэтому Борский спустился на дно шахты, чтобы посмотреть, нет ли там лучшего убежища. На самом дне некуда было спрятать жестянки — все было открыто взорам; разве засунуть их в воду — но шнур будет торчать, да и в горячей воде столько часов держать снаряды нельзя; могут размокнуть пистоны, шнур. На платформе же оказалось больше укромных мест; здесь стояли ящики перфораторов, под крышки которых Борский подумал, было, спрятать жестянки; но свободное пространство оказалось недостаточным. Наконец, его взгляд упал на вагонетку; она была наполнена мелкими обломками сланца только на треть и потому не поднята наверх. Схоронить жестянки в этом сланце было легко. Никто не станет подозревать, что что-нибудь спрятано в вагонетке, стоящей на глазах у всех.

Борский полез назад в свой склад и стал переносить жестянки вниз; приходилось брать сразу только по две в карманы брезентовой куртки, так как руки были нужны — одна для фонарика, другая — чтобы держаться при спуске.

Пришлось подняться и спуститься 4 раза, в общем на 240 м, что было довольно чувствительно. Но зато жестянки лежали теперь в сухом и безопасном месте, засыпанные слоем мелкого сланца.

На это занятие ушло более часа. Оно сильно утомило и взволновало Борского, так как каждый раз, выходя из отделения насосов на платформу, он рисковал столкнуться с неожиданно спустившимся в шахту Киото.

Был уже четвертый час, когда он запрятал последнюю пару жестянок. До очередного посещения слесарей оставалось почти два часа, которые следовало посвятить отдыху, чтобы быть опять готовым к бегству. Но где укрыться?

«Неужели Киото снова спустится со слесарями и будет лазить по ярусам?» — с унынием подумал Борский, медленно и неохотно взбираясь по лестницам. Ноги и руки у него ныли, колени не сгибались; его мучила жажда и голод.

«Ну, обход пройдет, тогда можно закусить и проспать часов пять перед окончанием дела!» — подбадривал он себя. Поднявшись на шесть пролетов и достигнув яруса, где раньше были спрятаны жестянки, он почувствовал, что дальше лезть не в со-

стоянии. От высокой температуры и усилий он был весь в поту и тяжело дышал.

«Пережду здесь! Авось Киото не явится. Не думал я, что выждать в шахте сутки будет так трудно!»

Он сел, прислонившись спиной к стенке, чтобы почувствовать дрожание ее, когда клеть будет спускаться, и задремал.

Прошло около четверти часа, когда стук, раздавшийся очень недалеко, вернул его к сознанию. Он встрепенулся и заглянул в люк. Под ним в 30 м был уже свет; он не заметил, как спустилась клеть.

Да, слесари были уже у насосов. А по лестнице кто-то лез вверх с фонарем на груди. Вот он поднялся на ярус и скрылся из поля зрения Борского; очевидно, осматривал трубы. Вот он подошел уже к следующей лестнице. Нужно спасаться, пока он не слишком близко. Но приходится лезть в темноте и осторожно, чтобы не выдать себя, а он лезет с фонарем, быстро, со свежими силами! Это, наверно, Киото!

Такие мысли промелькнули в голове Борского, который видел себя уже обнаруженным, пойманным. И вместе с тем он медлил, парализованный страхом.

Борский осторожно полез наверх, прислушиваясь, чтобы уловить малейший подозрительный звук. Просунув голову в люк, осветил следующий ярус — никого.

«Теперь можно отдохнуть и поесть; осталось шесть часов до следующего контроля, а затем — трах-тарарах! — конец шахте Ельникова».

Он выбрался из люка, зажег свечу и, вынув остатки провизии и коньяк, стал подкрепляться с жадностью, не переставая поглядывать с тревогой то на верхний люк, то на нижний. Из того или другого внезапно мог показаться Киото.

Но все было спокойно, Борский благополучно окончил свой ужин и улегся на куртке, намереваясь основательно отдохнуть перед заключительным актом драмы. Его несколько тревожила мысль, что он может проспать до времени спуска запальщиков и тогда все предприятие не удастся. Поэтому он решился завести будильник своих карманных часов и положил их на пол возле себя. Благодаря резонансу от железа бой их должен был быть слышен, несмотря на шум в трубах. Он потушил свечу и уснул крепким сном после всех тревог длинного дня.

Будильник разбудил его в половине одиннадцатого, а через пять минут послышался стук двери и шаги внизу; это пришли уже слесари с последним обходом перед возобновлением работ. Через полчаса должны спуститься запальщики, и Борскому нужно было действовать быстро, чтобы перенести свои снаряды из вагонетки в камеру насосов до прихода запальщиков. Теперь весь успех зависел от того, не спустится ли опять Киото и не останется ли в камере до начала работ; в последнем случае при-

шлось бы отказаться от задуманного, оставить жестянки в вагонетке, а самому спасаться. Если снаряды не взорвутся от детонации при взрывах на дне шахты, то их выдадут вместе с вагонеткой наверх, в отвал, где их, конечно, могут заметить при дневном свете. Если же детонация будет — она разрушит платформу с лебедкой, перфораторами, повредит направляющие и вообще низ шахты; в том и другом случае необходимо бежать из города этой же ночью.

Борский следил через люк за слесарями, работавшими в камере на 30 м ниже его; на этот раз Киото с ними, к счастью, не было; по крайней мере, никто не шарил по лестницам с фонарем. Поэтому как только слесари вышли и клеть перенесла их выше, Борский стал потихоньку, не зажигая огня, спускаться, чтобы быть уже внизу, когда можно будет начать работу. Он пробирался очень осторожно, чтобы не делать ни малейшего шума и вместе с тем чтобы не оступиться на лестницах и не свалиться в люк. Когда слесари поднялись настолько высоко, что уже не могли услышать слабый шум и различить слабый свет внизу, Борский зажег свечу в самом нижнем ярусе, открыл дверь на платформу и стал переносить снаряды из вагонетки вверх, в камеру насосов, ближайшую к платформе. Исполнив это, он приступил к установке снарядов. Механизм каждого насоса состоял из двух частей, помещенных в наглухо закрытых чугунных коробках; в одной был электромотор, в другой колесо с лопатками, которые загребали воду снизу и подавали ее вверх по трубе до следующей камеры с таким же устройством, находящейся на 50 м выше. Обе коробки стояли одна возле другой, на расстоянии дюйма. Снаряды же, изготовленные Борским, были плоскими, и их можно было плотно задвинуть в этот промежуток, по одному с каждой стороны общей оси мотора и колеса. Таким образом, взрыв двух снарядов должен был разрушить обе коробки с заключенными в них механизмами и сразу прекратить высасывание воды. Насосов было четыре — два действующих и два запасных на случай порчи первых; поэтому Борский и изготовил восемь снарядов, чтобы одновременно уничтожить все насосы. Взрыв восьми сильных снарядов, расположенных близко друг от друга, должен был не только испортить насосы, но и повредить воздушные трубы, соседние лестницы, может быть, даже крепь шахты и направляющие клети, вообще произвести серьезные разрушения.

После переноса жестянок в камеру Борский вставил их в назначенные им места, расправил зажигательные шнуры и стал ждать прихода запальщиков. Длина шнуров была рассчитана на время горения их в течение десяти минут. Поэтому зажечь их следовало только тогда, когда запальщики кончат заряжать шпуры на дне шахты и начнут вылезать на платформу, чтобы войти в клеть и подняться наверх. Борский, присутствовавший многократно при этой работе, знал точно, сколько времени она зани-

мает и поэтому мог определить момент зажигания так, чтобы успеть затем спуститься на платформу одновременно с выходом на нее запальщиков. Нужно было только не пропустить прибытие клети, доставившей их вниз. Поэтому он, установив жестянки, потушил свечу, чуть приоткрыл дверь из камеры в шахту, чтобы увидеть спуск клети, и стал ждать. Его тревога миновала, он был уверен, что все обойдется без помех.

Вот промелькнула освещенная клеть с людьми; затем внизу послышались шаги, голоса. Борский закрыл дверь, зажег свечу, вынул часы и стал следить за стрелкой; теперь сердце его билось учащенно — приближался решительный момент. Он стоял вблизи люка с часами в одной и свечой в другой руке, готовый в нужный момент зажечь шнуры.

И вдруг он услышал, что кто-то в темноте крадучись поднимается по лестнице к нему.

«Наверно, Киото! Спустился с запальщиками и лезет проверить насосы... Все пропало, нужно бежать!»

Один взгляд в люк показал Борскому, что человек уже совсем близко — на верхних ступенях последней лестницы. Борский погасил огонь и быстро полез вверх, рассчитывая увлечь преследователя подальше от снарядов, расправиться с ним и все-таки кончить свое дело.

Но при переходе с одной лестницы на другую Борский замешкался в темноте, преследователь же зажег фонарь и полез быстро, как обезьяна. На следующей лестнице Борский почувствовал, что его схватили за ногу; он обернулся и увидел под собой лицо Киото. Недолго думая, он выхватил револьвер, нацелился в эту ненавистную физиономию, нажал курок раз и второй. Но свет погас раньше первого выстрела, а после второго сильная рука сдернула его с лестницы, и в темноте началась отчаянная борьба.

10. Пойман!

Ввиду большой глубины шахты спуск продолжался уже четыре минуты при скорости более 4 м в секунду. Непривычным гостям казалось, что клеть оборвалась и они летят в бездну. Сквозь сетку в полумраке мелькали звенья крепи, перекладины, платформы; слышалось резкое пульсирование насосов и глухой шум воздуха, вдуваемого по трубам; становилось все теплее и теплее, воздух был насыщен влагой. Наконец, клеть остановилась и посетители вышли из нее на платформу, ярко освещенную дуговым фонарем, но совершенно пустую. Лебедка неподвижно склонилась над люком в нижнее отделение; рядом стояли ящики перфораторов, лежали короткие и длинные буры, молотки.

Через второй люк и по лестнице спустились вниз. Здесь было

еще более пусто. На неровном дне шахты в разных местах серели затычки из промасленной пакли, которыми были заткнуты шпуры — буровые скважины, приготовленные для вкладывания в них динамитных патронов. В одном месте чернела квадратная яма, в которую со всех сторон струйками и ручейками стекала вода; погруженные в нее своими соплами два толстых шланга жадно сосали эту воду, вздрагивая под ее напором. Казалось, что две огромные змеи, свесившись головами вниз, утоляют свою жажду. По черным стенкам шахты, щетинившимся тонкими плитками сланцев, повсюду стекала вода, капала в лужицы, сверкала огнями под лучами фонаря. Кое-где прихотливо извилистые снежно-белые прожилки известкового шпата и кварца резко выступали на мрачном фоне. От стенок и из ямы с водой шел легкий пар, и воздух в шахте был насыщен им, как в бане, и был так же горяч, несмотря на то, что из многочисленных отверстий по периферии платформы вдувался ледяной воздух, обвевавший стенки.

Гости невольно один за другим нагибались, щупали рукой дно шахты или пробовали пальцем воду в ручейках и отдергивали руку с возгласами «ого!» или «какая горячая!» С непривычки становилось трудно дышать, а капли пота появились на всех лицах.

— Ну нет, мы здесь долго не выдержим! — сказал Путилин, вытирая лоб.

— Как тут люди работают? — удивился Функельштейн.

— Если бы не было воды, было бы еще хуже, — заметил Баранов.

— Наоборот, было бы лучше, — объяснил Ельников. — Сухой жар переносится человеком гораздо легче, чем влажный. В сухой, накаленной пустыне вы ходите свободно, тогда как во влажном климате морского берега при той же температуре изнемогаете при каждом движении. Мы надеемся, что когда пройдем эти трещиноватые сланцы, прекратится приток воды и станет легче, хотя температура будет выше.

— Совершенно верно! — заметил Терияма. — Поэтому европейцы так плохо переносят влажный климат тропического пояса и хорошо приспосабливаются к сухой жаре Египта, Алжира, Аравии.

Он подошел к стенке шахты, вырвал из нее плитку сланца, осмотрел и передал Ельникову со словами:

— Взгляните, как изменилась порода вашей шахты! Вместо тускло-черного сланца, залегавшего выше, здесь слабо блестящий, слегка отливающий серебром, благодаря обильно появившимся мельчайшим блесткам белой слюды. А кое-где рассеяны мелкие, нерезко очерченные бугорочки; это уже, несомненно, узловатый сланец — порода, слегка измененная контактовым метаморфизмом от тепла, который выделял при остывании зале-

гающий где-то внизу гранит, — прибавил он в пояснение присутствующим, не посвященным в тайны геологии.

— Вы полагаете, что шахта скоро достигнет этого гранита? — спросил Фролов.

— Почти уверен в этом и думаю, что она в нем же и окончится, достигнув желаемой температуры. Геотермическая ступень будет теперь уменьшаться, гранит сохранил еще часть своего жара и отдаст его вам.

— Он уже здорово греет нас сквозь эти сланцы! — воскликнул Путилин. — Я начинаю задыхаться и не могу ждать спуска запальщиков. Поднимемся наверх, Аркадий Егорович!

— Да, мне тоже становится не по себе! — подтвердил Функельштейн. — После обеда с винами сердце и так уже работает слишком сильно. А тут прямо банный полок.

— Ну что же, поднимемся. Вы видели достаточно, чтобы поверить в осуществимость моей идеи, узнали, как горячи земные недра.

Посетители один за другим вылезли через люк на платформу, где им показалось немного прохладнее.

— Это как бы предбанник! — пошутил Фролов. — Я убедился, что шахту во всяком случае можно использовать как великолепную баню; здесь раздеваться, а затем с веничком в руках спуститься по лестнице вниз; там и горячая вода и накаленные камни.

— Идея! — воскликнул Путилин. — Когда шахта будет готова, нельзя ли будет приспособить часть ее, не слишком горячую, в качестве бани для горожан?

— Где же инженер Киото? — поинтересовался Терияма. — Он с нами спустился, а потом куда-то исчез, а я хотел бы пожать ему руку перед отъездом.

— В самом деле, его не было с нами внизу, нет и здесь! Куда он мог деваться? — спросил Фролов.

— Может быть, он поднялся к камерам насосов на несколько лестниц верх? — предположил Ельников.

Он подошел к телефону, чтобы спросить, пришли ли запальщики и если нет, чтобы спустили клети без них. Вдруг откуда-то сверху из мрака шахты раздались один за другим два выстрела. Все вздрогнули от неожиданности. Ельников бросился к маленькой двери, которая вела в насосное отделение и к лестницам. Фролов и Терияма последовали за ним, остальные, не умевшие ориентироваться в шахте, застыли в недоумении.

И вот сверху раздался громкий крик:

— Ко мне наверх! Скорее на помощь! Пять лестниц!

Ельников узнал голос Киото и поспешил вперед; поднимаясь по лестнице, он достал и засветил электрический фонарик. В отделении было темно, так как лампочки зажигались только в случае надобности. Фролов и Терияма лезли за ним.

Наверху слышалась возня, топот ног по железным листам пола, заглушенные голоса.

Ельников, более опытный в лазании по крутым лестницам шахты, намного опередил следовавших за ним и проник на площадку над пятой лестницей, когда оставшиеся в темноте Фролов и Терияма находились еще на четвертой. При свете своего фонарика он увидел Киото, сидевшего верхом на поваленном навзничь человеке и державшего его за руки, тогда как последний старался сбросить своего врага. Рядом валялись две шапки, какой-то мешок и револьвер.

— Держите его за ноги! — крикнул Киото, как только голова спешившего на помощь показалась из люка. — Я изнемогаю.

Ельников быстро вылез на площадку, поставил фонарик на пол и навалился на ноги отбивавшегося, который застонал под его тяжестью.

— Нет ли у вас веревки или ремня? Дайте скорее! — голосом, прерывающимся от напряжения, проговорил Киото.

Ельников быстро отстегнул ремень, стягивавший его брезентовую куртку. В это время из люка вылез Фролов и помог Киото скрутить руки пленнику, который, убедившись в бесполезности сопротивления, перестал бороться и лежал, тяжело дыша. Киото приподнялся и, шатаясь от изнеможения, прислонился к стенке; его лицо было в крови. Фролов поднял фонарик и осветил узкое пространство между люком, толстыми трубами насосов с одной, такими же трубами вентиляции с другой и лестницей, поднимавшейся круто вверх с третьей стороны, на котором только что происходила борьба двух людей не на жизнь, а на смерть. Теперь здесь лежал со связанными руками побежденный, а на его ногах еще сидел Ельников.

— Вы ранены? — спросил последний, увидев измазанное кровью лицо Киото.

— Нет, он расшиб мне кулаком нос. Пули, к счастью, прошли мимо, — промолвил японец.

Из люка показалось встревоженное лицо Терияма.

— Что здесь случилось? — спросил он по-английски.

— Этот мерзавец хотел взорвать камеры насосов, но я его вовремя накрыл! — ответил Киото, вытирая платком лицо.

— Видите, с какими препятствиями приходится бороться! — воскликнул Ельников, обращаясь к Терияма. — Не только природа, но и люди против нас.

— Но как мы доставим его по этим узким лестницам вниз? — спросил Фролов.

— Да, лестницы не приспособлены к подобным случаям! — улыбнулся Ельников. — Но он теперь обезоружен и можно развязать ему руки, чтобы он спустился сам. А кто же этот злоумышленник?

— Мой помощник, инженер Борский! — с негодованием воскликнул Киото. — Он у меня давно на подозрении.

— Неужели! Инженер решился на такое дело! Хорош гусь! — раздались возгласы.

Лицо пленника, измазанное сажей и кровью до неузнаваемости, искривилось в гримасу.

— Развяжите руки, я сдаюсь! — пробормотал он.

Ельников распустил ремень и встал с ног арестованного, который медленно приподнялся; руки у него дрожали.

— Господа! Что у вас там? — раздался голос Путилина снизу. — Не нужна ли вам помощь? Прибыли запальщики, у них есть фонари.

— Пошлите одного с фонарем нам навстречу! — ответил Фролов. — Мы спускаемся, все кончилось благополучно!

— Да ведь лампочки есть над каждой лестницей, мы второпях забыли о них! — воскликнул Ельников и, нагнувшись, нашел выключатель на стенке возле люка; площадка осветилась.

— Ну-с, господин Борский, вставайте и марш вниз! — скомандовал Фролов. — Терияма и я будем впереди, остальные за ним.

Борский поднял и нахлобучил свою шапку, затем встал на ноги. Терияма уже скрылся в люке, Фролов начал спускаться; Киото поднял свою шапку, а Ельников подобрал мешок и револьвер, валявшиеся возле насосной трубы. В это время Борский, быстро выхватив из кармана второй револьвер, выстрелил в спину Ельникова. Но Киото, следивший за его движениями, успел толкнуть его плечом, пуля отклонилась влево и прошла через руку Ельникова выше локтя. Ельников от неожиданного удара вскрикнул и упал.

— Мерзавец! — прошипел Киото, вышибая у Борского одной рукой револьвер, а другой хватая его за горло.

— Он попал в кого-нибудь? — испуганно спросил Фролов, выскакивая назад из люка.

— Я ранен в руку! — проговорил Ельников.

— Нужно обыскать этого негодяя! — крикнул Киото.

Фролов и Киото обыскали карманы пленника и вытащили из них кусок зажигательного шнура, электрический фонарик и обойму с патронами; оружия больше не было. Ельников в это время стаскивал с себя куртку, из рукава которой капала кровь; кость была цела, пуля прошла через мускулы, и рука плохо повиновалась. Вернувшийся Терияма помог ему раздеться, а Киото сделал перевязку бинтом, который всегда носил с собой на случай ранения в шахте. Фролов караулил Борского, стоявшего с опущенной головой у стены.

— Что он вам сделал? За что вы хотели убить его? — спросил Фролов с негодованием.

— Сначала я хотел испортить его шахту, осрамить его перед всеми. Проклятый Киото помешал. Черт принес его не вовремя вниз!

— Не черт, а предусмотрительность! — отпарировал Киото. — Я давно слежу за вами, со времени порчи насосов, которая тоже была задумана вами, я теперь уверен.

— Да, я устроил ее! — сознался Борский. — Но мне не повезло и в тот раз.

— Ну, теперь марш вниз! — скомандовал Фролов, когда Ельникову помогли одеться. — Но при первом подозрительном движении я вас пристрелю.

Теперь все один за другим спустились по лестницам, которые уже осветил поднявшийся снизу запальщик. Сдав преступника под надзор рабочих и велев связать ему руки, которые при подъеме в клети были ему не нужны, Киото пригласил Фролова, Терияма и желающих членов правления подняться назад на три лестницы к камерам насосов, чтобы показать им, что подготовил злоумышленник.

После этого Киото вернулся с ними вниз, где ждали Ельников, арестованный и запальщики. Последние хотели, было, приступить к своей работе по заряжению шпуров, но инженеры запретили это. При взрыве на дне шахты могли взорваться также от детонации жестянки злоумышленника, которые нельзя было удалить до прихода следователя. Последний был уже вызван по телефону. В ожидании его прихода Киото рассказал, как он накрыл преступника.

— Я стал следить за ним со времени первой порчи насосов. Из всех инженеров и штейгеров шахты только Борский внушал мне подозрение, и я поручил одному из своих слесарей наблюдать за ним все время, пока он находился в шахте. Он чувствовал, что за ним следят, и вел себя очень осторожно. Так мы прожили благополучно семь месяцев, и я начал уже успокаиваться. Но сегодня мне донесли, что Борский не ночевал дома. Я спускался в шахту два раза вместе со слесарями и обходил все камеры насосов, но ничего подозрительного не нашел. Приближалось время возобновления работ, и я подумал, что нужно осмотреть насосы еще раз, так как для выполнения какой-нибудь гадости наступал крайний срок. Поэтому я, спустившись с вами в шахту, сейчас же полез наверх, не зажигая огня. Уже снизу я заметил, что в камере горит почему-то слабый огонь и там должен кто-то быть. Когда я был почти уже у люка, тот услышал, что лезут вверх, потушил свой огонь и в темноте стал спасаться по лестницам, надеясь уйти. В камере насосов я зажег фонарик, увидел, что подготовлена катастрофа, и погнался за злоумышленником уже с фонарем; это дало мне преимущество, я настиг его и схватил за ногу на шестой лестнице. Он выхватил револьвер, но я успел потушить фонарь и переменить положение, так что в тем-

ноте он дал промах. Тогда я стащил его с лестницы, и в темноте началась борьба, закончить которую вы мне вовремя помогли.

Слушатели сердечно поздравили Киото, своей предусмотрительностью и неустрашимостью спасшего шахту и захватившего злоумышленника.

Прибыл следователь с тремя полицейскими для охраны арестованного; после осмотра места происшествия и опроса Киото, Ельникова, Фролова и Терияма жестянки были осторожно удалены из камеры и отправлены в лабораторию; все общество поднялось наверх, Борского отправили в тюрьму, и в шахте началась обычная работа.

11. Ледяная баня

К середине февраля шахта достигла 1118 м глубины и температура на дне ее повысилась до 61°, так что геотермическая ступень в среднем определилась в 29 м. Выводы Терияма как будто подтверждались, и можно было рассчитывать на дальнейшее уменьшение ступени, так как последнее повышение температуры на один градус произошло уже на протяжении 25 м. Кроме того, породы, которые прорезала шахта, становились все более и более измененными и представляли теперь уже блестящие слюдистые и гнейсовидные сланцы с частыми прожилками кварца.

В середине марта глубина шахты достигла 1203 м, температура на ее дне — 65°, и ступень определилась в 21 м. Теперь можно было уже сказать с достаточной уверенностью, что глубина шахты не превысит 2000 м, а вероятно, будет еще меньше. Породы представляли собой уже настоящие гнейсы с многочисленными прожилками и жилами аплита и пегматита, которые, по мнению Ельникова, свидетельствовали о том, что массивный гранит уже недалеко. Это мнение было подтверждено Терияма, который остался консультантом по сооружению шахты и которому посылались образчики всех горных пород, данные о температуре, притоке и качестве воды и т. п. Приток воды уже с конца января начал постепенно уменьшаться, так что в середине февраля можно было остановить один из постоянных насосов, а с середины марта и второй насос мог действовать только периодически, причем промежутки между периодами работы, в течение которых в яме на дне шахты накапливалась вода, становились все более и более длительными. Одновременно с уменьшением количества воды улучшалось и ее качество — она становилось все менее и менее солоноватой и, наконец, сделалась даже пресной; очевидно, шахта вышла из области, в которую просачивалась вода из моря, так что предположения Терияма о причинах сильного увеличения ступени вполне подтвердились.

Был уже конец марта, и весна была в полном разгаре. 30 марта шахта достигла 1250 м и температура на дне была уже 67,5°. Теперь даже усиленное вдувание охлажденного воздуха помогало недостаточно. Для большего понижения температуры на дне шахты и на платформе, где производились главные работы, туда спускали жестянки с охлаждающими смесями, которые заменялись новыми по мере того, как отдавали свой запас холода. Завод для изготовления искусственного льда был построен еще осенью и за зиму наготовил лед для набивки всех ледников города, а с середины марта перешел на выработку охлаждающих смесей для шахты. Чтобы жестянки не мешали рабочим, их подвешивали на цепочках с нижней стороны платформы. Для нагрузки и выгрузки жестянок пришлось поставить специальных рабочих, и они составляли также лишний груз для спуска и подъема. Но в шахте с начала марта уже действовала вторая подъемная машина с двойной клетью, так как при постоянно увеличивавшейся глубине, а следовательно, и продолжительности подъема и спуска, одна машина уже не успевала обслуживать шахту.

Несмотря на все меры, принятые для охлаждения воздуха на дне шахты, последний все-таки оставался еще настолько горячим, что пришлось сократить продолжительность рабочей смены сначала до пяти часов, а потом до четырех; но это сильно нарушало весь ход работ, приспособленный к шестичасовой смене. Поэтому последнюю восстановили, но так, что рабочие оставались в шахте всего три часа, затем сменялись другими и отдыхали три часа на поверхности, после чего возвращались в шахту еще на три часа. Благодаря двум машинам подъем и спуск лишних людей был вполне возможен.

[*В седьмом часу утра 31 марта слуга Ельникова разбудил его и зловещим шепотом сообщил, что шахту вместе с рабочими затопило кипятком, в который «заехала смена и потонула»*...]

— Что еще за история? — думал Ельников, одеваясь. — Откуда в шахте кипяток, в котором погибла смена? Вчера еще было почти сухо!

Окончив наскоро туалет, он побежал к шахте; у входа в надшахтное здание уже собралась небольшая толпа любопытных, но часовой никого не пускал внутрь. Ельников протолкался и сразу наткнулся на ряд трупов.

В этот день в шесть часов утра, когда очередная смена рабочих спустилась в шахту, чтобы после произведенных взрывов приступить к уборке породы, нижнее отделение клети доверху погрузилось в горячую воду (70°), затопившую уже платформу и быстро прибывавшую. Шахта была наполнена паром, а воздух, который по трубам продолжал вдуваться под платформу, производил такое клокотание, что вода казалась кипящей.

Рабочие и штейгер в нижнем отделении клети, неожиданно погруженные в горячую воду, хлынувшую со всех сторон через сетку, захлебнулись, едва успев крикнуть о помощи. Рабочие, бывшие в верхнем отделении, услышав страшный крик, быстро замолкший, и видя вокруг пар и клокочущую воду, которая начинала уже заливать им ноги, растерялись и не знали, что делать. Телефон к машинисту, находившийся на платформе, был уже затоплен: выйти из клети и перебраться в отделение с лестницами было невозможно из-за кипящей воды. Видя неминуемую гибель, они стояли молча, с ужасом глядя на то, что творилось вокруг под лучами дугового фонаря, пробивавшимися через пар. Им казалось, что в шахту прорвалась какая-то кипящая подземная река.

Наконец один из рабочих вспомнил, что в самой клети есть кнопка сигнала тревоги, посредством которого клеть можно было остановить в любом месте шахты. Он изо всех сил нажал на эту кнопку. Глаза погибающих обратились с тревогой вверх. Что если машинист, спустив их, отлучился на минуту или провода сигнала испортились?

Прошло несколько секунд ужасного напряжения — клеть дрогнула и понеслась вверх.

Наверху клеть встретил дежурный инженер, собравшийся спускаться в шахту и встревоженный сигналом.

— Шахта полна кипящей воды! Все затоплено! Прорвалась подземная река! — сообщили ему спасшиеся рабочие, выходя из клети.

Открыли нижнее отделение клети. В нем лежали грудой один на другом десять погибших людей; вода еще вытекала струйками из их одежды.

Весть о катастрофе разнеслась быстро. Через несколько минут прибежал запыхавшийся Киото, живший вблизи шахты, потом прибыли врач и Ельников, поднятые с постели. Попытки оживить погибших остались безуспешными; хотя они пробыли под водой только две или три минуты, но вода была слишком горяча.

Теперь нужно было думать о спасении шахты. В последнее время единственный действовавший насос работал только пять минут в течение часа — так мало было воды. Во время производства взрывов его всегда останавливали. Шахту потому и затопило так быстро, что ни один насос не боролся во время катастрофы с хлынувшей водой. Теперь пустили в ход все четыре насоса. Из них полилась вода с температурой 67°, так что о прорыве «кипящей» реки не могло быть и речи. Прорыв можно было объяснить тем, что взрывами в дне шахты была разрушена порода, отделявшая это дно от какой-либо большой трещины, по которой текла вода, вероятно под большим давлением.

Сначала следовало определить, как велик приток этой воды, могут ли справиться с ним четыре насоса, не остановится ли

приток сам, если подземный резервуар имеет ограниченные размеры. Или, может быть, шахта наткнулась на горячий источник с таким большим дебитом, что одолеть его невозможно? Тогда придется просто использовать эту горячую воду для города и считать предприятие не вполне удавшимся.

Когда все четыре насоса проработали час, Ельников и Киото решили спуститься в шахту, чтобы посмотреть, не убыла ли вода, а если нет, то сделать метки для дальнейшего наблюдения. Их сопровождали дежурный инженер и двое рабочих. Во избежание вторичного несчастья они велели спустить себя не до платформы, а до яруса на 200 м выше с тем, чтобы в зависимости от уровня воды сделать по телефону распоряжение о дальнейшем спуске.

На уровне 1050 м клеть остановилась; исследователи выглянули из нее, осветили глубину своими фонарями — вода еще не была видна, и даже пар не поднимался так высоко. По телефону отдали приказ медленно спускать еще на 50 м, но остановить при первом же сигнале тревоги. Так продолжалось еще 3 раза, пока не достигли уровня в 1200 м, где пар был уже довольно густой и ясно слышалось клокотанье воды в глубине.

Отсюда стали спускаться дальше по лестницам и, наконец, на уровне в 1220 м дошли до поверхности воды. Таким образом, несмотря на работу четырех насосов, вода в течение часа поднялась приблизительно на 20 м, что составляло метр в каждые три минуты. Если бы приток снизу продолжался с той же силой, вся шахта в течение 61 часа должна была заполниться водой. Но, принимая во внимание возрастающее давление столба воды в шахте по мере ее наполнения, этот срок следовало увеличить в несколько раз.

С другой стороны, угрожала опасность постепенной остановки насосов вследствие затопления камер; оставляемые без смазки и работающие под все более увеличивающимся давлением горячей воды механизмы должны были испортиться и, остановившись, создавали бы препятствие для работы еще не затопленных камер. Поэтому прежде всего нужно было позаботиться о том, чтобы при приближении воды к каждому ярусу с камерами последние заменялись шлангами с сетками, защищающими насосы от засорения.

Ельников немедленно распорядился, чтобы на уровень 1200 м, которому грозило затопление, были спущены слесари со шлангами.

Условия работы в шахте были теперь очень тяжелы. Охлажденный воздух, вдувавшийся под платформу, проходил через толщу горячей воды, вызывая ее кажущееся кипение, но очень мало понижая ее температуру; из воды он выходил уже согретый, так что над водой атмосфера походила на очень горячую баню, наполненную парами, в которой люди не могли оставаться дольше четверти часа. Поэтому одновременно с выключением

камер приходилось пробивать отверстия в обоих воздушных трубах, чтобы холодный воздух вдувался к месту работы, а горячий воздух с паром высасывались. При этом, конечно, портилась вся вентиляционная сеть.

Заметив уровень воды и время и сделав все необходимые распоряжения, инженеры поднялись наверх, совершенно мокрые и обессиленные пребыванием в горячей бане. На смену слесарей, заменявших камеры шлангами и пробивавших отверстия в воздушных трубах, через каждые четверть часа спускались новые. Тем не менее с некоторыми случались обмороки, и их приходилось отправлять наверх.

По истечении второго часа отдохнувшие инженеры спустились опять. За этот час вода поднялась на 15 м; работали одновременно только три насоса, так как каждый из них поочередно останавливали для замены камеры шлангом. Поэтому возникла надежда, что подземный поток, прорвавшийся в шахту, не так силен, как казалось вначале, и с ним удастся справиться. Теперь вода только на 5 м не доходила до камер насосов уровня 1200 м, а следующие насосы находились на 55 м над водой, с их заменой шлангами можно было обождать в надежде, что вода будет подниматься теперь все медленнее.

Еще через час вода поднялась только на 2 м при полной работе всех четырех насосов. Надежды на благополучный исход окрепли еще больше.

Прошел еще час; вода прибыла на один метр. Очевидно, приближался момент равновесия между притоком из подземного резервуара и отливом через насосы. Действительно, в течение следующего часа приток был почти незаметен — несколько сантиметров, а еще через полчаса совсем прекратился.

При этом известии, переданном снизу по телефону, лица у всех собравшихся на площади у входа в надшахтное здание просветлели. Здесь были и горнорабочие всех смен, и горожане, любопытные или соболезнующие, которых весть о катастрофе, распространявшаяся постепенно по городу, привлекала к шахте. Молва, как всегда, преувеличивала размеры несчастья и искажала его. Говорили о том, что на дне остались еще десятки рабочих, что в шахте начался пожар, для прекращения которого ее залили водой, не узнав, есть ли там люди, а теперь откачивают воду; передавали, что поймали опять человека, взорвавшего шахту и застрелившего Ельникова и Киото. Только экстренный выпуск местной газеты, вышедшей к полудню, положил конец фантазиям горожан, изложив точно все случившееся и сообщив, что насосы уже одолели приток воды и что шахта будет спасена.

Действительно, в этот час можно было констатировать совершенно точно, что уровень воды больше не повышается. Теперь нужно было предполагать одно из двух: или уровень будет оставаться постоянным, и тогда для освобождения шахты от воды

придется установить новые насосы, что займет много времени; или же вода постепенно пойдет на убыль и с ней справятся имеющимися средствами.

До пяти часов вечера вода не убывала, но затем обнаружилось медленное понижение ее уровня — на метр в час. Перспективы становились благоприятными — можно было надеяться, что через двое суток шахта будет откачана.

Ельников и Киото, спустившиеся вниз при известии о начавшемся понижении уровня, заметили, что все находившееся с утра под водой — стенки шахты, трубы насосов и воздушные, направляющие клети, лестница — было покрыто беловатым слизистым осадком. Очевидно, вода была минеральная и содержала в растворе какие-то вещества. Немедленно проба осадка и бутыль воды были посланы в лабораторию, откуда вскоре сообщили, что осадок является кремнеземом и что вода — минеральная, богатая кремнеземом.

Теперь можно было опасаться, что на предметах, бывших долго под водой, этот осадок окажется очень толстым и его придется соскабливать.

— Но эта минеральная вода скоро засорит и испортит нам все насосы! — воскликнул встревоженный Киото.

— Я не думаю, — возразил Ельников, — в насосах она движется слишком быстро, так что образование осадка должно быть минимальное. А вот в трубах ниже камер, замененных шлангами, где не было движения воды, осадок будет наверное, и их придется прочищать.

К полуночи понижение уровня определилось в 7 м. Приходилось думать о возобновлении работы нижних камер насосов; но когда одну из них опять включили в сеть — она почти не подавала воды. Очевидно, на сетке ее шланга, находившейся у дна шахты, образовался такой осадок кремнезема, который уже не пропускал воду внутрь.

Поэтому пришлось, включая камеры в сеть, присоединять к ним новые шланги, сначала непосредственно, а затем, по мере понижения уровня воды, при помощи колен труб, освободившихся из-под воды. Последние предварительно прочищали, так как осадок становился тем толще и тверже, чем дольше труба была в воде.

Ночью освободился от воды пол яруса 1210 м. При взгляде в этот ярус сверху через люк можно было подумать, что в нем свирепствовала метель; железный пол, стенки, трубы, лестница — все побелело, словно покрылось слоем чистого снега. Иллюзия усиливалась еще тем, что на этом «снегу» ноги скользили; этому противоречила только высокая температура.

Метр за метром освобождалась шахта из-под воды. На третий день после катастрофы стала доступной уже платформа. Здесь имитация зимнего пейзажа была поразительна: вагончик, ящики

перфораторов, лебедка, направляющие, фонарь, лопаты, стенки — все было покрыто белым осадком более 2 см толщиной и приобрело настолько фантастический вид, что при вспышке магния были сняты фотографии этой картины метели при 67° тепла. С фонаря, направляющих, выступов свешивались белые сосульки. Но сбивать и счищать эти украшения было труднее, чем лед и снег.

К вечеру того же дня показалось из воды и дно шахты; наваленные последним взрывом обломки породы были похожи на ледяные глыбы; заглядывая вниз через люк платформы, можно было подумать, что находишься где-нибудь в Ледовитом океане, среди торосов. Но отовсюду из промежутков между этими глыбами большими и малыми ключами била горячая вода. Лестница, ведущая вниз и перед взрывами поднятая к платформе, была неузнаваема от висевших на ней сосулек. Шланги насосов казались толстыми стволами деревьев, покрытыми снегом, а дуговой фонарь представлял собой большой снежный ком, прилипший к потолку. Все отверстия трубы, по которой прежде поступал охлажденный воздух, конечно, исчезли под толстым слоем осадка. Приходилось все очищать, а работа в этой «ледяной» бане до полного восстановления вентиляции была очень тяжела. Глыбы и щебень добытой породы были накрепко сцементированы кремнеземом, и пришлось их взрывать, чтобы удалять по кускам.

Только через неделю после катастрофы шахта была очищена, водоотлив и вентиляция налажены, но следы кремнеземистой метели виднелись еще везде; с крепи шахты осадок вообще не удаляли, так как здесь он никому не мешал и даже защищал железо от ржавчины.

Когда убрали всю взорванную породу, в дне шахты обнаружилась трещина в 5—8 см ширины, стенки которой были покрыты толстым осадком кремнезема; из нее и вырывалась горячая вода. Измерение показало, что трещина уходит метров на двадцать вглубь и продолжается в обе стороны от шахты. Теперь было необходимо поскорее пройти глубже и прочно заделать этот канал подземного потока, чтобы преградить последнему доступ в шахту и снова сделать ее почти сухой. Работы пошли усиленным темпом; сопла шлангов теперь всовывались прямо в глубь трещины и сосали из нее горячую воду, так что дно шахты оставалось сухим.

12. Неожиданное открытие

Образчики всех горных пород, прорезываемых шахтой, проходили через руки Анны Ивановны, жены Ельникова, которая составляла из них несколько одинаковых коллекций — для городского музея, для Терияма и в запас, для продажи или подарков лицам, заинтересовавшимся шахтой. Анна Ивановна отбирала

все образчики, нумеровала их, снабжала этикетками. В кабинете Ельникова в особой витрине на стене можно было видеть разрез земной коры, пройденный шахтой, со всеми обнаруженными там породами.

В эту коллекцию поступили образчики кремневого натека, покрывавшего стенки водоносной трещины, вместе с самой породой, на которой этот натек отложился из минеральной воды. Изучая их под лупой, Анна Ивановна обнаружила, что под натеком скрываются разноцветные кристаллы, образовывавшие красивые щетки и друзы. Освободив несколько щеток из-под натека, она показала их как-то мужу.

— Не находишь ли ты, Аркадий, — спросила она, — что эти цветные камушки довольно красивы, и если бы отдать их ювелиру для огранки, то из них вышли бы прелестные серьги? А вот этот большой кристалл годился бы даже для брошки, он очень похож по цвету на изумруд.

— Откуда ты взяла эти кристаллы? — удивился Ельников. — Наверно, Ван-Ю привел к тебе странствующего торговца, который может всучить какое-нибудь цветное стекло в качестве драгоценных камней.

— Эти цветные стекла добыты из твоей собственной шахты и так как их, по-видимому, очень много, то ваше правление не рассердится, если я возьму несколько штук и пошлю в Японию, чтобы посмотреть, каковы они будут в оправе.

— Что ты говоришь? В шахте? В каком же месте? Откуда ты знаешь, что их много? — забросал ее вопросами Ельников, рассматривая в лупу большой зеленый камень и пару темно-фиолетовых.

— Они сидят в камне под кремневым натеком в стенах той трещины, которая чуть не погубила шахту. Смотри, сколько их тут, — прибавила Анна Ивановна, показывая несколько кусков породы.

— Странно, очень странно! — пробормотал Ельников и вдруг бросился в соседнюю комнату, принес руководство по минералогии и начал лихорадочно перелистывать его. Найдя изображения кристаллов той же формы, какую имели фиолетовые, а в другом месте — той, какую имел зеленый камень, он воскликнул:

— Знаешь ли, что ты открыла? Это, по-видимому, настоящие драгоценные камни, вот эти два — аметисты, а вот этот — изумруд!

— Да неужели? — воскликнула изумленная жена. — Мне тоже приходило в голову сходство одних с аметистами, а другого — с изумрудом, но форма у них совсем другая и они такие тусклые.

— Они еще отчасти покрыты натеком, а форма у них — естественных кристаллов. У покупных камней мы видим искусственные формы, которые получаются при огранке их ювелирами.

Ельников осторожно смыл и счистил остатки кремневого натека, протер грани кристаллов тряпочкой, и они стали гораздо красивее. Убедившись, что на всех кусках камня под натеком сидят кристаллы разной величины и цвета, он воскликнул:

— Шахта наткнулась на целое месторождение драгоценных камней! Нужно сейчас же распорядиться, чтобы весь натек из трещины, который пошел уже в отвал, собрали и доставили сюда. Ты очисти 20—30 штук разного цвета и величины, и я завтра покажу их правлению.

— А зачем им эти камни?

— Как зачем? Если их окажется много — это целый клад, который может окупить всю шахту, и не будет больше разговоров о том, что она стоит очень дорого.

К следующему дню Анна Ивановна приготовила целую коробку зеленых, фиолетовых, желтых, белых и голубоватых кристаллов и несколько красивых щеток, которые Ельников показал правлению, доложил, где и как они найдены, и сказал:

— Я бы предложил не заделывать эту водоносную трещину, как мы собирались, а проследить ее в обе стороны от шахты, добывая драгоценные камни. Это должно дать большие барыши.

— Неужели эти цветные камушки представляют такую ценность, чтобы окупить тяжелую работу в воде и в жару? — спросил Фролов, осматривая кристалл топаза. — Я бы сказал, что это просто горный хрусталь, из которого делают брелоки, печатки и тому подобную мелочь.

— Нет, Семен Петрович! То, что вы держите в руках, не простой горный хрусталь, а настоящий топаз, или тяжеловес. Это доказывается и формой кристалла и его составом. Если хотите убедиться, отдайте его в лабораторию для анализа, который покажет, что это не кремнезем, а кремнекислый глинозем.

— Эти кристаллы довольно красивы, — заметил Путилин, перебирая насыпанные в коробочке бледно-зеленые призмы аквамаринов и бериллов.

— А если огранить их для колец, серег или брошек — они будут еще лучше. То, что я вам показываю, — сырой материал, требующий обработки.

— Неужели мы будем заниматься этим? Нужно заводить мастерские и рабочих, — заявил Баранов.

— Гранильная не требует большого количества рабочих. Кроме того, мы можем сбывать необработанные камни в Америку, Китай и Индию, там есть гранильщики и спрос большой.

— А бриллианты среди наших камней имеются? — спросил Функельштейн.

— Бриллиантами называются ограненные алмазы, а алмазов здесь нет и едва ли они могут быть, разве в отдельных и мелких экземплярах, так как встречаются вообще при других геологических условиях.

— Эта парочка аметистов, — заметил Путилин, — была бы недурна в виде серег в женских ушах. Сколько они стоили бы?

— В ограненном виде — рублей пятьдесят вы бы заплатили за них по довоенным ценам. Вот этот желтый тяжеловес для брошки или браслета стоил бы не меньше 200. В общем то, что вы видите в этих коробочках и в необработанном виде стоит несколько сот рублей, а все это набрано с нескольких квадратных метров трещины.

Убедившись, что разработка найденного месторождения во всяком случае окупится, правление согласилось произвести ее в виде опыта.

По мере углубления шахты количество воды, вытекавшей по трещине, все уменьшалось, и когда прошли 21 м и достигли дна трещины, приток совершенно прекратился. Теперь было ясно, что работы наткнулись случайно на канал подземного резервуара, наполненного водой, но имевшего ограниченные размеры. Судя по работе насосов, этот резервуар содержал от 6 до 8 млн. ведер воды.

Одновременно с углублением дна шахты производились работы и в обе стороны по трещине; с ее стенок осторожно снимался слой кремневого натека и выламывалась кусками боковая порода, на поверхности которой сидели драгоценные кристаллы. Эти куски доставлялись в специально устроенную мастерскую, где опытные мастера вынимали из них все имевшее ценность, сортировали по минералам, величине и качеству и упаковывали для отправки. Несколько шлифовальщиков занималось огранкой камней, и вскоре небольшая лавка, открытая правлением, могла удовлетворить никогда не угасающее желание женской половины горожан украшать свои пальцы, уши, шеи и платья цветными искрящимися камушками.

В одну сторону от шахты трещина, впрочем, кончилась на расстоянии всего 25 м; она постепенно суживалась и, наконец, превратилась в прожилок кварца, слишком тонкий и слишком бедный драгоценными кристаллами, чтобы стоило добывать их. Поэтому в этой стороне работы были остановлены; но в другую сторону трещина продолжалась, даже расширяясь, и здесь добыча камней становилась все более и более обильной. Правда, работа была очень трудна и обходилась дорого. В крепи шахты оставили отверстие, служившее входом в трещину; работы вдоль трещины производились ярусами по 2 м высоты; всех ярусов было десять, и они располагались уступами так, что самый верхний был дальше всего от шахты. Остававшееся позади выработанное пространство представляло собой галерею в 20 м высоты и 2 м ширины. Температура в трещине достигла 70°, так что пришлось провести на каждый уступ ветвь трубы, вдувавшей охлажденный воздух, доставлять жестянки с холодными смесями. Тем не менее рабочие не выдерживали более двух часов без

смены; камни были горячи, как в хорошо натопленной печке, и их нельзя было трогать руками. За сутки подвигались вперед только на 2 м, тогда как шахта по-прежнему в среднем проходила 3 м.

В середине апреля из-за задержки, обусловленной прорывом воды, шахта достигла только 1275 м и температура на ее дне была уже 70°, как и в трещине, теперь оставшейся выше.

13. Пещера драгоценностей

Теперь центром всеобщего внимания стала шахта, и всех занимал вопрос — удастся ли довести ее до конца и получить на дне температуру кипения воды или опять разразится какая-нибудь катастрофа, которая сделает все усилия тщетными.

Вскоре после того, как трещина в дне шахты кончилась, изменилась и порода — слюдистые сланцы и гнейсы уступили место массивному граниту, и предположения Терияма вполне подтвердились. Но большая твердость гранита и высокая температура на дне шахты понизили суточное углубление с 3 до 2,5 м, и к началу мая глубина оказалась 1322 м. Термометры показывали уже 71°, и ступень определялась всего в 19,5 м.

В это время передовой забой работ по трещине ушел уже на 40 м от шахты, а нижний из уступов на дне трещины отодвинулся на 20 м. Трещина то суживалась, то расширялась, образуя неправильные раздутия, в которых добыча драгоценных камней оказывалась особенно обильной.

На 42-м метре бур перфоратора во время работы внезапно попал в какую-то пустоту, как будто трещина сразу и очень сильно расширялась. Когда выломали породу в забое по обе стороны от трещины, Киото и Ельников, вызванные штейгером, могли с удивлением констатировать, что трещина кончилась и впереди находится огромная пещера, во мраке которой терялись лучи электрической лампочки, освещавшей работу на уступе. Свод пещеры возле начала трещины был покрыт грубым буроватым кремневым натеком, но дальше уходил куда-то вверх; дна также не было видно.

Теперь стало ясно, откуда взялась масса воды, прорвавшейся в шахту по трещине, которая служила сточным каналом этой пещеры. Но продолжаются ли там отложения драгоценных камней или они приурочены только к трещине?

Не дожидаясь, чтобы нижние уступы работ дошли до пещеры, инженеры решили ее исследовать. Заготовили лестницы и веревки и спустились с верхних уступов на дно. Оно было неровным, покрытым кремневым натеком, как стены и потолок.

Пещера имела до 70 м в длину и в ширину и до 25 м в высоту; под слоем натека повсюду были друзы и щетки кристаллов тех же драгоценных камней, но более многочисленных и более

крупных. При указанном объеме пещеры в ней могло вмещаться 9 млн. ведер воды, да не меньше миллиона нужно было прибавить на трещину. А так как насосами из шахты было удалено не более 8 млн. ведер, то из этого следовало, что пещера была наполнена водой не до верха и что приблизительно две девятых ее объема были заняты сильно сжатым воздухом или другим газом, расширение которого после того, как вода нашла выход в шахту, и обусловило такое быстрое поднятие уровня воды на высоту, даже несколько превышавшую горизонт свода пещеры.

После того как нижние уступы работ по трещине дошли до пещеры, т. е. когда все отложения драгоценных камней по стенкам трещины были сняты и вся трещина от шахты до пещеры превратилась в грандиозную галерею в 40 м длины, 20 м высоты и 2 м ширины, началась разработка сокровищ, покрывавших стены самой пещеры. Для этого пришлось сооружать подмостки или леса, чтобы вести работу последовательно на различной высоте от дна, которое было вычищено и выровнено прежде всего. В пещеру, конечно, провели электрические провода и вентиляционные трубы. Так как подмостки и леса являлись временными и после очистки стен всей пещеры должны были быть удалены и так как пещера находилась далеко от шахты, то в качестве материала для них использовалось дерево, что облегчало и ускоряло работу по сооружению и перестановке и, кроме того, было значительно дешевле. Но это было отступлением от принятого правила — не допускать в шахте никаких горючих материалов, кроме облицовки направляющих подъемника.

Работы в этом огромном подземном пространстве, освещенном двумя дуговыми фонарями, производили сильное впечатление, и многие жители города перебывали в шахте. Человек, стоящий на дне пещеры, казался пигмеем. Озаренные красноватым светом фонарей, прикрепленных на двух высоких столбах, со всех сторон поднимались стены, покрытые белым кремневым натеком, который образовывал причудливые фестоны, гирлянды, выступы и колонны какого-то фантастического стиля — с поперечными желобами, карнизами и отростками. Со свода свешивались толстые, но короткие сталактиты, также покрытые желобками и карнизами и бросавшие резкие тени. Вдоль одной из стен на протяжении 20 м громоздились леса, доходившие до свода, на их ярусах копошились рабочие, которые сверлили и срывали толстую кору натека и затем выламывали глыбы из освободившейся поверхности гранита, покрытой драгоценными кристаллами. Куски натека и глыбы породы спускались лебедками вниз, нагружались в вагончики и вывозились по галерее в шахту. Слышался стук и скрежет молотков, зубил и буров, визг цепей, грохот глыб, вываливаемых в вагончики.

В первые дни, пока в пещере еще сохранялись остатки воды, покрывавшей каплями все выступы и впадины стенок и свода,

зрелище было еще красивее, так как эти капли отражали лучи света и блестели повсюду, словно алмазы. Но постепенно благодаря высокой температуре и вентиляции вода совершенно испарилась, и воздух сделался сухим, как в гигантской печке. Рабочие были нагие, в сандалиях, но тело их для предохранения от жары было покрыто слоем жира, а на головы надеты маски.

Ельников и Киото часто посещали пещеру, наблюдая за работой, которая давала акционерному обществу огромные барыши, не предусмотренные сметой и позволявшие окончить сооружение шахты, сколько бы это ни стоило.

— Жаль будет бросить это подземное пространство, исчерпав запасы драгоценностей! — сказал Ельников однажды, когда уже половина площади стен была очищена от натека и своей желтой ровной поверхностью с блестящими зернами кварца, кристаллами полевых шпатов и крупными таблицами белой и черной слюды резко контрастировала с остальной частью, еще покрытой натеком.

— Зачем же бросать пещеру? — усмехнулся Киото. — Мы оставим ее для подземных балов и обедов в торжественных случаях.

— Идея! Но только много ли найдется охотников проводить часы в этой ужасной печке, в особенности из числа дам? Ведь им пришлось бы обходиться почти без костюма. Я думаю, пещера будет привлекать только туристов.

— А нельзя ли приспособить эту огромную площадь, которую мы получили так неожиданно, для какой-нибудь полезной цели?

— Я тоже подумывал об этом! — ответил Ельников. — Мы предполагаем проводить пар, получаемый в подземных котлах, на поверхность, где он и должен был обслуживать огромную электрическую станцию города. Но при этом пар неминуемо потерял бы часть своей температуры, и наверху пришлось бы ставить подогреватели.

— И вы задумались над вопросом, нельзя ли теперь устроить электрическую станцию в этой пещере, так как ток вести наверх легче, чем пар?

— Именно! Но меня затрудняет еще вопрос, как повлияет высокая температура на работу генераторов и можно ли устроить обслуживание машин в этой печке?

— Отчего же? В крайнем случае механики будут часто меняться и получать специальную одежду, резервуар со сжатым воздухом за спину, как водолазы или, вернее, как члены спасательных отрядов при рудничных пожарах или взрывах.

— Кстати, у нас должны быть эти аппараты на всякий случай. Возможно, что скоро и в шахте нельзя будет работать без них.

— Конечно! Когда температура будет превышать 90 или даже 80—85°, я опасаюсь, что никакая вентиляция и охлаждение не помогут. В Японии уже заказаны 50 таких аппаратов. Они должны прибыть на днях, и мы испытаем их пригодность.

— Отлично! А пока в пещере еще ведутся работы, мы займемся вопросом о возможности ее приспособления для будущей электрической станции. Обратимся с запросами к лучшим электротехникам.

14. Подземный костер

В начале июня шахта достигла глубины 1400 м, а температура на ее дне — 79°. Ступень упала почти до 10 м, и надежды на скорое окончание шахты все более упрочивались. Работа на дне становилась все более трудной, и приходилось менять рабочих каждые два часа. Менее выносливые из них работали в прибывших уже костюмах, состоявших из кожаной куртки на ватной подкладке, таких же брюк, сапог с толстой подошвой, шлема и ранца с резервуаром сжатого воздуха на спине. Но эта одежда стесняла свободу движений, поэтому многие старались еще обходиться без нее, пока было возможно.

В пещере леса покрыли последний участок стены с толщей натека и драгоценных кристаллов; после этого предстояло еще освободить свод, изменив конструкцию лесов. Пещера стала несколько мрачной, так как желтые стены отражали гораздо меньше света, чем снежно-белый натек; хотя он сохранился еще на своде, но потерял уже свою девственную белизну из-за пыли, насевшей за время работы.

В ночь на 5 июня разразилась катастрофа. По неизвестной причине — может быть, от соединившихся проводов тока или от особенно большой искры, вырвавшейся из-под какого-нибудь бура, — на одном из нижних ярусов загорелись леса. Бревна и доски, находившиеся уже больше месяца в этой сухой и горячей атмосфере, высохли до последней степени, и огонь распространился с чудовищной быстротой на все 15 ярусов; через несколько минут леса пылали, как гигантский костер, из которого доносились крики людей, захваченных врасплох во время работы. На 10 ярусах работало 150 человек; из них успела спастись только треть рабочих, находившихся на нижних пяти ярусах: они могли сбежать по лестницам или спрыгнуть вниз, да и то часть их получила довольно сильные ожоги, а некоторые расшиблись при падении с высоты 8—10 м.

Как исполинские факелы, горели столбы, а между ними на перекладинах, настилах, лестницах бушевали огненные волны. Клубы черного дыма и столбы искр вырывались отовсюду, поднимаясь к своду пещеры, который уже лизали огромные огненные языки. Вой и свист пламени, треск дерева, крики погибавших людей слились на короткое время в ужасающий гвалт. Дым, не находивший себе выхода, через несколько минут наполнил пещеру и повалил черной стеной по галерее к шахте.

На каждом ярусе был пожарный кран со шлангом и несколько огнетушителей, но все случилось так быстро, что их не успели пустить в действие. Охваченные ужасом рабочие растерялись, да никто и не мог думать, что огонь распространится так быстро.

На полу пещеры работало человек двадцать, нагружавших и откатывавших вагончики; эти, конечно, спаслись первыми и с криками ужаса побежали по галерее к шахте. Вслед за ними, уже среди клубов дыма, ринулись спасавшиеся с нижних ярусов. Устье галереи находилось на высоте 138 м над дном шахты, и возле него в шахте была устроена площадка для впуска и выпуска рабочих и вагончиков в подземную клеть. Эта площадка теперь быстро заполнилась спасшимися рабочими, посылавшими тревожные сигналы наверх, так как дым валил уже клубами в шахту.

В самом начале пожара следовало немедленно остановить вентиляцию, подававшую свежий воздух на все ярусы и высасывавшую испорченный. Тогда огонь, быстро истощив запас кислорода в воздухе пещеры, начал бы затухать, а автоматические огнетушители на ярусах докончили бы подавление огня своей углекислотой. Но во время катастрофы в пещере был только штейгер, находившийся на одном из верхних ярусов и погибший вместе с рабочими. Дежурный инженер был на дне шахты, которая стала теперь заполняться дымом, тянувшимся густой пеленой вверх. Рабочие на площадке начали уже задыхаться. Никто из них не догадался закрыть клапаны в воздуходувных трубах к пещере, находившиеся в самом начале галереи.

Несколько десятков почти голых людей, еле помещавшиеся на площадке, с криками о помощи поднимали взоры и руки вверх, откуда должна была прийти спасительная клеть. Лица, обезображенные ужасом, у некоторых почерневшие, с опаленными волосами; глаза, покрасневшие и слезящиеся от дыма; раскрытые рты; серые волны, вырывавшиеся из галереи и улетавшие мимо дугового фонаря вверх; треск и свист, доносившийся из пещеры, — все это составляло ужасную картину. Иные уже лишились сознания и держались на ногах только потому, что были стиснуты в толпе.

Прошло еще несколько страшных минут, прежде чем появилась клеть, поднимавшаяся со дна шахты. В ней прибыл инженер со штейгером и десятью рабочими, одетыми в спасательные костюмы. Им с трудом удалось уговорить обезумевших людей, напиравших на дверцу клети и давивших друг на друга, чтобы они выпустили отряд на площадку. Инженер растолковал им, что можно спасаться по лестницам вниз, так как дым туда не распространялся, встречая препятствие в виде тока горячего воздуха, всегда стремившегося вверх со дна шахты. Часть людей последовала его совету, и на площадке стало свободнее, так что он мог выйти из клети со своими спутниками. Вместо них в одно отде-

ление набилось 15 здоровых рабочих, а в другое поместили всех обгоревших, раненых и лишившихся сознания. Клеть быстро скрылась из вида во мраке дымной шахты.

На площадке также становилось невыносимо; глаза застилало слезами, захватывало дыхание. Люди один за другим стали спускаться вниз, хотя никому не хотелось уйти с площадки, чтобы не опоздать во вторую клеть, которая уже спускалась сверху. Но дым вытеснял их.

В это время инженер распорядился закрыть клапаны в трубах и дверь из шахты в галерею, что сразу нельзя было сделать из-за теснившихся обезумевших людей. Затем, надев шлемы, инженер и спасательный отряд с фонарями в руках направились к пещере. В галерее дым был так густ, что в трех шагах уже не различался свет фонаря; люди шли цепью, держась каждый за пояс шедшего впереди, чтобы немедленно оказать друг другу помощь в случае потери сознания.

Пожар в пещере после прекращения притока воздуха начал уже затухать; сквозь дым, наполнивший все пространство, еле видны были раскаленные столбы, перекладины, помосты, по которым еще пробегали огоньки; с треском, выбрасывая снопы искр, то здесь, то там обрушивались участки настила. Но проникнуть на леса, чтобы спасать людей, нечего было и думать, так как все могло рухнуть ежеминутно. Кроме того, пещера была раскалена, как исполинская печка, и кожаная одежда на людях начала дымиться. Было немыслимо, чтобы кто-нибудь из застигнутых катастрофой оставался еще в живых, хотя с начала пожара прошло всего 15 минут.

Отряд вернулся к шахте, и дверь в галерею была плотно заперта; оставалось еще обмазать ее глиной, чтобы прекратить всякий выход дыма в шахту и приток воздуха в пещеру.

На площадке отряд встретился с Ельниковым и Киото. Механик у подъемной машины, узнав от выскочивших из пещеры рабочих о катастрофе, немедленно сообщил страшную весть далее. Но так как это случилось среди ночи, любопытных или встревоженных людей почти не было, а главные инженеры, поднятые с постели, прибыли с некоторым опозданием. Они присутствовали при разгрузке клети и от спасшихся узнали подробности катастрофы. Из трубы вытяжного вентилятора валил еще густой дым, а из ствола шахты на их глазах также появился дымок. О размерах несчастья и числе погибших из рассказов рабочих можно было составить себе только преувеличенное представление. Ельников и Киото были очень встревожены. Дым мог спуститься и вниз по шахте и задушить рабочих на ее дне. Узнав от поднявшихся, что в шахте они также задыхались от дыма во время подъема, длившегося теперь более пяти минут, инженеры потребовали себе спасательные аппараты и взяли еще десять рабочих, также снабженных ими. Прежде чем надеть шлем, Киото сказал:

— Дорого обойдутся нам эти драгоценные камни! Не следовало применять деревянные леса!

— Железные были бы вообще невозможны, — возразил Ельников. — Для их установки и передвижения нам пришлось бы сооружать в пещере большой кран, заказывать все части лесов в Японии, ждать их прибытия и все-таки для пастилов употребить доски. Если бы мы настаивали на железных лесах, правление, вероятно, совершенно отказалось бы от эксплуатации пещеры, так как этот крупный расход мог поглотить почти всю выгоду.

— Но теперь нам все равно придется заказывать железные леса, так как после этой катастрофы никто не захочет работать на деревянных.

— Нам осталось очистить только свод и небольшую часть стены, у которой стояли леса. Стену можно будет в значительной части очистить при помощи простых лестниц, а для свода применим железную передвижную платформу. Мы решили приспособить пещеру для электрической станции, и такая платформа нам все равно нужна.

— Работа по очистке пойдет очень медленно!

— Что же делать! Нам некуда торопиться, ко времени окончания шахты успеем очистить и пещеру.

Когда рабочие в спасательных аппаратах собрались, оба инженера надели свои шлемы, и клеть ринулась в глубь дымной шахты. Чем дальше, тем гуще становился дым, так что клеть мчалась, прорезывая как бы густой туман, который от ее движения приходил в волнение и метался струями и клубами вверх и вниз; внутрь клети из-за ее быстрого полета дым почти не проникал.

Но с уровня 1100 м дым стал редеть, и оба инженера вздохнули облегченно. Можно было надеяться, что с пожаром уже справились или, во всяком случае, изолировали его от шахты, и люди, бывшие на дне последней, не пострадали.

На площадке уровня 1270 м, т. е. у входа в галерею пещеры, клеть остановилась. Ее встретили дежурный инженер и рабочие, возвратившиеся из пещеры. Дым разредился, но все-таки был еще настолько густ, что ел глаза и вызывал кашель, поэтому инженеры, оставив спасательный отряд на площадке, сами спустились на дно шахты, чтобы выслушать доклад о состоянии пещеры и отправить на поверхность уцелевших рабочих.

Часть спасательного отряда была также направлена по лестницам, чтобы подобрать лишившихся сознания.

На дне шахты дым был еле заметен. Здесь уже собрались рабочие, спустившиеся по лестницам и несколько пришедшие в себя. Несколько человек по дороге лишились сознания, но товарищи снесли их вниз и приводили в чувство.

Выслушав доклад дежурного инженера, посетившего пещеру, Ельников и Киото убедились, что все необходимое было уже

сделано. Оставалось выждать полного прекращения пожара, что могло потребовать нескольких дней, после чего нужно было восстановить вентиляцию, чтобы высосать из пещеры дым и заменить его свежим и холодным воздухом. Из шахты дым должен был выйти постепенно сам благодаря движению клетей вверх и вниз, усиливавшему естественную тягу горячего воздуха со дна вверх.

С первой партией спасшихся рабочих, отправляемых на поверхность, Ельников и Киото поднялись до уровня пещеры. Им хотелось своими глазами посмотреть на пожарище и убедиться, что в галерее не осталось людей, лишившихся сознания. В сопровождении взятых с поверхности рабочих они проникли в галерею и шаг за шагом осмотрели ее при свете фонарей. Хотя все были в толстой одежде, рукавицах и шлемах, но по мере приближения к пещере страшная температура давала себя чувствовать. Все пространство было заполнено дымом, густым, как серая жидкость. В пещере сквозь эту завесу еле-еле просвечивали еще тлеющие леса, но огненный переплет уже распался на отдельные куски. Ельников и Киото решились подойти к самым лесам, стоявшим слева, далеко от устья галереи. Пробираясь к ним, они наткнулись на три тела, лежавшие на полу пещеры ничком, со сведенными руками и ногами. Очевидно, это были последние успевшие выбежать с лесов, но затем лишившиеся сознания от дыма; а может быть, они спрыгнули с верхних ярусов и разбились. Если бы их товарищи не убежали в такой панике, то этих людей можно было подобрать и спасти, но ко времени прибытия первого спасательного отряда они, конечно, были уже мертвы.

Подобрав эти трупы, двинулись назад, потому что жар проникал уже сквозь одежду и шлемы на головах нагрелись так, что лицу стало больно. Проникнуть на леса, очевидно, было невозможно, да и бесполезно.

Распорядившись возобновить работу на дне шахты и отправив всех спасшихся из пещеры на поверхность, Ельников и Киото также поднялись. Дым в шахте уже разредился, но устье ее продолжало дымиться, подобно доменной печи, так что в надшахтном здании раскрыли все окна и двери, а механики у машин надели спасательные аппараты.

Через три дня инженеры опять пришли в пещеру и, убедившись, что огонь совершенно погас, велели возобновить вентиляцию. Так как трубы сильно погнулись, то освобождение пещеры от дыма и газов затянулось на несколько дней. Наконец в нее можно было проникнуть без риска.

Вошедшие были поражены — так изменился вид пещеры за короткое время пожара. Все было черно — и белый свод, и желтые стены скрылись под сплошным слоем копоти, осевшей также на дне. Так же черны были и обуглившиеся леса, частью стоявшие на месте, частью обрушившиеся. Перила, лестницы и настил местами сгорели совершенно, местами же обуглились и прогну-

лись. Ходить по ним было небезопасно, и, чтобы убрать трупы, нужно было обрушить все сооружение, что и было сделано при помощи крючьев и веревок. Сильнее всего прогорели, конечно, самые верхние ярусы, где торчали только вертикальные стойки и толстые перекладины.

Когда леса были превращены в груду черных обломков, ее стали разбирать и выдавать на поверхность. Попадавшиеся между бревнами и досками трупы были совершенно обуглены; от некоторых остались только черепа и более крупные кости. Но на нижних ярусах, осмотренных до разрушения лесов, нашли несколько наполовину обгоревших трупов. Это тоже были рабочие, застигнутые смертью на бегу, после того, как они успели спуститься со средних ярусов. В общем были собраны останки 62 человек.

Спасшиеся рабочие не захотели больше работать в пещере и взяли расчет; но из остальных двух смен, не бывших очевидцами катастрофы, бóльшая часть стала на работу по уборке лесов, а затем, когда последние следы пожарища были удалены, приступила к отбиванию натека и добыче драгоценных камней на последнем участке стены. Эта работа облегчалась тем, что слой натека, очевидно, благодаря страшной жаре, державшейся в пещере несколько дней после пожара, растрескался и легко отделялся от гранита.

15. Обвал

За время очистки пожарища в мастерских при шахте была изготовлена, спущена по частям и затем собрана в пещере высокая передвижная платформа, с которой Ельников намеревался очистить свод от натека и драгоценных камней. Так как свод не везде находился на одинаковой высоте над дном, достигая в центральной части 25 м и понижаясь к стенам до 18—20 м, то платформа была устроена так, что ее верхушка могла выдвигаться на 7 м вверх при помощи зубчатых колес и реек. Таким образом, перекатывая платформу по дну пещеры и выдвигая или спуская ее верхнюю часть, можно было постепенно очистить весь свод. На верхней площадке находились 10 рабочих, которые, действуя ломиками, кирками и клиньями над головой, отламывали глыбы натека, а затем поверхностный слой гранита с драгоценными камнями. Работа требовала большой осторожности, так как нужно было следить за тем, чтобы подорванная глыба не оторвалась внезапно и не придавила стоявших под ней рабочих; кроме того, нельзя было допустить вообще, чтобы глыба гранита упала, так как при этом могли поломаться ценные кристаллы, усеивавшие их поверхность. По этой же причине нельзя было применять взрывчатые вещества.

Очистку свода начали от галереи, подвигаясь вдоль стен пе-

щеры, так как натек и кристаллы с них были сняты и оставшуюся на своде толщу было удобнее подбивать наискось вверх. За смену очищали 4—5 кв. м, после чего платформа подвигалась дальше. При таком темпе работы понадобилось бы полгода, чтобы очистить весь свод, и инженеры решили построить вторую платформу, чтобы ускорить очистку вдвое.

Эта вторая платформа была поставлена к концу июня и пошла вслед за первой. Рабочие на ней очищали следующую по направлению к центру свода полосу в 2 м ширины.

В начале июля первая платформа приближалась уже к тому месту, где стояли сгоревшие леса. В пещере работало теперь одновременно только 20 человек на платформах и четверо под надзором штейгера на откатке добытого камня к шахте. По мере приближения работ к месту бывших лесов слой натека, достигавший в пещере 30—60 см толщины, отделялся от свода все легче и легче, так что приходилось подпирать его деревянными стойками, чтобы не отваливались слишком крупные куски, которые могли раздробить платформу.

И вот однажды, когда один из рабочих засунул конец лома в трещину между сводом и слоем натека, а другой начал бить по лому тяжелым молотом, громадный кусок натека сразу отделился от свода и рухнул вниз. В пещере воцарилась тьма, так как массы камня раздробили электрические фонари, стоявшие на столбах, и порвали провода. Одна из платформ с рабочими рухнула вслед за камнем, так как у нее были смяты две опоры. Страшная волна воздуха повалила рабочих на другой платформе. Пыль от раздробленного камня наполнила воздух. В темноте раздавались стоны и крики. После обрушения главной массы отдельные глыбы натека продолжали еще отделяться от свода и с треском падали вниз.

Наконец, каменный дождь прекратился, и рабочие на уцелевшей платформе, полузадушенные пылью, начали приходить в себя. Штейгер зажег свечу, при тусклом свете которой, терявшемся в обширной пещере, можно было увидеть, что со свода обрушился слой натека длиной около 20 и шириной около 8 м. Перепуганные рабочие спустились с платформы и устремились было через наваленные глыбы к выходу из пещеры. Но штейгер остановил их; он послал одного в шахту к телефону, чтобы вызвать помощь, а сам с остальными девятью при тусклом свете свечи стал извлекать засыпанных.

Рабочие, упавшие вместе со второй платформой уже после обрушения свода, отделались сильными ушибами и переломами ног или рук. Но четыре человека, бывшие на дне пещеры у вагончиков, вероятно, погибли, задавленные рухнувшими массами.

Пришлось ограничиться перевязкой ран двух-трех слегка ушибленных и переноской остальных с угловатых глыб камня, на которых они лежали, на ровное место.

Ельников и Киото вместе с рабочими, успевшими подняться, спустились в пещеру. Здесь шла уже разборка обвала, глыбы натека складывались в кучи в ожидании восстановления рельсов для вывоза их к шахте. Вскоре под этими обломками были найдены три трупа, совершенно раздавленные, четвертый же из бывших на дне пещеры рабочих спасся чудом — он успел спрятаться под вагончик, опрокинув его на себя в момент падения обвала; он лишился сознания и пролежал под вагончиком, пока его не освободили.

Причиной обвала, очевидно, был тот же пожар; под воздействием страшного огня, поднимавшегося с лесов, сильно накаленный слой натека отделился от гранита и поддерживался на своде только остальной массой натека, менее нагретой и потому не отслоившейся. Когда работы подошли к самому месту пожарища, и произошла катастрофа.

Шахта к началу июля достигла глубины 1470 м, и температура на дне ее была уже 89°, так что ступень определилась за последний месяц в среднем в 7 м. Нельзя было сомневаться, что дело близится к успешному завершению и через какие-нибудь 100—150 м будет достигнута температура кипения воды. Но работать становилось, конечно, все труднее. Спасала лишь толстая одежда и шлемы с резервуарами сжатого воздуха. Несмотря на усиленное вдувание охлажденного воздуха и широкое применение жидкого воздуха, температура у дна шахты держалась около 60°. До стенок нельзя было дотронуться, а глыбы породы, выломанные со дна шахты и доставленные на поверхность, были еще так горячи, что попадавшие на них капли дождя сразу испарялись, и над отвалами поднимался пар. Рабочие менялись каждый час, и каждая восьмичасовая смена состояла теперь из двойного их количества; проработав час в шахте, одна часть сменялась другой и поднималась для отдыха на поверхность, а через час возвращалась назад; следовательно, каждый проводил на работе только четыре часа из восьми. Таким образом поддерживалось непрерывное углубление шахты при сохранении работоспособности рабочих. Возле надшахтного здания был построен отдельный теплый барак, где отдыхавшая смена могла принимать душ и отдыхать. За каждые десять пройденных метров выдавалась особая премия всем работавшим в шахте, что увеличивало интенсивность труда.

16. Котлы особой системы

В начале августа шахта имела 1537 м глубины и температура у ее дна достигла 98°. Гранит дна и стен излучал жар, словно исполинская печка; яйца, положенные на дно, варились всмятку в течение нескольких минут, картофель и хлеб пеклись за полчаса. Динамитные патроны, которые вкладывались в буровые

скважины (шпуры), высверленные в скале дна, приходилось защищать асбестовой оболочкой от этого жара, действовавшего на них губительно. Пребывание рабочих на дне шахты пришлось сократить до получаса, так как и асбестовая одежда и шлем слишком быстро нагревались и люди начинали задыхаться. С открытой головой в этой атмосфере можно было пробыть не долее нескольких минут, несмотря на струи холодного воздуха, со свистом вырывавшегося из вентиляционных труб. Жестянки с охлаждающими смесями и жидким воздухом приходилось менять через каждые полчаса, и каждая смена рабочих являлась с новыми жестянками.

Несмотря на эти затруднения, углубление шахты продолжалось с лихорадочной энергией; над платформой стучали молотки слесарей, соединявших звенья крепи, визжала лебедка и гремели камни, нагружаемые в вагончики. На дне шахты неумолчно стучали перфораторы, и их стальные жала с яростью вонзались в твердый гранит, выбивая искры. Люди в костюмах водолазов, напоминавшие чудовищных муравьев с большими круглыми головами, стояли у перфораторов, работали у гранитных стен молотками и зубилами, нагружали ящик лебедки обломками камня. Каждые полчаса из клети, спустившейся сверху, входили такие же странные молчаливые двуногие, на минуту замолкал стук перфораторов и молотков, прибывшие обменивались какими-то жестами с теми, кто возился в шахте, и становились на место последних. Снова начинался неистовый стук и грохот, а смененные муравьи стекались к клети, унося жестянки, и вместе с клетью исчезали во мраке шахты, чтобы через полчаса вернуться назад. Только 3 раза в сутки стук на дне шахты затихал на целых полчаса; вместо очередной смены рабочих появлялись запальщики, закладывали патроны в шпуры и быстро уходили, а спустя некоторое время тишина ненадолго нарушалась грохотом взрывов, шахта наполнялась приторным дымом, и дно ее, ровное за несколько минут до этого, превращалось в хаос наваленных друг на друга обломков. Дым быстро редел, жадно всасываемый трубами вентиляции, и через четверть часа после взрывов снова появлялись молчаливые двуногие и работа закипала по-прежнему; ни одна минута не пропадала даром, и казалось, что работают автоматы, руководимые какой-то невидимой силой. Это впечатление создавалось из-за полного отсутствия человеческих голосов — слышался только шум машин и инструментов.

6 августа на глубине 1553 м термометр показал в породе на дне шахты температуру 100°. Ельникову сообщили об этом за утренним завтраком.

— Итак, конец? — воскликнул, Фролов, поднимая рюмку с водкой. — Сердечно поздравляю вас, Аркадий Егорович, с успехом. Теперь остается поставить котлы, и вода в них закипит!

— Вы ошибаетесь, Семен Петрович, — улыбнулся инженер, — и ваше поздравление преждевременно. Мы должны углубляться еще.

— На какого же черта! Вам так нравится эта адская работа, что вы хотите вести шахту до центра Земли что ли?

— Совсем нет! Вы забываете, что дно шахты находится уже на 1500 м ниже уровня океана.

— Так что же из этого?

— Если мы поднимаемся вверх от этого уровня, например лезем на высокую гору, то вода закипает при температуре ниже 100°, и чем выше мы заберемся, тем больше разница. Вспомните курс физики, почтеннейший! На этом законе основано определение высоты гор кипячением воды в особом приборе, называемом гипсотермометром. Определяем температуру, при которой закипает вода, и по таблице находим высоту места.

— Представьте себе, совершенно позабыл. Но теперь понимаю, в чем дело. Если мы спускаемся ниже уровня океана, то точка кипения воды будет уже не 100°, а выше?

— Вот именно. И по таблицам легко определить, насколько мы должны еще углубиться. Но кроме того, нужно иметь известный запас тепла. Если мы поставим котлы как раз на той глубине, на которой закипает вода, то мы рискуем, что через несколько лет вода уже не будет закипать в котлах, потому что наша шахта, словно насос, будет вытягивать тепло из недр. Как велика будет эта убыль и будет ли она вполне возмещаться притоком тепла из более глубоких слоев — мы не знаем точно. Опыта в этом отношении у нас нет, а вычисления могут быть не вполне точными. Поэтому лучше теперь же, когда все налажено, пройти вглубь лишних полсотни метров, чтобы иметь несколько градусов тепла в запасе, чем производить это углубление и сложную перестановку котлов через несколько лет. Да и вода в котлах будет закипать скорее, когда температура скалы будет на несколько градусов выше точки кипения.

— Да, теперь я вижу, что мое поздравление преждевременно, и беру его назад! — засмеялся Фролов. — Пожалуй, оно будет уместно только через месяц?

— Приблизительно так. Но не хотите ли убедиться собственными глазами, что на дне шахты при 100° вода не кипит? Кстати, вы давно уже не были в шахте и не видели настоящего ада.

— С удовольствием.

— Для этого опыта мы захватим также Путилина и еще когонибудь из правления, чтобы они сами видели, что шахта должна быть глубже. Мы отправимся перед завтраком, а пока я велю сделать длинную жестяную трубку для нашего опыта.

Перед полуднем Ельников, Фролов, Путилин, Баранов и Функельштейн собрались у входа в шахту. Ельников принес жестяную трубку, длиной в метр и диаметром в 4 см, запаянную

с одного конца. Так как на дне шахты давно уже не было ни капли воды, то трубку наполнили водой наверху и захватили с собой на всякий случай еще ведро воды. Ельников объяснил присутствующим, в чем будет заключаться опыт, прежде чем все облачились в костюмы и шлемы, не позволявшие разговаривать.

Спуск со скоростью 4 м в секунду продолжался теперь почти семь минут и казался бесконечным. Глядя на быстро мелькавшие одно за другим звенья крепи, каждое из которых имело метр высоты, посетители поняли, как велика эта глубина в 1553 м, которую они раньше не представляли себе реально. Наконец клеть остановилась. Понаблюдав работу слесарей, все спустились на дно шахты. Здесь заканчивалось выбуривание шпуров, и ряд последних был уже готов и заткнут пучками пакли. Открыв один из них, Ельников спустил в него трубку с водой. Все с интересом обступили ее. Вскоре из воды начали выделяться пузырьки воздуха, потом пошел легкий пар. Опущенный в нее термометр показал 100°, но вода не закипала — опыт был вполне убедителен.

Перед тем как подняться назад, посетители сняли с себя шлемы, чтобы «понюхать воздух в шахте», как выразился Путилин. Через полминуты все лица покраснели, рты раскрылись в инстинктивном стремлении к свежему воздуху, глаза начали слезиться, все зачихали, и Фролов выразил общее впечатление словами:

— Мне кажется, что меня посадили в духовой шкаф, чтобы изжарить. Еще пять минут — и моя кожа начнет румяниться, как у поросенка!

Все поторопились войти в клеть и, поднявшись на поверхность, жадно вдыхали теплый воздух августовского дня, который казался им удивительно свежим и приятным.

В пещере после обвала на некоторое время работы были остановлены. Но когда прибыли горнорабочие, выписанные из Японии, Киото опять приступил к добыче драгоценных камней из свода. Только теперь, во избежание повторения несчастья, предварительно обрушивали толщу кремневого натека отдельными участками, применяя взрывчатые вещества, а затем уже прежним способом осторожно отделяли наружный слой гранита, содержавший ценные кристаллы. Но в своде пещеры этот слой оказался значительно тоньше, чем на стенах, так что добыча его не представляла особенных выгод, и было решено прекратить работу, как только пещера понадобится для установки электрических машин. Только кремневый натек нужно было отбить повсюду, чтобы он со временем не обрушился сам.

В первых числах сентября шахта достигла 1620 м глубины; теперь температура на ее дне повысилась уже до 107°, и опыты показали, что вода, налитая в шпуры, закипает почти моментально. Но на всякий случай решили углубиться еще на 30 м

и довести температуру скалы до 110°. Это было достигнуто 14 сентября рано утром. По случаю окончания шахты на этот день все работы в ней были прекращены.

На следующий день приступили к проведению галерей, или штреков, для котлов. Каждый из четырех штреков имел по 2 м в ширину и в высоту, и они расходились от шахты в горизонтальном направлении под прямым углом друг к другу. На расстоянии 6 м от шахты каждый штрек делился на две ветви, также расходившиеся под прямым углом друг к другу, так что теперь работали уже восемь штреков. Последние через 6 м опять раздваивались, так что на расстоянии 12 м от шахты получалось уже 16 штреков, которые врезались, подобно гигантским щупальцам или, скорее, подобно корням шахты, в горячий гранит, чтобы высасывать из него тепло.

Когда в конце сентября приступили к проведению зтих штреков, Фролов однажды спросил Ельникова за обедом:

— Ваши котлы, вероятно, на днях прибудут из Японии? Но как же вы будете склепывать их в штреках? А целиком спустить их в шахту совершенно невозможно, я думаю.

— Совершенно верно, — отозвался Ельников, — поэтому я еще не заказывал котлов.

— То есть как же это? — вскричал Фролов, уронив из рук вилку. — Вы все время говорили: котлы, котлы, котлы, а теперь оказывается, что они еще не заказаны! Чего же вы ждете, объясните, ради бога? Ведь теперь шахта успешно доведена до надлежащей глубины и бояться, что котлы вообще не понадобятся, нечего.

— Заказывать их не нужно, мы их сами изготовим, — улыбнулся Ельников.

— Ничего не понимаю! Крепь для шахты все время выписывали готовенькую, а котлы хотите делать сами. Разве они будут такие особенные, что их в Японии не могли бы сделать? Не могу себе представить!

— Совершенно верно! Не только в Японии, но и в целом мире котлов моей системы не могут сделать. Это мой патент и мой секрет.

— Но мне-то вы можете сказать! Я не конкурент и не буду строить зти адские шахты. Все-таки я никаких подготовительных работ не видел, хотя бы подвозки материала для этих загадочных котлов. Они, что же, будут из алюминия?

— Нет, просто-напросто из гранита.

— Из гранита? Ну, это шутки. Я понимаю, что вы проводите штреки в граните, заменяющем вам и обмуровку котла, и топку, и топливо. Но в этот штрек-то вы должны вставить котел, содержащий воду, настоящий котел из какого-нибудь металла, — вещества, хорошо проводящего тепло, а не из гранита, пропускающего воду.

— Я сам так думал прежде. Но теперь решил отказаться от металлических котлов — лишний расход.

— Хоть убейте, Аркадий Егорович, я вас не понимаю. И Анна Ивановна, я уверен, также.

— Вы ошибаетесь, Семен Петрович! — засмеялась Ельникова. — Я поняла, или, вернее, догадалась, хотя муж мне ничего не говорил, кроме того, что вы сейчас слышали.

— В таком случае вам следует выдать почетный диплом инженера — специалиста по подземным котлам! — пошутил Фролов. — И вы, может быть, объясните мне, в чем суть?

— Да это очень просто, Семен Петрович! Я полагаю, что Аркадий Егорович хочет не ставить в штреки котлы, а прямо вливать в них воду.

— Вливать воду? Но ведь она уйдет, разольется по штрекам и уйдет в трещины.

— Анна Ивановна, действительно, поняла мою мысль, — сказал Ельников. — Металлические котлы нам нужны здесь на земной поверхности, нужны были бы и в шахте, если бы она кончилась в каких-нибудь трещиноватых сланцах. Но мы наткнулись, к счастью, на сплошной крепкий гранит, и вместо того, чтобы вставлять в него котел, не проще ли, чтобы сам гранит исполнял роль и грелки и водоема. Каждый из моих штреков окончится гезенком, т. е. вертикальным колодцем глубиной в 10 м. В этот колодец мы проведем воду, закроем его хорошо пригнанной крышкой с пароотводной трубой и предохранительным клапаном, вода в колодце будет себе кипеть, а пар по трубе уходить куда нужно.

— Действительно, просто, как колумбово яйцо! — удивился Фролов. — Но неужели из этих ваших каменных котлов-колодцев вода не будет просачиваться в глубь гранита? Ведь гранит водопроницаем, хотя и в слабой степени.

— Вы правы, немного воды будет уходить, но разве нам жалко ее? Провести воду вниз легко — она течет сама. И потом вообще все новые котлы немного текут, — засмеялся Ельников, — а стенки наших колодцев постепенно покроются слоем накипи, которая заполнит всякие трещинки, и течь прекратится. Я думаю, что придется эту накипь время от времени счищать, как во всяких котлах, хотя наши котлы никогда не взорвутся, — это их особенное достоинство.

— Я поражен простотой этой идеи, — воскликнул Фролов. — Вместо того чтобы заказывать котлы, возиться с их спуском в шахту, склепкой и установкой, — выдолбить их в граните!

— А знаете, когда и как явилась эта идея? «Драгоценная» пещера, наполненная водой, подала мне ее. В ней сохранялась вода миллионы лет и только из одной седьмой объема пещеры, прежде заполненной доверху, судя по наличию натека на своде, вода куда-то исчезла. Этот сплошной гранит, лишенный трещин, очевидно, пропускает и впитывает воду в ничтожном количестве

и даст нам котлы, так сказать, вечные, никогда не требующие ремонта.

— Но крышки к ним будут металлические?

— Конечно. Они уже давно заказаны и на днях прибудут. В устье каждого колодца они будут укреплены особыми зажимами, так что их нетрудно будет снять для чистки котла.

В начале октября каждый из 16 штреков, достигнув длины в 6 м, в свою очередь был разделен на две короткие ветви, в дне каждой из них начали углублять гезенки, или колодцы; последние в верхней части имели только метр в диаметре, но глубже начинали постепенно расширяться, подобно гигантской бутылке, до диаметра в 3 м. От устья до дна они имели 8 м; стенки их были тщательно выровнены. Затем на дне штрека вокруг устья каждого колодца в граните прорезали желоб, дно и стенки которого также были выровнены и даже отполированы. В четырех местах с внешней стороны желобка выбурили по одному шпуру, глубиной в метр, спустили в каждый из них большой фундаментальный болт головкой вниз и залили цементом. Металлические крышки этих котлов в граните ложились своими краями в желоб, на подкладку из асбеста; зажимы, навинченные на болты, удерживали крышки.

В шахте за это время убрали платформу, довели направляющие клетей до дна, нарастили насосные и вентиляционные трубы и присоединили к ним разветвления, которые должны были подводить воду к 32 котлам и свежий воздух в штреки. От котлов проложили паропроводные трубки, соединявшиеся в шахте в общий паропровод, поднимавшийся на 400 м к пещере.

17. Окончание шахты

В пещере в это время устанавливали большие паровые машины и огромные генераторы электрического тока. Вверх от пещеры шли кабели, по которым ток поднимался на поверхность. Пещера превратилась теперь в огромный машинный зал, ярко освещенный большими фонарями, где десятки слесарей и механиков занимались сборкой машин, части которых были спущены в шахту. На желтоватых стенах зала и его своде крупные кристаллы полевого шпата и пластинки черной и белой слюды отражали огни фонарей, а рядом с ними тускло блестели зерна белого или дымчатого кварца. Огромный свод не нуждался ни в какой крепи — ни в подпорках, ни в балках; слой кремневого натека, который мог бы обрушиться, был удален, все подозрительные выступы и глыбы сбиты.

В середине ноября все было установлено, машины проверены и испытаны, в котлах кипела вода. По улицам города к давно уже готовым столбам были подвешены кабели, а в трамвайном

парке ряды новеньких вагонов стояли в ожидании открытия подземной станции.

Торжественное открытие тепловой шахты было назначено на 20 ноября; этот день решено было праздновать ежегодно, пока существует город Безмятежный. С утра уже все здания расцветились флагами, гирлянды из хвои, мирта и других вечнозеленых кустов тянулись поперек улиц. Все огромное надшахтное здание было украшено флагами и венками, а площадь перед ним была запружена горожанами и рабочими, которым было интересно посмотреть, как сила тепла, взятая из скалы на дне темной и страшной шахты, стоившей таких трудов и погубившей десятки людей, завертит все машины, пустит в ход трамваи и осветит город.

День выдался пасмурный, но теплый и сухой. На площадь к надшахтному зданию прибыли все члены правления, инженеры, техники и все городские служащие. После молебствия и освящения шахты Путилин, Ельников, Фролов и один из рабочих произнесли речи. На флагштоке над зданием взвился флаг с гербом города, изображавшим разрез шахты, из которой вырывался пучок лучей. Девиз на гербе гласил: «Из недр — сила». Одновременно с поднятием флага, по сигналу Ельникова, переданному по телефону в пещеру, заработали машины и сразу зажглись фонари на городских улицах, а трамвайные вагоны один за другим начали выходить из парка, разбегаясь по всем линиям и набирая на остановках пассажиров, платы с которых в этот день не брали.

После этого во всех залах гостиницы состоялся завтрак для строителей шахты — как инженеров, так и рабочих, на котором присутствовали все члены правления и представители горожан; после завтрака последние спускались в шахту и осматривали машинный зал и котельные штреки, и затем до позднего вечера спуск в шахту был разрешен всем желающим. Вечером в театре состоялся парадный спектакль для строителей шахты, городских служащих и рабочих.

На следующий день прибыл пароход с 50 японскими и американскими инженерами, ехавшими к открытию, но опоздавшими из-за тайфуна. Гости осматривали шахту и город, и вечером в честь их правление дало банкет.

Героями этих дней были Ельников и его главный инженер Киото — строители шахты, одной из новых мировых достопримечательностей, которая должна была привлекать в город Безмятежный туристов из всех стран земного шара. Часть освободившихся мастерских при надшахтном здании была превращена в музей, и в нем было собрано и выставлено для обозрения посетителей все, что касалось шахты: планы и разрезы, чертежи машин, разные фотографии, коллекция всех горных пород, пройденных шахтой, кремневого натека и драгоценных камней пещеры, данные

о температуре разных слоев, обнаружившей такие колебания, о притоке воды и ее составе и т. п.

С началом действия котлов на дне шахты и электрической станции в пещере работы не были еще закончены. Пришлось приспособить шахту к ее новой деятельности. Прежде всего нужно было переделать вентиляционные трубы, высасывавшие горячий воздух из шахты, который до сих пор пропадал без пользы, так как был загрязнен пылью, дыханием людей и динамитным дымом. Теперь же он прежде всего должен был обогревать паропроводные трубы, шедшие от дна шахты до пещеры, чтобы предупредить остывание пара на этом пути в 400 м длины. Поэтому соорудили новую вытяжную трубу, охватывавшую все паропроводы, словно большой футляр. Эта труба продолжалась и вверх от пещеры, но уже без паропроводов внутри; она выводила горячий воздух на поверхность, где им в холодное время года подогревались котлы городского водяного отопления и тем уменьшался расход электричества. В теплые месяцы, когда не было надобности в отоплении домов, горячий воздух из этой трубы направлялся в большую сушильню, устроенную для сушки плодов и овощей, которыми снабжался не только весь город, но и соседние районы.

Менее горячий воздух, высасываемый из пещеры, направлялся в старую вытяжную трубу и находил на поверхности другое применение: он попадал в расположенные по соседству с шахтой центральную городскую прачечную и столярную мастерскую, где им пользовались для сушки белья и дерева. Таким образом, ни одна калория тепла, извлекаемого из недр Земли, не пропадала даром.

Из четырех насосов, имевшихся в шахте, три были оставлены в полной исправности на случай несчастья — прорыва воды в шахту сверху или снизу. Четвертый насос подвергся полной переделке; он был превращен из сосущего воду снизу в подающий воду сверху и питал все 32 котла системы Ельникова. Питание было автоматическое, так что котлы не требовали постоянного надзора; только 4 раза в сутки на дно шахты спускался механик и обходил все котлы, чтобы убедиться в их исправности.

Электрическая станция в пещере, конечно, требовала постоянного надзора и ухода, поэтому дежурные машинисты и слесари находились в ней постоянно, но в пещере температура была значительно ниже, чем на дне шахты, так что при сокращенной продолжительности работы она производилась без вредных последствий и даже без дыхательных аппаратов, неизбежных на дне шахты.

Подъемная машина, компрессор, нагнетавший в пещеру охлажденный воздух, и вентилятор, высасывавший из нее горячий, ранее работавшие силой пара, теперь приводились в действие электромоторами, получавшими ток из подземной станции.

Все необходимые переделки и исправления были закончены к концу зимы, и после испытания всей системы в течение марта Ельников мог сдать шахту акционерному обществу как вполне законченную и удовлетворяющую своему назначению «теплососа». Она доставляла большому городу все необходимое для его жизни: тепло, свет и силу; для получения их не сжигали ни одного фунта угля. Огромное надшахтное здание с его пристройками резко отличалось от фабрик и заводов тем, что не имело трубы, извергающей клубы черного дыма. Это здание отличалось чистотой и царившей в нем тишиной: подъемная машина, вентиляция и котлы, согреваемые электричеством, действовали почти беззвучно. В определенные часы входили и выходили чисто одетые люди, мало похожие на рабочих.

Отсутствием дыма и копоти отличался весь город Безмятежный. Во всех домах плиты были газовые, а отопление водяное; горячая вода из центральных котлов надшахтного здания, нагреваемых горячим воздухом шахты и электричеством, расходилась по трубам по всему городу; так как на пути она немного остывала, особенно к окраинам города, то в каждом доме имелись электрические подогреватели, действовавшие, впрочем, только в холодные месяцы. Таким образом, даже зимой трубы городских домов не дымили, за исключением труб немногочисленных каминов у любителей этого рода отопления. В прочее время вода была достаточно горяча для употребления в ваннах и кухнях. [...]

1920 г.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

Отрывок из повести

От автора

В 1895 г. известный английский писатель Г. Д. Уэллс напечатал научно-фантастический роман «Машина времени». В этом романе описано, как один изобретатель, названный «путешественником во времени», сконструировал машину, при помощи которой он мог с невероятной быстротой переноситься во времени, представляющем, по Уэллсу, четвертое измерение всех реально существующих тел. Совершив полет на этой машине, путешественник спачала оказался в 802 701 г. и наблюдал людей «золотого века» — вырождающихся, изнеженных полным довольством и безопасностью, измельчавших «илоев», проводивших жизнь в полном безделье, и загнанных в подземные мастерские и фабрики злобных слепых «морлоков», создававших для илоев

условия беспечного существования, но мстивших им тем, что, выходя по ночам на поверхность земли, похищали илоев, не спрятавшихся в жилищах, и съедали их.

После ряда приключений среди илоев и морлоков путешественник перенесся в будущее еще через 30 млн. лет и увидел умирающую Землю, огромный красный, почти уже не греющий диск Солнца, замерзающее море, исчезновение жизни на опустевшей Земле, воздух которой стал слишком разреженным.

Вернувшись из этого полета и рассказав друзьям свои наблюдения, путешественник через некоторое время снова захотел полететь в будущее, сел на свою машину и исчез. Его возвращения друзья ждали напрасно.

Этим кончается роман. Тема его очень увлекательна, и мы, продолжая повествование английского писателя, предлагаем читателю описание приключений путешественника во времени при его полетах как в будущее, но не столь отдаленное, так и в прошлое. Машина, изобретенная путешественником, могла переносить его во времени не только вперед, но и назад — иначе он не мог бы вернуться из полетов к своим друзьям.

Но сначала нужно пояснить, в какой обстановке происходили полеты, и перечислить друзей путешественника, которые слушают его повествование.

Путешественник жил в собственном коттедже в Ричмонде, западном пригороде Лондона, расположенном на правом берегу Темзы, по железной дороге в Бристоль, между парком Ричмонд и ботаническим садом с известной обсерваторией Кью.

Друзьями путешественника, ожидавшими его возвращения из полетов, были: рыжеволосый Фильби, большой спорщик; издатель Ричардсон, врач, психолог и сам Уэллс. Действующими лицами являются также домоправительница мисс Уочетт и слуга Меркль.

Необходимо помнить, что действие происходит в 1898 г., когда из новейших изобретений был известен лишь телефон, а электрическая лампочка только что начала проникать в обиход культурного европейца.

I

Мы уже потеряли надежду на возвращение путешественника во времени. Проходили недели и месяцы, а его все не было. Посещая Ричмонд раз в месяц, чтобы выдавать, по поручению путешественника, жалованье мисс Уочетт и Мерклю, я получал от них все те же неутешительные сведения — никаких известий.

В третью годовщину его исчезновения мы — Ричардсон, врач, психолог, Фильби и я — условились собраться в Ричмонде, в коттедже путешественника, чтобы решить вопрос, как быть дальше. Путешественник оставил на своем столе в запечатанном конверте

завещание на случай своего невозвращения из полетов и уполномочил меня вскрыть его по истечении трех лет.

Мы приехали в Ричмонд под вечер. Мисс Уочетт была предупреждена и должна была приготовить нам обед, после которого я собирался в присутствии друзей путешественника вскрыть и огласить его завещание. В поезде мы уже обменялись догадками о том, каким образом путешественник, человек одинокий, распорядился своим домом и другим имуществом.

— Я уверен, — сказал психолог, — что он обеспечил своих старых домочадцев, мисс Уочетт и Меркля.

— Надеюсь, что он не забыл и меня, — заметил врач. — Я лечу его уже 15 лет и не раз выезжал к нему ежедневно, когда он болел.

— А я рассчитываю, что он разрешил мне, наконец, напечатать описание приключений его прошлого путешествия, — заявил издатель.

— Я могу только надеяться, что он завещал мне некоторые из своих экзотических коллекций, которыми я особенно восхищался, — прибавил Фильби.

Итак, мы ехали в Ричмонд, вполне уверенные в том, что путешественник не вернется никогда. Велико поэтому было наше удивление, когда Меркль, впуская нас в дом, приглушенным голосом, но с сияющим лицом сообщил нам:

— Вы не знаете, джентльмены, наш хозяин наконец вернулся!

— Неужели? Что вы? Когда это? — посыпались наши вопросы.

— Сегодня около полудня. Но пришел совершенно измученный. Я вызвал ближайшего доктора, который сделал ему перевязки. После завтрака он сейчас же лег в постель.

— Следовательно, мы можем удалиться! Нельзя же мешать ему отдохнуть с дороги, — сказал я.

— О нет! Он был очень рад, когда я доложил ему, что его друзья обедают сегодня у нас. Он велел разбудить его, когда вы приедете.

— А его странная машина тоже вернулась? — поинтересовался психолог.

— Как же, стоит на своем месте в лаборатории. Только она вся покрыта какой-то белой грязью. Я предложил вычистить ее, но он запретил трогать что бы то ни было.

— Что же, хозяин подъехал на машине по улице? — спросил врач.

— Нет, я убирал в это время соседнюю комнату и вдруг услышал в лаборатории легкий шум и какое-то жужжание. Я подумал, что через открытое окно туда залетела какая-нибудь птица, открыл дверь, увидел машину и возле нее хозяина, который отвязывал из-под сиденья большой пакет.

Во время этих разговоров мы разделись в передней и перешли в кабинет хозяина. В камине уже весело потрескивали дрова.

На круглом столе у дивана мы заметили разложенные странные предметы: увесистую, очень грязную дубинку, пучок черных волос, похожий на конский хвост, несколько остроугольных камней, ожерелье из белых раковин, нанизанных на ремешок, грубый костяной нож.

— Наш друг в этот раз, по-видимому, залетел в каменный век человечества, — сказал издатель.

— Да, это как будто орудия палеолитического человека, — подтвердил Фильби, ощупавший осколки камня.

— Но подобные же вещи он мог добыть у каких-нибудь дикарей в Австралии или в Новой Гвинее, — возразил психолог, который все еще относился с полным недоверием к рассказам путешественника и к его машине времени. — Наш друг пропадал три года в плену у диких народов.

— Позвольте, ведь я собственными глазами видел, как исчезла машина и вместе с ней наш друг. Меркль может подтвердить это, — воскликнул я.

Психолог рассмеялся.

— Во всяком случае нам предстоит интересный вечер, — сказал он. — Где бы ни побывал наш друг — в прошлом, в будущем или у дикарей, — он сумеет занять наше внимание своими рассказами. Фантазия у него богатая.

В соседней столовой Меркль накрывал на стол, и позвякивание посуды, ножей, вилок и ложек напоминало нам, что мы проголодались. Окончив работу, он заглянул в кабинет и заявил:

— Пожалуйте к столу, джентльмены. Хозяин сейчас выйдет к вам.

Мы вошли в столовую и заняли свои обычные места. Одновременно из одной двери появился Меркль с суповой миской, а из другой — путешественник с забинтованной головой и левой рукой на перевязи. Мы приветствовали его дружными рукоплесканиями. Он поклонился нам и опустился на свой стул. Меркль начал проворно разносить тарелки.

— В этот раз я долго отсутствовал, — начал путешественник, — и вы, конечно, потеряли надежду на мое возвращение. Если бы я отправился в путешествие к Северному полюсу или в Центральную Африку, ваши опасения имели бы известное основание. Но разве может что-нибудь случиться с человеком, летящем на машине времени? Сообразите сами. Если бы я погиб, перенесшись в прошлое, то как мог бы я существовать в наши дни, после этой поездки? Не мог бы я погибнуть и перенесшись на машине в далекое будущее, так как ясно, что в этом будущем могут существовать только мои потомки, но не я сам.

— Позвольте, это же парадоксы! — воскликнул психолог.

— Может быть, — с улыбкой продолжал путешественник. — Во всяком случае, эти соображения, которые, я думаю, никто опровергнуть не может, позволили мне бесстрашно переноситься

в будущее. Я был уверен, что погибнуть ни в каком случае не могу, что бы со мной ни случилось.

— Но вы все-таки могли погибнуть во время самого полета из-за какого-нибудь дефекта в машине, — заметил врач. — Например, если бы она при своем быстром движении разлетелась на куски и обломок проломил бы вам голову или перешиб позвоночник.

— И эта случайность не имела бы никакого отношения ни к прошлому, ни к будущему, — подтвердил психолог.

— В этом отношении вы правы, — ответил путешественник, — но такая опасность исключена, машина построена прочно.

На тему о возможной гибели при полетах мы продолжали спорить во время обеда, так как соображения путешественника, при всей их логичности, не могли убедить кое-кого из нас.

После обеда мы перешли в кабинет хозяина и расположились около топившегося камина. Меркль расставил маленькие столики, принес кофе и ликеры. Когда он удалился, путешественник начал свой рассказ.

— В прошлый раз, если вы помните, я перенесся на 800 тыс. лет вперед и увидел упадок человечества, изнеженных илоев, живших в праздности среди парков в громадных дворцах, а в глубине подземелий — рабочих морлоков, выродившихся в обезьяноподобных людоедов.

В этот раз мне хотелось проследить, перелетая через столетия, как дошли люди до такого состояния.

Но, наученный горьким опытом, я надел более прочную дорожную одежду, запасся карманной фотографической камерой, револьвером, разными принадлежностями туалета и золотой монетой, рассчитывая, что золото во все века сохранит свою ценность. Я пустил машину сначала с умеренной скоростью и перенесся только примерно на 20 лет.

— Таким образом, вы очутились в 1915 г.? — спросил издатель.

— Да, точно, в августе 1915 г., как я узнал потом. И, представьте себе, этого дома уже не было. Машина остановилась среди пожарища, в котором я едва различил остатки своего жилища — обгорелые, закопченные стены, груды мусора среди них, уже поросшие крапивой. Очевидно, дом сгорел ранней весной, если не зимой. Но эти развалины хорошо защищали машину от взоров любопытных, и я спокойно оставил ее, но только соединил колеса цепочкой с замком, чтобы никто не мог утащить ее, как случилось в прошлый раз.

Уже смеркалось. По знакомой дороге я прошел на окраину Ричмонда и вошел в таверну, хозяин которой Дженкинс хорошо знал меня. В разговоре с ним я хотел узнать, что случилось за эти 20 лет. Но за стойкой оказался незнакомый человек. Заказав себе бутылку эля, я спросил:

— Скажите, давно ли Дженкинс оставил это место? Я хорошо помню, что он был хозяином этой таверны.

— Вы, очевидно, давно не были в Ричмонде, сэр, — ответил трактирщик. — Дженкинс умер лет пять тому назад.

— А давно ли сгорел коттедж Гринхилль на соседнем холме? Я не раз бывал в гостях у его владельца.

— Коттедж сгорел в марте, во время налета германского цеппелина, будь он проклят. Хозяин отсутствовал, и все его имущество погибло в огне.

Я не имел представления, что такое цеппелин, но не хотел сразу обнаружить свое невежество и спросил:

— Что же, это было случайное несчастье?

Трактирщик взглянул на меня внимательно.

— Сэр, вы или прикидываетесь простаком, или вернулись только что с Северного полюса! Неужели вы не знаете, что и Великобритания и вся Европа уже год как воюет с Германией и Австро-Венгрией?

— Я, действительно, только что вернулся из полярной экспедиции, — поспешил объяснить я, — оставил свой багаж на станции и пошел прямо к своему другу, хозяину коттеджа Гринхилль, рассчитывая переночевать у него.

— Вот как, — протянул трактирщик, прищурив один глаз и оглядывая мою кожаную куртку. — Вы хорошо влопались, — ни хозяина, ни самого коттеджа нет и в помине. Но вы можете переночевать у меня; для случайных гостей есть хорошая комната, чистая кровать. Конечно, это не номер в первоклассном отеле, но вы как путешественник не должны быть избалованы комфортом. За багажом я могу послать на станцию.

— Одну ночь я обойдусь без него, — сказал я. — А завтра поеду в Лондон. Но скажите, по какому поводу началась эта ужасная война?

Но трактирщик не успел ответить. За столом, где сидели подвыпившие матросы, один из них затеял громкий спор с прислугой таверны, и трактирщик поспешил туда. Я остался один и начал прислушиваться к разговорам соседей.

— Немцы начали топить торговые суда своими подводными лодками, — сказал человек угрюмого вида. — Страховые премии сразу вскочили. Я обанкрочусь, если выполню свои обязательства по доставке угля в Норвегию.

— Так не отправляйте его! — возразил его собеседник.

— Наша фирма никогда еще не нарушала свои договоры. Остается только выжидать. Говорят, что наш флот скоро справится с этой напастью, а пока будет конвоировать торговые суда.

Громкий гул, от которого задребезжали окна, прервал разговор. Все вскочили.

— Опять цеппелин! — вскричал трактирщик и бросился закрывать внутренние ставни.

Я выбежал вместе с другими на крыльцо. Вдали на туманном горизонте сверкали огни Лондона, отсвет которых освещал низко стлавшиеся тучи. Но кроме того, по темному небу начали скользить какие-то белые лучи, то передвигаясь с места на место, то останавливаясь в том же положении на несколько секунд. Они были похожи па гигантские щупальца какого-то притаившегося чудовища, которые обшаривали тучи в поисках добычи.

— Что же это за странные лучи на небе? — спросил я стоявшего возле меня человека.

— Странный вопрос! Каждый ребенок знает, что это лучи прожекторов. Они ищут цеппелин, о приближении которого дали знать с караульных постов на морском берегу.

— А что же делают в Англии немецкие цеппелины?

Мой собеседник всплеснул руками.

— Вы удивительный человек! Не с луны ли вы свалились?

— Видите ли, я только что вернулся из многолетнего путешествия в глубину Бразилии и ничего не знаю о том, что случилось за это время в Европе.

— Вот что! Ну, так я объясню вам, что цеппелины, как разбойники, врываются в Англию по ночам и сбрасывают на нас огромные бомбы.

— Почему же не днем? Ведь ночью ничего не видно.

— Ха! Днем их сразу обнаружили бы и расстреляли из пушек, расставленных вокруг Лондона. Ночью же они видят освещенные улицы, а сами не видны на темном небе, пока их не поймает луч прожектора.

— Вот он, вот он, проклятый! — раздались голоса.

На участке неба, освещенном прожектором, я различил огромную серую массу, похожую по форме на колоссальный огурец, двигавшуюся под самыми тучами, клочья которых по временам отчасти заслоняли ее. И вот в том же направлении, но на земле вдруг взвился столб огня, поднялись клубы черного дыма, и несколько секунд спустя донесся оглушительный взрыв.

— Сбросил вторую бомбу! — вскричал мой сосед. — А сам теперь поднимается выше в тучи, скроется от прожектора и полетит дальше.

В ответ на взрыв с разных точек горизонта загремели выстрелы, но серое чудовище уже исчезло в тучах, и лучи прожектора тщетно ощупывали небо.

Я понял теперь, что цеппелин — огромный воздушный шар, но не несущийся по ветру, а управляемый волей человека, — изобретение, к которому давно стремились воздухоплаватели.

— Что же, этот цеппелин часто прилетает к вам? — спросил я.

— Как случится. Он выбирает пасмурную и тихую погоду, когда легче маневрировать и можно скрыться в тучах. Он прилетает из Бельгии, которую немцы завоевали. Особого вреда он не приносит, все меры предосторожности приняты, и застать нас

врасплох трудно. Но он создает ужасно нервное настроение. Подумайте, сидишь себе за ужином дома и ждешь, что того и гляди на твою крышу с неба упадет бомба и разворотит все. Приправа к еде не слишком приятная.

— Разумеется! — подтвердил я. — А вон тот коттедж на холме тоже пострадал от бомбы?

— Да, этой весной. Это был их первый налет, и они еще плохо ориентировались у нас. Но с тех пор немцы раздобыли новые карты через своих шпионов.

— Неужели в Англию проникают немецкие шпионы?

— Сколько угодно. Они проникают к нам с паспортами датчан, шведов, норвежцев. Одного поймают, а взамен приедут два или три. Вся Англия наводнена ими. Ужасное положение. Теперь в каждом незнакомом человеке можно подозревать шпиона.

— Может быть и меня примут за шпиона, — рассмеялся я. — А я ведь природный англичанин.

— Вполне возможно. Вас тут никто не знает, а вы сами все расспрашиваете, прикидываетесь приезжим.

— Но я жил в этой местности очень долго до своего путешествия, вот в том сгоревшем коттедже.

— Чем вы можете доказать это? Есть у вас бесспорные документы или свидетели?

— Документы есть, а свидетели найдутся. Не все же соседи, знавшие меня, вымерли за время моего отсутствия.

Во время этого разговора остальные посетители, наблюдавшие цеппелин, один за другим вернулись к своим бутылкам. Я также прошел туда и сел за свой стол, но чувствовал себя не вполне спокойно.

Немного погодя в таверну вошел полицейский констебль, пошептался с трактирщиком, и оба подошли ко мне.

— Извините, сэр, — сказал хозяин. — Ввиду военного положения я должен сообщать полиции о каждом приезжем, останавливающемся у меня, в особенности же о лицах иностранной внешности.

— Но я природный англичанин! — воскликнул я.

— Предъявите ваши документы, сэр, — заявил констебль, — или укажите, кто из присутствующих знает вас.

Я оглянулся. Все посетители столпились вокруг моего стола. Но я не видел среди них ни одного знакомого лица. Я назвал свою фамилию, сообщил, что жил прежде в сгоревшем коттедже, а теперь только что вернулся из многолетнего путешествия.

— Не из Германии ли? — послышался чей-то насмешливый возглас.

— Нет, из Бразилии, — возразил я, — я был там...

— Позвольте, сэр, — перебил трактирщик, — мне вы сказали, что вернулись с Северного полюса!

— Покажите документы! — уже настойчиво сказал констебль.

Я полез в карман за бумажником. Увы! Садясь на машину времени, я не собирался покидать пределы Англии и не запасся заграничным паспортом, а документы оставил в чемоданчике на машине. В бумажнике оказалась только визитная карточка и конверт от письма с моей фамилией и адресом. Я подал констеблю эти бумаги. Он осмотрел их и сказал:

— Этого совершенно недостаточно. Если вы были в далеком путешествии, вы должны иметь заграничный паспорт.

— Я уехал сначала в английские владения, и в то время никакого паспорта не требовали.

— Я вынужден проводить вас в полицейское управление, — заявил констебль. — Там вы все расскажете комиссару. Где ваши вещи? Не могли же вы прибыть из Бразилии или с Северного полюса без багажа?

Перспектива попасть в полицию в качестве немецкого шпиона мне не улыбалась. В лучшем случае меня могли задержать на несколько дней для наведения справок по указанным адресам моих знакомых и вызова кого-нибудь из них для опознания моей личности. Но вопрос о вещах навел меня на некоторую мысль.

— Я прибыл из Бристоля на велосипеде, — заявил я, — подъехал к своему коттеджу, но нашел только развалины. Я оставил там велосипед и прошел сюда, чтобы найти приют на ночь. При велосипеде у меня остались кое-какие доказательства моей личности. Пройдем туда.

— Хорошо! — сказал констебль. — Хозяин, добудьте фонарь. Кто из присутствующих желает быть свидетелем, пусть идет со мной.

— Я, я, я! Мы все пойдем! Посмотрим, что это за велосипед, на котором джентльмен приехал с Северного полюса!

Трактирщик принес фонарь, и мы всей толпой под моросившим дождиком направились к коттеджу. Констебль держал меня за руку, трактирщик освещал дорогу. Через кучи мусора и заросли крапивы мы прошли к машине, стоявшей на площадке бывшей лаборатории.

— Вот мой велосипед! — сказал я. — Сейчас я достану свои документы.

Констебль отпустил мою руку, так как бежать было невозможно — с трех сторон достаточно высокие стены, с четвертой — цепь людей. Я подошел к машине, быстро отомкнул замок, снял цепочку, вскочил на сиденье и пустил машину. Я успел только заметить протянутые ко мне руки, разинутые рты, затем все скрылось. Я спасся!

Мы дружно рассмеялись, представляя себе изумление честного констебля и добровольных свидетелей поимки немецкого шпиона, когда на их глазах этот подозрительный человек исчез, испарился вместе со своим велосипедом самым странным образом.

— Можно себе представить, какие фантастические рассказы

будут передаваться из уст в уста и наконец попадут в газеты, — заметил издатель, — о таинственном шпионе, задержанном в таверне благодаря патриотизму трактирщика и бдительности полиции, но затем бесследно исчезнувшем на какой-то машине на глазах у десятка свидетелей во главе с констеблем.

— Человек-невидимка, да еще с летающей машиной, — смеялся Фильби, намекая на мой роман.

— Итак, судя по наблюдениям нашего хозяина, при условии, что они соответствуют действительности, в нашей старой Англии жизнь через 20 лет сделается не особенно приятной, — заявил психолог, — люди будут жить в атмосфере всеобщих подозрений, с одной стороны, и в ожидании воздушной атаки бомбами, с другой.

— Но вы не сказали нам, из-за чего началась эта война и какие государства, кроме Англии и Германии, приняли в ней участие, — заметил врач.

— Как видно было из моего рассказа, — ответил путешественник, — мне пришлось провести в 1915 г. только один или два часа и затем спасаться от ареста. Из слов посетителей таверны я понял, что войной объята вся Европа, кроме скандинавских государств, и что наши войска сражаются с немцами на полях Франции.

— Меня лично всего больше заинтересовал этот цеппелин, — сказал я. — Как видно, заветная мечта человечества о завоевании воздуха через 20 лет будет разрешена.

— Управляемый воздушный шар огромной величины, нагруженный тяжелыми бомбами, совершающий свободный перелет из Бельгии в Лондон, поднимающийся и спускающийся по воле человека, — разве это не огромное достижение? Это уже первый шаг к полетам в любом направлении по всей Земле!

— Я забыл рассказать вам, — прервал путешественник, — что из разговоров в таверне я понял, что на полях сражений применяются какие-то аэропланы, летающие металлические птицы, которые ведут разведку позиций неприятеля с высоты и также сбрасывают бомбы.

— Это еще интереснее, — воскликнул я. — Огромный цеппелин не может быть очень поворотливым и едва ли справляется с сильным ветром. А стальная птица должна летать гораздо свободнее и быстрее.

— Но только возмутительно, что все подобные изобретения человеческого гения прежде всего применяются для взаимного истребления, — заметил врач. — Можно себе представить, в какие бездны нищеты и озверения упадет Европа, если эта война затянется надолго.

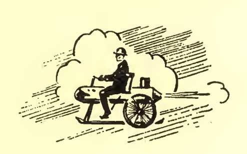
— А какой интересный материал будут давать газеты! — воскликнул издатель. — Какой заработок для военных корреспондентов, репортеров и типографий!

— И еще гораздо больший для всяких Виккерсов, Круппов, Крезо и других производителей пушек и боевых припасов и разных поставщиков армий. Золото польется потоками в их глубокие карманы, — промолвил Фильби. — Это если не главные виновники, то несомненно подстрекатели к войне.

— Очень жаль, что я не мог познакомиться поближе с событиями этого 1915 г. и об ужасах войны сужу только по своему сгоревшему коттеджу и налету цеппелина, — сказал путешественник. — Впрочем, потом я видел более драматические события и убедился, что Англии предстоят еще более тяжелые испытания. Если позволите, я буду продолжать свой рассказ.

Мы уселись опять на свои места и наполнили опустевшие рюмки. Путешественник прибавил дров в потухавший камин и заговорил. [...]

1940 г.

НЕОКОНЧЕННЫЕ ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

ЗАВОЕВАНИЕ ТУНДРЫ

Отрывок из повести

1. Полет над тундрой

Тяжелый транспортный самолет медленно поднялся с аэродрома Усть-Порт в устье Енисея и полетел на северо-восток, направляясь на место разведок у мыса Нордвик в Хатингском заливе, куда нужно было доставить почту и срочные грузы. Миновав плоские высоты правого берега Енисея, он летел на высоте 1000 м над широкой впадиной Хатангской депрессии, которая отделяет северную окраину Средне-Сибирского плоскогорья от гор Бырранга, вернее, расчлененного плато полуострова Таймыр. По всей этой впадине, шириной до 200 км, расстилалась тундра, то холмистая, то ровная, блестели под лучами солнца ленточки рек и речек и зеркала озер и озерков. На юге, на краю возвышенности, кое-где чернели редкие рощицы северной границы лесной зоны. Осталось в стороне зеркало большого озера Пясино.

Полчаса спустя самолет снизился; здесь на берегу реки Пясины виднелось несколько построек фактории Кресты, откуда на шум моторов выбежали люди и махали шапками. Пролетая над ними на высоте 100 м, самолет сбросил пакет с почтой и помчался дальше, набрав опять высоту, где меньше чувствовались теплые струи воздуха, поднимавшиеся с тундры. Часа полтора он летел вдоль реки Дудыпты, а от озер в ее верховьях повернул немного на восток и через полчаса опять снизился над факторией, стоявшей на правом берегу широкого русла, вернее, эстуария Хатанги, где опять сбросил почту. Еще два часа [полета] вдоль этого русла, постепенно расширявшегося в огромный залив, — и посадка на аэродроме у мыса Нордвик.

На всем протяжении полета видна была только пустынная тундра, ленты рек и зеркала озер. Лишь кое-где, через 150—200 км, стояли маленькие фактории, а в промежутках виднелись отдельные чумы звенков, казавшиеся маленькими черными точками, и вблизи них — пасшиеся стада северных оленей, которые напоминали крошечных серых червяков с черной спинкой, ползавших по ковру травы и ягелей тундры. Когда самолеты впервые появились над тундрой и летали невысоко, они сильно пугали оленей. Животные, задрав головы, бросались врассыпную и убегали так далеко, что пастухам стоило много труда собрать их. Поэтому летчиков просили летать возможно выше, и стада постепенно привыкли к гулу самолета, только поднимали головы и провожали взглядом эту странную огромную птицу.

В Нордвике, где самолет ночевал, штурман Фплонов за ужином разговорился:

— Летал я над этой тундрой уже много раз, бывал и над Большеземельской и над Тазовской и думаю — какое огромное пространство земли пропадает зря для человека.

— А олени? — возразил пилот Сомов. — Тундра — прекрасное пастбище для них. А олень дает мясо и шкуры. Можно развести их сотни тысяч или миллионы.

— А знаешь ли ты, сколько площади тундры нужно, чтобы прокормить одного оленя?

— Не знаю. Вероятно, 4—5 га или меньше.

— Ошибаешься, целых 11 га!

— Ну, так что же? Места хватит на всех.

— Хватит-то хватит, но зто нерациональное использование пространства. И потом много хлопот. Нужны пастухи, собаки. Время от времени падежи уничтожают целые стада. Значит, нужны еще ветеринары. И жилища, и снабжение, и транспорт для вывоза мяса и шкур.

— Ничего другого не придумаешь. Хлебопашество здесь невозможно, а для горного промысла нет перспектив. Разве найдут нефть.

— Ту же тундру можно лучше использовать, разводя рыбу. Здесь много озер и речек, можно устроить пруды и разводить ценную рыбу — карпов, сазанов, карасей. И один гектар пруда даст больше, чем 11 га, необходимых для прокормления одного оленя.

— Ты забываешь, что под зтими широтами озерки зимой вымерзают до дна, кроме самых больших, как Пясино и Таймыр; поэтому и рыбы в них нет. Как же разводить ее? Зимой вся рыба погибнет.

— Озера и пруды можно предохранить от промерзания. Я слышал от одного пнженера-мерзлотника, что если после замерзанпя озера понизить уровень воды так, чтобы подо льдом был метровый слой воздуха, то вода не будет больше замерзать ни при каком морозе.

— Неужели? Но как понизить уровень воды?

— В системе прудов это не трудно — выкачать или выпустить лишнюю воду по шлюзам.

— Допустим, что так. Но тогда лед, покрывший твой пруд, останется на весу и провалится. Подпорки будешь ставить, что ли?

— Отчего же нет? В пруду можно расставить и подпорки в виде свай. Они рыбе не помешают.

— Но рыбу нужно кормить, доставлять ей корм издалека.

— Найдется местный. В здешних озерах много мелких ракообразных и каких-то насекомых. Разведем их и в прудах.

— Итак, оленеводство долой и да здравствует рыба!

— Зачем так радикально? И для оленей останется много места. Вся холмистая тундра, на которой рыбоводство неудобно.

— Ты, видно, все уже обмозговал. Ну, ладно, будет и рыба и мясо. Чтобы использовать их, нужны люди, жилища, консервные заводы, коптильни, кожевенные заводы и т. д. А людям нужны и другие продукты, особенно хлеб, одежда, мебель и, кроме того, топливо, которого в тундре нет.

— Да, все это нужно, чтобы освоить тундру и покрыть ее жилищами и промышленными предприятиями, которые будут доставлять южным районам мясо и рыбу. Но некоторые продукты можно получить и в тундре, например в теплицах — разные овощи.

— Вот тебе раз! Значит, опять топливо.

— Да, в топливе главная трудность. Леса далеко и плохие, растут медленно. Угля во многих местах близко нет. Но один источник тепла имеется повсюду.

Филонов показал пальцем на пол.

— Вот тут и везде: в недрах Земли.

Сомов рассмеялся.

— Я знаю, что там, в глубине, горячо, что в некоторых местах из земли идет горячий пар. Читал, что в Италии, где-то вблизи старого вулкана, выводят пар или горячую воду из глубины и пользуются ими для промышленных целей. Но в нашей тундре таких мест нет.

— Нет — так можно их создать. Углубим шахты или буровые скважины и будем извлекать тепло из недр. Оно будет греть дома и теплицы, а это главное.

— Интересно! Сколько же нужно углубиться в недра, чтобы дойти до горячих слоев?

— По данным геологии, температура в глубь Земли повышается в среднем на 3° на каждые 100 м. Следовательно, достаточно углубиться на километр, чтобы получить 30°, а для домов и теплиц этого будет достаточно. Если же углубиться на 3,5 км, можно поставить на дне шахты котел и подавать наверх пар — источник энергии для освещения и машин.

— Ты забываешь, что здесь везде вечная мерзлота и толщина ее не менее 300 м. Только под ней начнется повышение температуры, о котором ты говоришь.

— Правильно. Значит, прибавим еще 300 м глубины.

— Проект заманчивый, но уж очень фантастический, вроде романов Жюля Верна. Ни в одной стране еще не извлекают тепло с такой глубины и не разводят рыбу в тундре.

— А мы попробуем! На то мы и Советский Союз, самый передовой в мире. Человечество со временем, когда сожжет все запасы угля и нефти, все леса и торфяные болота, неминуемо вынуждено будет извлекать тепло из глубины Земли, если не захочет замерзнуть. И мы попытаемся проложить ему дорогу.

— Ты меня увлекаешь. Когда вернемся в Москву, нужно будет поговорить со специалистами по рыбоводству и теплотехнике. А теперь пора спать. Завтра рано вылетим дальше. И ночью мне, наверное, будут сниться бесчисленные пруды с жирной рыбой, огромные стада оленей, теплицы со свежими огурцами.

2. Переговоры

Осенью Сомов и Филонов, вернувшись в Москву, начали вести переговоры со специалистами относительно возможности осуществления своего проекта завоевания тундры. Сначала они посетили крупного специалиста по рыбоводству. Выслушав их внимательно, он спросил:

— А какую глубину имеют эти многочисленные озера и озерки, в которых вы собираетесь разводить рыбу?

— В большинстве случаев метра два, может быть, три в самой глубокой части.

— Этого слишком мало. Вы говорите, что нужно иметь подо льдом слой воздуха в метр, чтобы оно не вымерзло; какую толщину имеет лед? Уж не меньше 50, а то и 75 см. Сколько же у вас останется воды для рыбы? Четверть метра, только в самой глубокой части метр с четвертью. В эту глубокую часть набьется вся рыба с озера; там будет больше рыбы, чем воды, и вся рыба подохнет.

Сомов и Филонов смущенно переглянулись.

— Нужно, чтобы по всему водоему осталось не менее метра воды для зимовки, — продолжал рыбовод, — следовательно, ваши мелкие озера не годятся. Их нужно углубить. Привезти землечерпалки в тундру и передвигать их с одного озера на другое посуху. Во что обойдется их перевозка в тундру и перемещение! А потом забивка свай в дно озер в качестве подпорок для льда. Чтобы забивать их, нужен копер, солидный плот, чтобы поставить его на озере.

— Можно забивать зимой со льда, — вставил Сомов.

— Допустим. Для свай нужен хороший толстый лес, хотя бы 15 см в диаметре. А на границе леса, в лесотундре, как вы говорите, лес тонкий и дряблый. Значит, лес придется возить довольно далеко с юга. Во что это обойдется!

— Конечно, придется сделать крупные затраты, завоевание тундры даром не выполнишь, — заявил Филонов.

— Еще вопрос, — продолжал рыбовод. — Не лежит ли ваша тундра в области вечной мерзлоты?

— Конечно, — воскликнул Сомов.

— А до какой глубины летом оттаивает почва?

— На полметра, много на метр.

— Под дном озер мерзлота тоже есть? На какой глубине?

— Этого мы не знаем, — заметил Филонов.

— Если есть, — придется сваи забивать в мерзлоту и поэтому надевать на них чугунный башмак, что еще удорожит работу.

— Может быть, проще будет не углублять озера, а копать достаточно глубокие пруды, длинные, но узкие, чтобы обойтись без подпорок или минимальным количеством их, — предложил Сомов.

— Так! Но для рытья прудов нужно привезти экскаватор и к нему локомобиль. А с глубины одного метра пойдет мерзлота, которую экскаватор не возьмет, — возразил рыбовод.

— Если пруд сделать длинным, — заметил Филонов, — мерзлота будет оттаивать в одной части, пока экскаватор вскроет метр в другой половине. Так делают на золотых россыпях. Кроме того, отработанным паром можно ускорить оттаивание, помогать солнцу.

— Одним словом, вы считаете свой фантастический проект осуществимым, — закончил беседу рыбовод с улыбкой. — Что же, пожелаю вам успеха. А если нароете пруды, то с нашей стороны задержки не будет. Мальков или икру доставим вам на самолетах.

Летчики поблагодарили за информацию и распростились.

Следующий визит их был к специалисту по теплотехнике. Ему они изложили проект извлечения тепла из глубины для отопления жилищ и теплиц. Выслушав их, он сказал:

— Мысль использовать тепло земных недр для технических целей давно уже занимает умы, но пока она осуществлена только в редких местах, в районах молодых вулканов, где из трещин выделяются горячие газы и пары, которые легко направить в трубы. В вашей тундре имеются молодые вулканы?

— Я наводил справки у геологов, — ответил Филонов. — К сожалению, в тундре никаких проявлений вулканической деятельности нет.

— Вы думаете, что углубить одну скважину на километр достаточно, чтобы получить воздух с температурой 30°? — продолжал буровой специалист. — Такая глубина недостаточна. Чтобы получить постоянный ток теплого воздуха, нужно нагнетать холодный по внутренней трубе скважины, а теплый будет подниматься по наружной, окружающей первую. Но холодный на дне скважины не

успеет согреться до 30°, а на обратном пути вверх охладится, и вы получите уже чуть тепленький. Значит, нужно бурить значительно глубже, например до 1500—1800 м, чтобы получить на дне температуру в 45—55°. Какую мощность имеет слой мерзлоты?

— По некоторым соображениям, 200 или 300 м.

— Это удорожит бурение и усилит охлаждение теплого воздуха на пути вверх. И вывод — нужно набавить еще эти 200—300 м для глубины скважины.

— Но мысль осуществима? — спросил Сомов.

— Может быть. Нужно точно подсчитать скорость движения воздуха, потерю тепла на пути, количество тепла, которое сможет дать одна скважина, и количество, которое нужно иметь для жилого дома и теплицы определенной кубатуры в самые холодные месяцы. И все-таки глубина скважины останется под вопросом, пока при бурении не будет определен геотермический градиент в вашей тундре, т. е. не выяснится, насколько повышается температура на каждые 100 м глубины, или, иначе, геотермическая ступень, — сколько нужно пробурить, чтобы температура повысилась на 1°.

— А нельзя ли вместо скважины провести шахту? Она могла бы дать гораздо больше тепла и обеспечить им даже целый поселок.

— Конечно, но обошлась бы гораздо дороже. И все-таки сначала нужно пробурить скважину, чтобы выяснить величину геотермической ступени, без нее нельзя проектировать шахту, не зная, какую глубину задать, чтобы получить необходимую температуру. Но на шахту едва ли какое-нибудь учреждение Союза отпустит достаточные средства, так как польза ее весьма проблематична.

— Но она необходима для завоевания огромных, почти бесполезных для союзного хозяйства пространств тундры!

— У нас в Союзе имеется еще много пространств, которые можно и нужно завоевать для хозяйства, более близких и легких для завоевания, чем ваша далекая тундра.

Летчики так и не смогли убедить специалиста в своевременности и выгодности проекта. Однако, заинтересовавшись задачей использования тепла глубин, он согласился вычислить, какую температуру нужно получить в буровой скважине для согревания теплицы и жилого дома.

После разговоров со специалистами летчики обратились к народным комиссарам. Приема у них они добивались довольно долго, так как наркомы были заняты срочными делами, и «прожектеров» или «фантазеров», как называли наших летчиков в наркоматах, секретари допускали после длинных разговоров и нескольких отсрочек. Сначала удалось попасть к наркому, в ведении которого было рыбоводство. Он выслушал проект рыбоводных прудов в тундре и сказал:

— Кому нужна будет ваша рыба из тундры? Наши моря и реки доставляют Союзу массу рыбы в соленом, копченом, мороженом и свежем виде, а также в консервах и удовлетворяют все потребности. А если спрос увеличится — гораздо легче усилить ловлю в имеющихся бассейнах, увеличить число судов, сетей и ловцов, чем копать пруды в тундре!

— Есть одно крупное учреждение вблизи тундры, — возразил Филонов, — которое очень нуждается в свежей рыбе. Это — Норильский рудник и завод, имеющий большое значение для Союза. Этот рудник так далеко, па севере, что доставка туда продуктов затруднительна.

Взглянув на карту и справившись по телефону, нарком согласился помочь опытному рыбоводству в тундре, но с условием, что этот опыт будет проводиться поближе к руднику.

— Вот большое озеро Пясино, — сказал он, показывая его на карте. — Копайте пруды цепочкой так, чтобы в них проходила вода из речки, впадающей в озера, а стекала в озеро. Это недалеко от рудника, и снабжать его свежей рыбой будет легко.

Но относительно экскаватора, локомобиля и рабочих нарком ничем помочь не мог и направил летчиков к наркому цветной металлургии, в ведении которого был Норильский рудник.

— Если горнякам действительно нужна свежая рыба, — нарком и управление рудником должны вам помочь, — заявил он на прощанье.

Нарком цветной металлургии был занят, но выслушал летчиков внимательно и, заинтересовавшись питанием горняков своего самого далекого рудника, распорядился послать по телеграфу запрос о возможности выделить к будущему лету на время экскаватор, локомобиль и рабочих для работ на берегу озера Пясино.

— Вы получите все это только на летние месяцы и должны закончить все ваши пруды к концу августа, — предупредил он летчиков.

— Безусловно, — заявил Сомов. — Мерзлоту экскаватор не возьмет, и зимой он будет стоять без дела.

— Сколько успеем выкопать, столько и ладно, — добавил Филонов, — ведь это первый опыт, а готовые пруды к осени должны быть заселены рыбой, чтобы испытать, как она перенесет зимовку.

В ожидании ответа из Норильска летчики отправились к наркому нефтяной промышленности. Выслушав их с видимым нетерпением, он вскричал:

— Ну и фантазеры вы, товарищи! Хотите, чтобы я послал партию разведчиков в эту полярную тундру бурить скважину для определения геотермической ступени и извлечения тепла из земных недр! Кому там нужна теплица? Рыбам в ваших прудах тепла не нужно, а караулить их там не от кого. Разводите себе рыбу для горняков Норильска и оленьих пастухов. У нас все бурильщики

нарасхват и инструментов не хватает. Союзу нужно все больше и больше нефти.

Но наши летчики, добиваясь приема у наркома, успели поговорить с геологами наркомата, знавшими Сибирь, и узнали от них, что за Полярным кругом кое-где уже ведутся поиски нефти и кое-где она уже найдена. Их познакомили даже со строением местности между низовьями Енисея и Лены и с перспективами на открытие нефти. Поэтому негодование наркома не смутило их.

Филонов развернул принесенную с собой карту и сказал:

— Взгляните, пожалуйста, товарищ нарком, на интересующий нас район. Вот низовье Енисея, где на правом берегу уже ведется бурение на нефть с надеждами на успех.

— Это мне известно, — заметил нарком.

— А вот здесь, в районе Нордвика, имеется Соляная сопка, где нефть уже найдена.

— И это я знаю! Но какое отношение имеет ваш фантастический проект к нефти?

— Довольно близкое! От Енисея к Хатангскому заливу тянется широкая тундровая низина, геологи называют ее депрессией. Она нам хорошо знакома, мы вдоль нее летаем, завозим почту и припасы факториям и в Нордвик. А нефтяники-геологи говорят, что в этой депрессии, занятой тундрой, завоеванием которой мы заинтересовались, вполне возможно также найти нефть.

Нарком смутился. Об Енисейско-Хатангской депрессии он слышал на докладе о разведочных работах в Сибири, но нужды Баку, Грозного, Эмбы, Ферганы, начатые уже разведки в Приуралье заслоняли эту далекую окраину, не внушавшую пока большого интереса.

— Допустим, что эта депрессия может оказаться нефтеносной. Но все-таки причем ваш проект? — сказал он.

— Буровая скважина, которую мы просим заложить в тундре, — сказал Сомов, — может ведь обнаружить нефть.

— И поэтому будет разведочной на нефть, почему мы и обратились к вашему содействию, — добавил Филонов.

— А если она нефти не откроет? Большие затраты на нее пропадут даром.

— Отрицательный результат в разведочном деле не редок, товарищ нарком. И даже некоторые...

— Считают его положительным до известной степени, — улыбнулся нарком.

— Скважина выяснит геологическое строение депрессии и вместе с тем позволит определить геотермическую ступень, — прибавил Филонов.

— Вот где зарыта собака! — воскликнул нарком. — Где же вы хотели бы заложить скважину?

— Вблизи озера Пясино, вот оно на карте. Рыбоводы заставляют выбрать это место, так как недалеко Норильский рудник, ко-

торый мы будем снабжать рыбой и который за это снабдит нас экскаватором и рабочими для рытья прудов, — пояснил Филонов.

— А также топливом. На руднике, кроме меди, добывают и уголь, — прибавил Сомов.

— Для бурильщиков это соседство также будет удобно, — согласился нарком. — Но насколько местность благоприятна в отношении перспектив на нефть?

— Это решат ваши геологи после изучения местности. Ведь наши пруды можно копать и к западу, и к востоку от озера, и даже к югу. Желательно, чтобы скважина была вблизи них на тот случай, если наш фантастический проект извлечения тепла из недр осуществится.

— Но если скважина даст нефть?

— Тогда мы будем согревать нефтью теплицы и жилые дома.

— Вы убедили меня! — закончил нарком. — Ваша затея, конечно, рискованная. Но мы не против риска в горном деле. Я в ближайшие дни созову маленькое совещание геологов и приглашу вас. Оставьте ваш адрес и телефон у секретаря.

Через неделю совещание у наркома состоялось. Геологи подтвердили перспективность депрессии, но вблизи озера Пясино никто из них не бывал. На вопрос о рельефе местности летчики могли ответить, что по всей депрессии попадаются отдельные холмы и гряды холмов и что вблизи озера они также имеются.

— Вероятно, все эти холмы представляют ледниковые морены, — заявил один из геологов. — В литературе об этом имеются некоторые сведения. В таком случае они не дадут нам никаких указаний на строение.

— В отличие от сопок Эмбинского района и южного Приуралья, — добавил другой, — которые представляют купола коренных пород.

После долгих дебатов и доводов за и против совещание решило, что разведочную скважину в районе озера Пясино следует заложить, инструмент и мастеров отправить туда еще по зимнему пути весной с нижнего Енисея, но место заложения выбрать после осмотра района геологом.

Летчики ушли вполне довольные, тем более что от наркома цветной промышленности уже получили известие о том, что Норильский рудник доставит к озеру по зимнему пути экскаватор и локомобиль, а в начале лета — рабочих и стройматериалы для временных жилищ.

Второй визит к теплотехнику принес им не очень приятные новости. Инженер сказал им, что для того, чтобы дать теплице и жилому дому постоянный приток теплого воздуха в 25° в самые холодные месяцы, температура на дне скважины должна быть не менее 40°, а внутренний диаметр скважины не менее 10 см. Таким образом, необходимая глубина скважины увеличивалась до 1400 м,

и даже при допущении, что ниже нижней границы вечной мерзлоты геотермическая ступень быстро выравняется до средней величины в 33 м, т. е. что влияние вечномерзлой толщи на охлаждение нижележащих слоев распространится неглубоко. А нарком нефтяной промышленности заявил им, что скважину будут бурить до 1000 м, самое большое до 1200 м, и на такую глубину будут отправлены к озеру Пясино штанги и трубы.

Филонов хотел было опять идти к наркому, но Сомов отсоветовал.

— Не стоит выдвигать новые требования. Пусть начнут бурить, а там видно будет. Авось, ступень окажется, на наше счастье, меньше. Один геолог сказал мне, что и к северу и к югу от депрессии большое развитие имеют довольно молодые вулканические породы и что поэтому во всем этом районе земная кора еще не успела полностью остыть со времени их излияния.

— То есть ты надеешься, что скважина будет не такая глубокая, как подсчитал этот теплотехник?

— Да, надеюсь. И кроме того, когда начнут уже бурение, не станут спорить из-за лишних 100—200 м, чтобы не бросать скважину без результата. А если она встретит нефть на меньшей глубине — мы будем обеспечены теплом.

— И откажемся от задачи добывать тепло из земных недр прямым путем?

— Эта задача интересная, но второстепенная. Главная — рыбоводство.

3. Первые шаги

В конце февраля, когда кончилась полярная ночь и возобновилось воздушное сообщение с заполярными районами, наши летчики покинули Москву и вылетели к низовьям Енисея с большим грузом почты. Оставив часть ее в Игарке и Усть-Порте на берегах Енисея, их самолет повернул на восток и, перелетев через низкие горы, приземлился на Норильском руднике. Здесь летчики всегда были желанными гостями, доставлявшими письма, газеты и вести из центра. А в этот раз их встретили особенно радушно как инициаторов рыбоводства для снабжения рудника. Им показали экскаватор, снабженный двигателем, что избавляло от отдельного локомобиля. Он стоял уже несколько лет без употребления и нуждался в ремонте, который намеревались выполнить в марте-апреле, чтобы затем, разобрав эту громоздкую машину на части, доставить ее по последней зимней дороге к озеру Пясино.

Возник вопрос — в какое место? Это озеро имеет около 65 км в длину при ширине от 15 до 20 км. По заданию рыбоводов пруды собирались копать южнее озера, чтобы провести по ним воду из реки, впадающей в озеро с юга, и спускать ее в озеро. А по заданию Наркомнефти буровую скважину надлежало заложить в месте, бла-

гоприятном в отношении возможной нефтеносности. Как совместить эти условия?

Пришлось собрать совещание служащих и рабочих, бывавших на озере, южный конец которого находился в 30 км от рудника. По их сведениям выходило, что наиболее удобна местность по восточному берегу озера в его южной части, где ровные площади чередовались с холмами. Но представляли ли эти холмы купола, заманчивые для нефтяников, или ледниковые морены, — этого никто не знал: этим вопросом не интересовались до сих пор. А буровая скважина в качестве источника тепла, конечно, должна была быть пробурена вблизи прудов, чтобы не проводить тепло по трубам на большое расстояние. Это вызвало бы лишний расход на трубы и потерю тепла, несмотря на изоляцию труб.

Решили, что нужно вызвать геолога-нефтяника, который бы сопровождал инструменты от Усть-Порта к озеру в конце весны, возможно раньше, и осмотрел местность до перевозки экскаватора.

План продолжения повести «Завоевание тундры»

Весной летчики посетили Норильский рудник и соблазнили рыбоводством — свежую рыбу давать вблизи: [им] дали экскаватор, и лес, и локомобиль.

Ремонт его добровольцами. Летчик стал мастером.

Летом с первым пароходом прибыли бурильщики; буровые снаряды перевезли еще зимой из Усть-Порта, где одна скважина оказалась неудачной. Караван оленей вез трубы и шланги. Буран, из шлангов — чум. Откапывание оленей.

Рытье прудов, мерзлота с одного аршина, оттаивание ее паром по тонким буровым трубам, завезенным вредителем мастером [чтобы] бурить на нефть.

Постройка домов.

Бурение; в мерзлоте не нужно труб, 300 м.

Геолог, его жена(?) рыбовод.

Удача — на глубине 600 м трапп и температура уже 20°, 300 м траппа без труб — и температура 35°.

1942 г.

СОЛНЦЕ ГАСНЕТ

План повести

Покраснение Солнца в южной половине [земного] шара, сплошные тучи в результате войны — в северной. Холодные весна и лето; ранние заморозки погубили урожай. Причины — потухание Солнца или космическая туманность. Снежная суровая зима. Снеговые поля на севере. Это продолжается, усиливаясь, несколько лет. Развитие ледников на горах северной Скандинавии, Финляндии, [Хибины], усиление оледенения Шпицбергена, Земли Франца-Иосифа, Новой Земли, Таймыра, Верхоянского хребта, Чукотки. Понижение среднегодовой температуры в Ленинграде до —5°. Переселение народов на юг. Вымирание лесов на Севере, надвигание их на степи, больше [обилие] дождей в Средней Азии, на Украине.

Одновременно начинаются огромные работы по уходу человечества под землю; источники тепла — уголь, нефть, торф исчерпаны, а реки замерзают. Осталась атомная энергия. Экваториальные страны не могут вместить 3 млрд. [человек] и нужно в глубине [Земли] строить жилища, разводить огороды и поля, скотоводство, фабрики (атомная энергия). Начинают со старых глубоких рудников. Водоотлив. Водоснабжение. Электрический свет. Тепло недр. Вентиляция. Описание работ и трудностей, обвалы, прорыв воды. Работы идут в средних широтах и в тропическом поясе, так как север подо льдом. Описание подземных жилищ — коридоры, камеры, общие залы, детские сады. Полеты на ледники. Уровень морей понижается, освобождая новые площади. Жилье под Кавказом, Крымом, Альпами, Тянь-Шанем.

1946 г.

СКАЗАНИЕ ОБ АТЛАНТИДЕ

Отрывок из повести

1. Странная находка

Я проводил лето в маленьком курорте на берегу Атлантического океана в Бретани. Собственно, это был не курорт, а небольшая рыбацкая деревушка, в которую летом приезжали люди больших городов, искавшие полного покоя и отдыха в непосредственном общении с природой. Этого не дает ни один курорт с его скоплением лечащейся или просто веселящейся публики, с его курзалом, музыкой, выставкой женских туалетов, а если он на берегу моря, — то пляжем, на котором людей больше, чем песчинок.

Дать отдых нервам, утомленным городской жизнью, можно только в таком месте, где нет ни курзала, ни музыки, ни городской толпы.

Такие действительно «курорты» можно найти в самых глухих уголках побережья Франции, известных немногим любителям природы. Наряду со скромным жильем и достаточной, хотя и однообразной пищей (молоко, яйца, рыба), в них есть и пляж, правда, небольшой, и море, и живописные скалы, чистый воздух и полнейший покой. Рыбаки уже приспособились к летним гостям: они отдают им в наем лучшую комнату своей избы [дома], переселяясь на лето в сарай или под какой-нибудь навес, если комната у них только одна.

Достаточно отойти на четверть версты от селения — и вы очутитесь в полном одиночестве на берегу моря, на песке или среди скал, или на просторе полей, простирающихся вглубь, и можете наслаждаться часами общением с природой и невозмутимым покоем.

Я проводил лето в одном из таких селений; оно состояло из десятка изб [домиков], половина которых была занята такими же

любителями настоящего отдыха, как и я. Зная, почему каждый из нас выбрал это место, мы старались не мешать друг другу. У всех было свое излюбленное местечко на берегу моря, которое другие не занимали. Только во время обеда, а в особенности после заката солнца, мы собирались на час-другой на краю селения поболтать, обменяться парижскими новостями перед отходом ко сну, причем и рыбаки, если не были заняты, принимали участие в разговорах и сообщали нам свои «морские» новости о лове рыбы, бурях и неудачах. Мы часто присутствовали при выгрузке лова из лодок и научились различать все сорта рыб, о которых раньше не имели понятия, зная их только как составную часть меню ресторанов.

Я часто уходил на несколько верст от селения, карабкаясь через скалистые мысы, у подножия которых шумел прибой; на песке маленькой бухты, образовавшейся между ними, отдыхал. Весь берег этой местности состоял из такого чередования живописных скалистых мысов, выдвигающихся в море, и мягких, более или менее широких бухт. В тихую погоду, лежа на какой-нибудь глыбе, можно часами смотреть в соседнюю прозрачно-зеленую глубину, следить за подводной жизнью, наблюдая, как в рощах зеленых и красных водорослей скользят рыбы, сверкая при резких поворотах серебристой чешуей, как ползут крабы, как открывают и закрывают свои створки различные ракушки; или же при сильном ветре следить за разбивающимися о скалы волнами, плетущими вечно меняющееся кружево пены, слушать их убаюкивающий шум. В бухтах, растянувшись на песке под отступившим обрывом скал, можно часами греться на солнце, скинув стеснительную одежду, следить то за облаками, плывущими по синему небу, то за набегающими на пляж волнами. А во время отлива, когда море отступает на десятки сажен, — какое наслаждение бродить босиком по твердому влажному песку, собирая оставленные морем богатые курьезы — ракушки, медузы, рыбы, ловить крабов и потом спешить к берегу перед наступающим прибоем, заливающим ноги.

В одну из таких дальних экскурсий я улегся на песке небольшой бухты, ограниченной двумя далеко выдающимися мысами. Глаза устали от блеска волн, слух — от шума прибоя. Я лег спиной к морю и погрузился в мечты полудремоты. В промежутке между мысами бухта была ограничена обрывом сажени в три высотой, над которым тянулся редкий сосняк, потрепанный бурями. Попасть в бухту можно было только через скалы того или другого мыса, так как обрыв был почти отвесный, поэтому бухту посещали очень редко. Во время бурь волны подкатывались к самому подножию обрыва, поддерживая его отвесность. Все, что скоплялось при постоянном разрушении в промежутке между бурями и могло бы со временем сгладить обрыв, уносилось волнами.

Лежа лицом к обрыву, я впервые обратил внимание на его состав: в нижней части выходили те же породы, которые слагали и скалы мысов, но вверху, на их неровной поверхности, налегала

толща галечников, в полторы-две сажени — продукт работы волн давно минувшего времени, когда уровень моря был выше, чем в настоящее время. Крупные и мелкие валуны и гальки образовали неправильные слои, чередуясь с гравием и песком; этот материал был связан друг с другом довольно крепко, почему и держался отвесно.

Следя машинально за отдельными слоями гальки и валунов в их прихотливом сочетании, я заметил в одном месте валун какой-то странной, совсем четырехугольной формы, словно море нисколько не поработало над ним, чтобы закруглить его острые углы и ребра. Он находился почти непосредственно над скалистой частью обрыва, в нижнем слое валунов.

— Нужно будет осмотреть его как-нибудь, — подумал я и снова погрузился в мечты.

Через несколько дней, собираясь в обычную прогулку вдоль берега, я вспомнил об этом странном валуне и захватил свой геологический молоток, который сначала постоянно носил с собой, но потом, изучив состав всех скал, оставлял уже дома за ненадобностью, предпочитая брать сачок для ловли крабов. Итак, вооружившись молотком, я дошел до бухты и взобрался по откосу, усыпанному валунами, к подножию обрыва.

Загадочный валун торчал над моей головой на высоте двух футов, и я с трудом достал его молотком. Первый же легкий удар поразил меня. Он прозвучал глухо, словно я ударил по дереву. Я стал рассматривать валун внимательно теперь уже с близкого расстояния и удивился еще больше — он имел форму правильного прямоугольного параллелепипеда, длиной фута полтора и высотой до одного фута, матово-черную окраску, если не считать охристо-бурые натеки и пятна, местами скрывавшие его настоящий цвет.

— Вероятно, обломок балки какого-нибудь корабля, — решил я; и так как это не представляло уже геологического интереса, сошел с обрыва и улегся в обычном месте на песке, предавшись своим ленивым мечтам.

Но затем мысль вернулась к этому деревянному валуну. Он был погребен под толщей гальки и валунов в две сажени, и это обстоятельство заставило меня задуматься. Такая толща могла накопиться в течение очень долгого времени и тогда, когда уровень моря был значительно выше, чем теперь. Следовательно, обломок попал на свое место очень давно, не столетия, а многие [?] тысячелетия прошли уже с тех пор. И если это часть корабля, то каких-нибудь древних викингов, норманнов, может быть, римлян времен до рождества Христова. И хотя я археологией не занимался, мне показалось интересным рассмотреть этот обломок поближе. Но как к нему добраться? Лестницы же или какого-нибудь материала для подмостков поблизости не было. Пришлось отложить осмотр до следующего дня.

Но на следующий день с утра разразился сильнейший шторм, и дорога по морскому берегу сделалась недоступной. Громадные волны с грохотом обрушивались на скалистые мысы и врывались в бухты одна за другой, словно зеленые чудовища с изогнутой шеей и белой гривой. Скалы дрожали под ударами этой бешеной атаки, брызги взлетали фонтанами выше гребня обрывов. Любуясь с высоты разнообразными картинами бешеного прибоя, я совсем забыл о своей вчерашней находке, а когда увидел, как высоко заливались волны в бухты, подумал, что мне ее больше не видать — она наверное вымыта прибоем и унесена.

Только через два дня буря утихла, море успокоилось и только слегка волновалось под теплыми лучами солнца, словно укрощенное чьей-то властной рукой во время бешеного порыва. Я отправился обычным путем к дальней бухте, втайне надеясь, что обломок древнего корабля не унесен водой и, может быть, даже остался еще в своем убежище, в котором пролежал столько веков. Но надежда была так слаба, что я не захватил с собой небольшую лестницу, которую высмотрел на чердаке избы [домика] своего хозяина.

Спускаясь со скал к бухте, я уже издали заметил, что в том месте, где должен был находиться этот обломок, в обрыве сильно выдается какой-то темный предмет. Я ускорил шаги — и через несколько минут был уже у подножия обрыва. Какое счастье! Обломок не только остался на месте, но стал неожиданно легко доступным — он на три четверти или более был уже освобожден от окружающего галечника, размытого на всю высоту ударами волн. Он торчал, держась узким концом в обрыве, и было ясно, что еще одна такая буря — и он очутится в волнах.

Я потрогал его молотком и почувствовал, что он слегка поддается давлению. Несколько легких ударов справа и слева по выдавшейся части — и обломок вывалился, сопровождаемый кучей валунов и гальки, к подножию обрыва. Я вынужден был даже отскочить, чтобы мне не ушибло ногу градом камней. Я успел заметить, что эти камни, падая на обломок, издавали глухие звуки, словно били по пустотелому предмету. Это, конечно, увеличило мое любопытство, и я, едва дождавшись конца осыпания, бросился на добычу, словно коршун на зазевавшегося цыпленка. Отбросить камни, отгрести песок — было делом нескольких секунд. И вот передо мной лежит действительно что-то странное. Это, конечно, не обломок древнего корабля, а нечто несравненно более интересное. Сразу было видно, что это нечто зашито в грубую просмоленную ткань, нити которой ясно выступали благодаря светлой пыли, набившейся в ячейки.

— Неужели я нашел какой-то древний клад? — подумал я. — Как он сюда попал? Кто закопал его и когда?

Осмотр обрыва над впадиной, которая осталась после того, как предмет вывалился, показал мне, что о закопанном кладе не могло

быть и речи. Слои гальки и валунов проходили нормально, не видно было никакого нарушения строения, которое обнаружилось бы неминуемо, если бы люди выкопали яму, чтобы опустить в нее этот предмет. Следовательно, единственное возможное объяснение его присутствия было то, что он был выброшен волнами еще в то время, когда отлагался слой гальки и валунов, среди которых он был похоронен. А это доказывало его громадную древность.

С жутким чувством неразгаданной тайны я поднял предмет. Он был довольно тяжел и имел длину в 20 дюймов, ширину — в 12 и высоту — в 10. Это, очевидно, был деревянный ящик, тщательно зашитый в просмоленную ткань. Кроме молотка, у меня не было с собой никакого инструмента, чтобы вскрыть находку, поэтому приходилось нести ее домой. Смахнув платком пыль и песок, я взвалил ее на плечо — в ней было фунтов 30—35 — и понес. Но по дороге мне пришла в голову следующая мысль: на пути к селению я мог встретить кого-нибудь из немногих [?] дачников, и вид моей ноши не мог не возбудить внимания и расспросов. В селе я, конечно, также не смог бы пройти в свою комнату незамеченным. Словом, моя находка должна была стать известной раньше времени, что мне было крайне нежелательно, так как я сам еще не знал, что за сокровища послала мне судьба. О находке могла узнать полиция и потребовать выдачи ее в пользу государства; владелец земли, оканчивавшейся обрывом у моря, где я нашел ее, мог потребовать свою долю. Словом, благоразумнее было пронести находку к себе незаметно. Я чувствовал себя уже почти вором, который должен скрыть краденое, — приятное положение! Между тем, какое право в сущности имели государство или владелец земли на мою находку? Если бы я не спас ее, она вернулась бы в море, в то море, которое принесло ее сюда целые столетия тому назад неизвестно откуда. Эта вещь появилась здесь после кораблекрушения, а такими вещами всегда пользуются жители берега, на который волны выбрасывают свою добычу. Я, временный житель этого берега, сделал находку, и я — ее законный владелец.

Этими рассуждениями я мотивировал необходимость пронести свою находку домой незаметно и не говорить о ней ничего преждевременно. Но это можно было сделать только ночью или на рассвете. А до того времени нужно было спрятать клад. Но где? Оставить здесь, засыпав песком? А если к вечеру опять разыграется буря и унесет его? Я ломал себе голову, где надежнее укрыть свое сокровище до ночи. Наконец вспомнил, что на соседнем скалистом мысе я видел маленькую пещерку, находящуюся выше самого сильного прибоя, в которой я как-то прятался от налетевшего ливня. Я взвалил ящик на плечи и полез с ним на скалы. Затем отыскал пещеру, засунул его в глубину и пошел домой. Но едва я отошел несколько шагов, как подумал, что случайный посетитель может найти его здесь — до вечера ведь было далеко. Эта мысль смущала меня, и я, не решаясь покинуть свое сокровище, сел

на соседнюю скалу, откуда была видна пещера. Хорошо видно было и почти весь путь до селения, совершенно безлюдный в это обеденное время. Я быстро вернулся к пещере, вытащил ящик и скорым шагом направился к селению, надеясь донести его незаметно. Три четверти расстояния было уже пройдено. Я ужасно торопился, пот лил с меня градом под лучами полуденного солнца. Но вот на краю селения показался человек, шедший мне навстречу. В одно мгновение я сбросил ящик на землю и сел на него, делая вид, будто сижу на камне. Вскоре человек прошел мимо, не обратив на меня внимания — это был один из дачников. Когда он скрылся за соседним мысом, я хотел было подняться, но на окраине селения появилась вторая фигура. Я переждал, пока прошла и она, но затем появилось уже несколько новых. Стало очевидно, что время для переноса неудобно; тогда я свернул в соседний молодой сосновый лесок, росший на небольшой дюне, и быстро зарыл свою находку в рыхлый песок у подножия сосны. Конечно, нужно было тщательно заметить место, чтобы найти его в сумерках. Все молодые сосны, как известно, похожи друг на друга, как две капли воды, так что по ним ориентироваться невозможно. Пришлось отмерить шагами расстояние от края леса и взять направление по компасу.

Остаток дня я провел в тревожном состоянии, не переставая думать о своем кладе. Что могло заключаться в нем? То обстоятельство, что его выбросило морем и что он, судя по оболочке, был приспособлен к морскому плаванию, позволяло думать, что в нем содержались какие-то особенные ценности, которые хотели спасти при кораблекрушении. Что это за ценности? Может быть, золотые вещи и деньги? Небольшой вес ящика заставил отказаться от этого предположения. Драгоценные камни — ожерелья, браслеты, перстни, диадемы — это было более вероятно. Бумажные деньги, акции — безусловно, нет, если считать правильным тот вывод, что клад очень древний. Бумажки времен римских цезарей или египетских фараонов, конечно, могли иметь только исторический интерес. Может быть, это какие-нибудь важные документы, которые прольют свет на события очень давних времен.

Я не мог усидеть дома и все послеобеденное время шатался по соседству с леском, где был спрятан клад, чтобы оберегать последний от случайных прохожих. Когда солнце село, я стащил во дворе хозяйский мешок, чтобы удобнее было нести ящик и чтобы лучше скрыть ношу в случае встречи, и отправился в лесок, где еще засветло нашел место и уселся возле него в ожидании темноты.

2. Вскрытие клада

Наконец сумерки сгустились, и в довершение удачи надвинулись тучи. Ночь сделалась темной. Я вырыл свой клад, засунул его в мешок и понес домой. Окна моей комнаты выходили

на улицу, а дверь — во двор, где легко можно было встретиться с кем-нибудь из хозяйской семьи. Поэтому я предусмотрительно оставил одно окно незапертым и теперь открыл его, бросил мешок в комнату, а сам порожняком прошел через двор. Встретив хозяйку, я попросил ее закрыть ставни и не тревожить меня больше: «Я сегодня очень устал и сейчас же ложусь спать».

Из предосторожности я завесил окна еще одеялом и простыней, запер дверь и приступил к вскрытию находки, торжественно водворенной на обеденный стол.

Когда просмоленная грубая материя была взрезана ножом, из-под нее показался ящик, чрезвычайно прочно сделанный из дуба. Как известно, дуб может лежать целые века в воде, не подвергаясь гниению. Долго я осматривал ящик, чтобы узнать, с которой стороны была крышка; это было нелегко, так как все стороны казались одинаковыми и не видно было ни гвоздей, ни винтов, словно это был не ящик, а просто кусок дуба. Однако звук показывал, что дерево не сплошное. Еще днем я запасся у хозяйки небольшой пилой и теперь приступил к отпиливанию одного из узких концов. Пила едва брала это дерево, которому, возможно, было несколько тысяч лет; казалось, что пилишь твердую кость. Эта работа заняла часа два, и пот лил с меня градом. Наконец узкий конец ящика отвалился — и я увидел его содержимое. При свете лампы перед моими глазами тускло блестела поверхность драгоценного металла — золота. Дубовый ящик как-будто содержал золотой слиток громадной величины. Но это предположение пришлось сразу же отбросить — слиток золота такой величины должен был весить пуда четыре, если не больше, и я бы не мог его сдвинуть с места. Очевидно, золото служило только оболочкой чего-то другого, еще более ценного. Но как вскрыть ее? Она совершенно заполняла дубовый ящик, и вытряхнуть ее из последнего оказалось невозможным. Однако под давлением руки золото слегка прогибалось, доказывая, что это только футляр и второй, металлический ящик находится внутри деревянного.

Пришлось прибегнуть к молотку и зубилу, которые после нескольких ударов пробили золотую оболочку, толщиной всего лишь в 1 мм. Поэтому при помощи толстого охотничьего ножа, зубила и молотка я после получасовой работы разрезал с узкого конца и эту вторую оболочку. Под ней оказалась третья из какой-то плотной материи, пропитанной воском. Но тут мне уже удалось вытряхнуть все содержимое на стол. Оно представляло собой толстый пакет, тщательно завернутый в вощеную шелковую материю, вроде китайской шелковой клеенки, которая со временем утратила свою гибкость и при попытке развернуть ее распадалась на части. Осторожно, отрывая кусок за куском, я освободил, наконец, четыре толстые тетради из желтоватой непроклеенной бумаги с крышками и корешками из толстой шелко-

вой материи; формат их был во всю площадь внутри ящика, т. е. 16×10 дюймов. Каждая тетрадь имела почти два дюйма толщины.

Было уже около полуночи, когда я трепетной рукой развернул эти тетради на столе, освобожденном от ящика и инструментов. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что текст тетрадей для меня абсолютно недоступен. Я не мог даже определить, на каком языке они написаны; это не были ни египетские, ни китайские иероглифы, ни клинопись ассирийцев, ни тем более буквы какого-либо из языков Европы или Азии — еврейского, греческого, арабского, монгольского, не говоря уже о латинском и славянском; алфавит всех этих языков я знал хотя бы по начертанию некоторых букв. Нет, это были иероглифы, но совершенно незнакомые мне; они состояли из волнистых линий, коротких и длинных, продольных и поперечных, в разных сочетаниях, создававших своеобразные фигуры.

Перелистав тетради и убедившись, что все они написаны на том же языке, я пришел к выводу, что моя находка, казавшаяся чрезвычайно важной, так как она дала документы какого-то неизвестного истории народа, не может быть использована без помощи специалистов, к которым и нужно было обратиться. Поэтому я упаковал тетради — о, профанация! — в номер современной французской газеты, засунул пакет в золотую оболочку в ящике, последний также прочно завернул в газеты, завязал и запрятал в свой дорожный кофр, чтобы хозяйка или члены ее семьи случайно не обнаружили сокровища.

Я плохо спал в эту ночь; мне снились настоящие клады — то тяжелые, окованные ржавым железом сундуки, набитые золотыми монетами — испанскими дублонами, французскими луидорами, английскими гинеями, то высокогорлые кувшины, из которых сыпались полустертые римские, греческие и египетские монеты; я их откапывал, потом пригоршнями пересыпал золото и наслаждался его звоном и блеском. Но к монетам постоянно примешивались со странными иероглифами листы бумаги, которые я отбрасывал в сторону, а они опять лезли под руки; количество их все увеличивалось, и, наконец, под потоком бумаги золото исчезло. Я застонал и проснулся — сквозь щели ставень пробивались яркие солнечные лучи, и пылинки танцевали и плавали в них.

Прежде чем начать одеваться, я убедился, что кофр на месте и замок цел. Когда ставни были открыты и хозяйка принесла мне завтрак, мне захотелось осмотреть свой клад при дневном свете. Заперев дверь, я достал его и стал изучать. Теперь оказалось, что я вскрыл деревянный ящик не с того конца; с противоположной стороны можно было видеть тщательно замаскированную задвижку, которая была закреплена одним винтом с утопленной в дереве головкой и замазана опилками и клеем. Удалив замазку, я с боль-

шим трудом вытащил винт и отодвинул задвижку; под ней обнаружился верх золотого футляра, края которого были загнуты конвертом и припаяны каким-то металлом, похожим на олово. Таким образом, ценная рукопись была защищена от действия морской воды тройной оболочкой — просмоленной материей, стенкой дубового ящика в 1—1,5 дюйма толщиной и золотым футляром в 1 мм, не говоря уже о внутренней шелковой клеенке — единственном материале, который пострадал от времени.

В четырех тетрадях рукописи была тонкая желтоватая бумага, похожая на китайскую, на которой пишут кисточкой с тушью. Она совершенно не пострадала от времени — листы не рвались и не рассыпались; в каждой тетради я насчитал 1000 страниц, исписанных только с одной стороны. Никаких картинок не было, но в начале одной из них [тетрадей] я наткнулся на несколько географических рукописных карт с нанесенными на них очертаниями островов, с городами, обозначенными квадратами, горами, изображенными конусами, как на старых китайских картах, реками и озерами. Названия при них были написаны теми же иероглифами, как и текст. На одной странице был план какого-то большого города, окруженного стеной с башнями и воротами; на другой странице план более крупного масштаба, очевидно изображал какой-то дворец или крепость с внутренними дворами, садом, где ясно различимы были аллеи, фонтан, беседки.

Перелистывая тетради, я, наконец, нашел в начале или в конце одной пз них (правда, об этом было трудно судить, так как из-за неизвестного шрифта я не знал, читать ли его строчки справа налево или наоборот, а может быть, сверху вниз столбцами, и где начало и конец страницы) иероглифы, которые нельзя было не признать за египетские; они занимали полстраницы, тогда как другую — обычные для всей рукописи иероглифы. Это показалось мне знаменательным — не был ли здесь перевод части текста на египетский язык, что позволило бы найти ключ к остальному тексту.

Через две недели, когда мой отпуск кончился, я поспешил в Париж, где разыскал известного египтолога д-ра Фруассара, которому и представил свою находку, повергшую его в немалое изумление. Он расспросил и записал себе все, что я знал о ней, и обещал изучить рукопись. Он подтвердил мое предположение, что полстраницы с египетскими иероглифами могут дать ключ к разгадке всей рукописи, так как остальные иероглифы были абсолютно неизвестны науке. Он просил меня зайти через неделю, чтобы узнать результат расшифровки этой полстраницы.

Но через три дня разразилась великая европейская война. Я поспешил окольными путями на родину, попал на фронт, был вскоре взят в плен и провел ужасные годы в концентрационном лагере. Вернувшись в Россию только в 1919 г., я из-за прерванной связи и гражданской войны смог только три года спустя написать в Париж

в надежде, что Фруассар, несмотря на свои годы и болезни, пережил эти восемь лет. Вот ответ, который я получил от него.

«Дорогой и уважаемый коллега! Я был несказанно рад, узнав, что Вы живы и на родине, так как это помимо всего прочего позволит мне опубликовать труд первостепенного значения. Вы помните, мы условились перед этой несчастной войной, что я сначала должен известить Вас, что представляет найденная Вами рукопись, и условиться относительно ее опубликования. Я употребил три года на ее расшифровку, тяжелые военные годы! Но не имея известий о Вас, несмотря на справки, наведенные в разное время, еще не опубликовал ничего. Все готово для печати, и я позаботился, чтобы в случае моей смерти мой ученик и преемник д-р Лево занялся этим делом. Мы решили ждать еще два года и, если по истечении десятилетия со дня находки рукописи Вы не подадите признаков жизни, — опубликовать ее самостоятельно ввиду ее громадного научного значения. К счастью, Вы живы, и мы можем сделать это немедленно. Этой же почтой я посылаю вам копию перевода, после ознакомления с которой Вы сообщите Ваши условия. О них я доложу Академии наук.

Из копии Вы узнаете все подробности. Теперь же я ограничусь указанием, что эта рукопись — история последних лет государства Атлантиды, той загадочной Атлантиды, в существование которой многие упорно не верят и которое теперь, благодаря Вашей находке, становится бесспорным. Летописец излагает события последних лет, предшествовавших гибели этого государства, вплоть до последних дней его существования. Он продолжает свое описание дрожащей рукой даже в те дни, когда катастрофа уже развертывается во всем своем величии и во всем своем ужасе, и кладет перо в последнюю минуту, когда рушится все вокруг него, чтобы успеть еще схоронить свою летопись в надежном месте в назидание грядущим поколениям.

Благодаря этой трогательной заботе летописца исторический материал огромной ценности сохранился для науки, а Вашему счастью и умению мы обязаны тем, что море, выбросившее драгоценный ящик, не поглотило его вторично и навсегда.

С нетерпением жду Вашего ответа.

Готовый к услугам Ж. Фруассар».

С волнением я прочитал это письмо. Так это летопись Атлантиды удалось мне спасти благодаря такому счастливому случаю, исключительно счастливому! Достаточно вспомнить, что если бы я не заметил в тот знаменательный день перед бурей этот странной формы обломок древнего корабля или если бы я не дошел до этих мест во время своей прогулки, море вновь поглотило бы свою добычу в течение какой-нибудь недели. Как прочно ни была закупорена летопись, ее оболочка не выдержала бы работы прибоя,

который в течение нескольких дней бросал бы ее взад и вперед между валунами. Однажды, много веков назад, драгоценный ящик уже спасся от гибели в морской пучине — волны выбросили его на берег, вероятно, во время легкой бури. Валуны и галька быстро схоронили его, спасли от населения, тогда, несомненно, совсем дикого, которое оценило бы золото оболочки, но не летопись. Ею играли бы дети рыбаков, не знавшие никакой письменности.

Итак, передо мной — летопись Атлантиды, той загадочной страны, о которой мы знаем только из повествования Платона, передававшего слова древнеегипетских жрецов, повествования, которое многими учеными считалось просто сказкой. Жюль Верн в своем романе «80 000 лье под водой» показал читателю развалины великого города, погруженного на дне океана. Некоторые ученые-геологи стремились доказать на основании научных данных, что Атлантида существовала и могла погибнуть на глазах человека; другие же ученые так же убедительно доказывали, что если она [и] существовала вообще, то погибла гораздо раньше, когда людей еще не было.

С огромным интересом читал я в течение нескольких дней сказание летописца, описавшего события в кач[естве] очевидца. Оно появилось полностью в трудах французской Академии наук; я же даю здесь только популярное изложение некоторых событий, так как оригинал написан тяжелым языком, страдает изобилием подробностей, интересных скорее для историка и этнографа; повествование довольно отрывочно, особенно в последней тетради. Летописец торопился записать все, что происходило вокруг него, не заботясь ни о стиле, ни о связи. На его глазах шло к неминуемой гибели великое государство: пышная столица, его соотечественники, трудолюбивый и культурный народ — где тут было заботиться о красивом изложении! Я же по этим данным отбрасывал все ненужное, сохраняя из летописи только то, что необходимо для понимания характеров и событий. Последние годы Атлантиды я излагаю в виде рассказа, причем заимствую кое-что и из ученых комментариев Фруассара, который на основании других исторических данных определяет время существования этого государства и характеризует состояние его ближайших соседей, стран Западной Европы — Великобритании, Франции, Испании и Португалии.

Необходимым введением является глава, в которой кратко характеризуется положение Атлантиды, характер ее культурного и государственного устройства.

1935 г.

Содержание

Владимир Афанасьевич Обручев

Путешествия в прошлое и будущее

Научно-фантастические произведения

Утверждено к печати редколлегией научно-популярной литературы Академии наук СССР

Редактор издательства *Л. И. Приходько*
Художник *Ю. К. Бажанов*
Технический редактор *С. Г. Тихомирова*

Сдано в набор 23/II 1965 г. Подписано к печати 26/IV 1965 г. Формат $60\times90^1/_{16}$
Печ. л. 15,25 + 1 вкл. Уч.-изд. л. 15,4 (15,3 + 0,1 вкл.)
Тираж 75000. Изд. № 74/65
Тип. зак. № 104. Темплан НПЛ 1965 г. № 58

Цена 1 руб.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9 линия, дом 12

